

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности

Материалы научной конференции студентов и аспирантов

15–16 апреля 2010 года, Санкт-Петербург

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

К65 **Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы научной конференции студентов и аспирантов** (15–16 апреля 2010 года, Санкт-Петербург). — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — 148 с. [4 с.] илл.

ISBN 978-5-94380-094-8

Издание представляет собой сборник материалов четвертой конференции «Конструируя “советское”?» (15–16 апреля 2010 г., Европейский университет в Санкт-Петербурге). В конференции участвовали студенты и аспиранты из Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Ростова на Дону, Перми, Екатеринбурга, Белгорода, Тюмени, Харькова, Одессы и Бреста. Участники конференции пытались осмыслить феномен «советского» через призму концептуально новых подходов. В сборнике представлены работы по следующим темам: человек в советской системе, позиция власти и оппозиция, политический юмор о советском, труд в советском обществе, советский «средний класс» и др.

Сборник опубликован при поддержке Центра франко-российских исследований в Москве.

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

ISBN 978-5-94380-094-8

СОДЕРЖАНИЕ

Арсеньев Павел
Санкт-Петербургский государственный университет
филологический факультет
магистрант, 2 курс

«ЗЕМЛЮ ПОПАШЕТ, ПОПИШЕТ СТИХИ»: ПРОИЗВОДСТВЕННИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

В докладе планируется проблематизировать концепцию производственного искусства, появившегося в 1920-х гг. в молодом советском государстве, как формы коллективной художественной деятельности и инновационной социальной практики, направленной на трансформацию как производственных отношений внутри искусства, так и отношений между людьми в социальном целом.

Основным достижением производственного искусства обычно называют Советский отдел на Международной выставке декоративного искусства и промышленности 1925 г. в Париже, над павильоном которого работал К.С. Мельников, а центральный экспонат которого — знаменитый «рабочий клуб» — спроектировал А.М. Родченко (вспоминают также татлинскую мебель, текстиль Поповой, модели прозодежды Миллер и Степановой, рекламные плакаты Стенбергов, фотомонтажи Маяковского-Родченко, авангардную полиграфию Гана и Эль Лисицкого, модели и сооружения «города будущего» Лавинского, супрематическую посуду последователей Малевича, театральную биомеханику Мейерхольда и «киночество» Вертова). Участие таких громких имен в этом движении часто объясняют «всего лишь» леваческими увлечениями или, например, вынужденной «коллективизацией» отдельных художников в сложных условиях первых лет советской власти, тогда как в действительности это был вполне «осознающий себя» культурный фронт, широкое движение, занимавшееся созданием в небывалых для художников масштабах новой материальной и духовной культуры огромной страны.

В эпоху раннего модернизма утвердилось представление об искусстве как о своего рода антиобщественной деятельности, враждебной по отношению к буржуазной системе (хотя бы эта враждебность и не являлась его непосредственной целью). Реализуя проект «чистого искусства», художники-модернисты прибегали ко все более и более редукционистским методам, подвергали себя все более и более суровой эстетической

аскезе, означающей отказ от соучастия в жизни общества, от исполнения предписанной этим обществом роли — роли «дизайнера» существующего миропорядка. Уже у дадаистов произведение искусства в значительной мере превратилось в инструмент провокации, насмешки, отрицания общества в его актуальном состоянии. Однако такая инструментализация искусства уже предвосхищала изменения установки и переход от отрицания старого порядка к утверждению нового. Следуя прежде всего собственному пути, направление которого подготовлено предшествующим опытом художественной эволюции, переход от «жизнеописательных» форм искусства к искусству «жизнестроительному», декларируемый платформой производственного искусства, предполагал прямое участие художника, писателя, теоретика в построении нового общества, нового быта, нового человека, и являлся переосмыслением социальных функций самого искусства, которое из производства раритетов для «незаинтересованного созерцания» должно превратиться в форму организации коллективной жизни общества. Кроме того, что самой эстетической эволюцией, регулярно оказывавшейся в тупике без соответствующей трансформации отношений между искусством и социальным целым, был подготовлен переход от «изображения» к «изменению» материального мира, приход Октябрьской революции не оставил искусству другого выбора, кроме как продолжать эстетизировать ее успехи (или неудачи) в репрезентативных практиках либо возглавить революцию эстетическую путем перехода к проектированию и внедрению новых форм быта.

К 1922 г., в противовес отождествляемому главным образом с Александром Родченко и Элем Лисицким конструктивизму с его отказом от станковой живописи и упором на социальную инженерию, ИНХУК выдвинул платформу производственного искусства. Лидеры этой платформы — Осип Брик, Борис Кушнер и Борис Арватов — также отстаивали идею отказа от станковых форм искусства, традиционно обладающих более низкой устойчивостью к паразитированию идеологии, в пользу форм прикладных, но, кроме того, реанимировали античное и средневековое представление об искусстве как об утилитарной практике, как о «техне». До того, как искусство превратилось в индивидуальное потребление иллюзий, подменяющих собой реальность, оно было в первую очередь способом организации коллективного практического опыта. Искусство означало высшую степень производственной квалификации, соответствующей уровню развития технологий. В буржуазную эпоху искусство было искусственно заточено в статичные производственные отношения и тем самым отделено от прогресса инструментальной базы производительных средств. Вследствие этого и утверждается представление об искусстве

как об автономной области, светском инварианте религиозного культа, компенсирующем стремительную энтропию пространства общего (ср. критику искусства у Ницше).

Таким образом, программа производственного искусства, пересматривая отношение искусства к «быту» на институциональном уровне, манифестирует такой инновационный тип социальной и художественной практики для «творческой единицы», который заключался бы, во-первых, в переходе от автономного производства репрезентаций к производству реальных вещей, а во-вторых, в возвращении физическому труду его творческого характера через общее перефункционирование индустриального рабочего в художника[1].

Если в раннем формализме альтернативной политэкономической моделью, освобождающей человека от автоматизации и отчуждения, все еще выступал ремесленный труд кустаря-одиночки, являющегося прототипической фигурой художника (как это получалось и у Рескина и Морриса), то производственное искусство (с которым, особенно на момент издания журнала Новый ЛЕФ, формалисты сближаются) индустриальная повестка истории заставляет рассматривать задачу «быть художником в обыденной жизни» изначально в более широком и сложном контексте организации фабричного труда. Именно фабрику производственникам удалось осмыслить как потенциальный локус реальной преобразовательной работы по преодолению разделения труда и возвращению ему творческого характера, отчужденного капиталистическими производственными отношениями в пользу автономии искусства. Таким образом, эстетическая новация, смысл которой заключается в переходе границы, отделяющей (жизнеописательное) «искусство» от (жизнестроительного) «неискусства», в мобилизации сфер опыта, до сей поры находившихся за рамками художественного, вступает в резонанс с политическими силами, изменяющими структуру общества и вовлекающими в поле политической активности социальные группы, прежде остававшиеся за его пределами.

Конечно же, перед лицом не ослабевающей угрозы интервенции со стороны Антанты, когда промышленное производство и уровень производительности труда необходимо было незамедлительно повысить, а рыночные механизмы возродить хотя бы в границах НЭПа, стало неизбежно как появление новой буржуазии с ее спекуляциями, паразитизмом, расточительным потреблением и соответствующими эстетическими представлениями, так и возвращение к различным формам «потогонной системы»

---

[1] *Арватов Б.* Искусство и производство. М., *1926*.

и принуждения на заводах и фабриках, что привело к массовому недовольству рабочих. «Гибель» революции датируется большевиками крайне левых взглядов именно этим временем, когда технические преобразования, введенные партией, сразу же были включены в новый дисциплинарный производственный режим. Результат социально-художественных проектов на фабрике был во многом предопределен состоянием экономического базиса: все разговоры о производственных отношениях и «свободном рабочем» следовало отложить или, во всяком случае, осложнить насущными политическими задачами. НЭП, следовательно, коренным образом изменил направление революции, так как заставил партию принять меры по ограничению освобождения рабочих в условиях всеобщей нужды. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, какое-то время культурные левые не только обсуждали идею «свободной фабрики» и возможное место художника в рамках ее дисциплинарного режима, по сути возвращаясь к ранним большевистским дискуссиям о рабочем самоуправлении и производственных отношениях, но и смогли утвердить свое присутствие на самой фабрике.

Таким образом, в лозунге преодоления автономии искусства в том виде, в каком она существовала к началу Октябрьской революции, был не просто очередной маневр по «бросанию с корабля современности» отживших художественных стратегий, а призыв вернуть искусство широким народным массам отнюдь не являлся просто плакатным, но — в том и в другом — отражалась конкретная программа как эмансипации труда, возращения ему утраченного при капитализме творческого характера, так и демократизации самого искусства на уровне его нового коллективного автора и массового потребителя. Начиная с призыва к производству реальных вещей, дефицит которых ощущался в условиях неразвитого хозяйства, производственники целили в антропологию, в становящую родовую сущность человека. «Полное слияние художественных форм с формами быта; полное погружение искусства в жизнь; созидание максимально организованного и целесообразного, непрестанно творимого бытия — даст не только гармонию жизни, наиболее радостное и полное развертывание всех социальных активностей, но и уничтожит самое понятие быта. Быт, то есть нечто статическое, закостенелое, умрет, так как формы бытия (то, что сейчас является бытом) будут все время меняться с изменением производительных сил»[2].

Производственное движение, входящее как на уровне теоретической рефлексии, так и на уровне художественной практики в пору зрелости,

---

[2] Там же. С. 127.

совпадающую с осознанием того, что производственные условия не позволяют развернуться деятельности художника-конструктора, начинают уделять максимум внимания революционным медиа, уже самим по себе расположенным не к созерцательному потреблению, а к активному участию в производстве культуры, — таким как фотография, кино, радио и литературная фактография (газета). Тем самым, проект построения «материальной и действенной культуры» не только трансформируется в проект культуры медиальной и оттого еще более действенной, но и способствует реинкарнации всей проблематики репрезентации, происходящей под эгидой безыскусности фотографии, «лишь механически фиксирующей реальность». Выступая за преимущества фото-фиксации факта, производственники подразумевают главным своим аргументом — осознавая это или нет — именно индексальную природу фотографии. Фотография становится также своего рода идеалом достоверности, к которому должна была быть устремлена и литература факта. Последняя не может достичь этого иллюзорного идеала в силу самой специфики своего принципиально неаутентичного медиума (уровень знаков —причем не только не индексальных, но даже не иконических, а радикально произвольных — первичен для языка и, следовательно, для всей речевой деятельности), но апелляция к идеалу фотографической достоверности, тем не менее, позволяет ей противопоставить себя «литературе вымысла». «Фотография выступает здесь как “другое” литературного языка и языка вообще, как некая недосягаемая и оттого вдвойне вожделенная возможность»[3]. Но несмотря на то, что, сопровождая фото-отчеты, литература факта стремится породниться с фотографическим медиумом или, во всяком случае, опереться на его авторитет, она находится изначально в более чутком положении относительно необходимости деконструкции собственной прозрачности. Даже и механически (посредством фотокамеры) зафиксированный факт — именно потому, что он становится не только индексальным следом, но и иконическим знаком факта — не может сохранить политически нейтральную достоверность, и, таким образом, категория фактичности оказывается не только крайне проблематичной теоретически, но и весьма двусмысленной идеологически, ведь идеология апеллирует именно к неязыковому, квазиестественному характеру репрезентации. Средством противостояния этому может быть только экспликация даже столь «безыскусного» языка как фотографический. Следовательно, факты, всегда уже безнадежно «сфабрикованные», должны быть подвержены «мобилиза-

---

[3] *Фоменко А.* Монтаж, фактография, эпос: Производственное движение и фотография. СПб., *2007*. С. 176.

ции». Точнее, пролетарское искусство должно было сочетать «объективную фиксацию» действительных фактов с их «диалектическим монтажом». Несмотря на то, что здесь может быть увидена начальная точка движения по скользкому пути, ведущему прямиком к соцреализму, в ней как раз кроется спасение, так как под диалектическим монтажом понимается формалистический принцип «обнажения приема художественного мастерства», раскрывающий «фетишистские» тайны искусства[4]. Добавим, не только тайны искусства, но и самой идеологии.

И литература факта — при достаточно рефлексивном обращении с ее медиумом, языком, и понимании его неаналоговой природы — выступила здесь, возможно, большим гарантом трезвости, нежели фото-фактография, мучимая фантомными воспоминаниям о некой непосредственной связи с реальностью. Следовательно, последней ставкой и одновременно границей, отделяющей использование «мобилизированных фактов» как инструмента преобразования жизни от использования их же в пропагандистских целях, становится свойство риторики, «не затушевывающей, а вскрывающей приемы воздействия». Литература факта никогда не натурализует идеологию, отказывается от апелляции к «естественному порядку вещей»: формулируя определенное сообщение, она одновременно демистифицирует его, обнажает его языковую природу и напоминает о существовании зазора между порядком вещей и порядком знаков (ср. «область идеологии совпадает с областью знаков»[5]).

«История производственничества убедительно показывает, что авангардное искусство не может, не изменяя себе, ни “изображать” реальность в репрезентативных стратегиях, ни производить “сами вещи” в условиях капиталистических типов собственности (а его расцвет как раз приходится на годы НЭПа). Доказательством тому могут служить условия рынка современного искусства с его системами брендов, звезд и политтехнологий, где обе эти стратегии сплелись до неразличимости, оборачиваясь то декоративным, то политическим дизайном господствующих классов»[6]. Тогда, возможно, фабричное производственное искусство — вовсе не конечный пункт «потерпевшего крушение» революционного авангардизма, как это обычно преподносится в официальных историографиях того периода, но, напротив, площадка, где уязвимость искусства как практики в

---

[4] *Арватов Б.* Искусство и производство. С. 130.

[5] *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., *1930*. С. 32.

[6] *Чубаров Игорь.* Продукционизм: искусство революции или дизайн для пролетариата // Газета рабочей платформы «Что делать?». № 1–25 («О пользе искусства»).

рамках трудового процесса подвергается испытанию суровыми требованиями производства, и тем самым — философски и политически — подвергает отношение искусства к производительному труду испытанию предельным состоянием.

Литература

Арватов Б. Искусство и производство. М., *1926*.

Вертов Д. Фабрика фактов // Вертов Д. Из наследия. Т. 2. Статьи и выступления. М., *2008*.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., *1930*.

Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа под редакцией Н.Ф. Чужака. М., *2000*.

Мазаев А.И. Концепция «производственного искусства» 1920-х годов. М., *1975*.

Тарабукин Н. От мольберта к машине. М., *1923*.

Фоменко А. Монтаж, фактография, эпос: Производственное движение и фотография. СПб., *2007*.

Buchloh B. From Faktura to Factography. October. № 30. *1984*. P. 82–119.

Баранова Алиса
Пермский государственный универститет
историко-политологический факультет
соискатель

«УСЛОВИЯ ЕЕ ТРУДА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СТАЛИ СОВЕРШЕННО ИНЫМИ»: ДОМАШНЯЯ РАБОТНИЦА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

На момент революции 1917 г. в Российской империи проживало более полутора миллионов лиц, в переписи населения 1897 г. отнесенных к категории «домашняя прислуга»[1]. Объединенные в многочисленные союзы, кухарки, лакеи и няньки активно включились в строительство нового государства, в котором даже прислуга могла бы рассчитывать на достойные условия труда и уважение со стороны работодателей.

Домашние работницы занимали особое положение в системе трудовых отношений советского государства, так как в период с 1930-х до 1960-х гг. оставались единственной категорией населения, трудившейся в условиях частного найма. Как это повлияло на положение домашних работниц, насколько советские трудовые практики, сформировавшиеся в условиях ориентированности законодательства на государственное регулирование всех аспектов трудовых отношений, реализовывались при частном найме?

Одна из первых исследовательниц этой темы, американский историк Р. Спаньоло, в статье, посвященной положению домашней прислуги в СССР в первое десятилетие после революции, выделяет следующие основные социальные требования этой группы: улучшение условий труда (восьмичасовой рабочий день, гарантированный выходной день в неделю и оплачиваемый месячный отпуск); повышение заработной платы (установление минимальной суммы вознаграждения, выдаваемой в денежной форме); социальные гарантии (социальное и медицинское страхование, отпуск по беременности); улучшение условий проживания (право на личное пространство в доме нанимателя), уважительное отношение со стороны работодателя (защита от сексуальных домогательств, обязательное

[1] Первая перепись населения Российской империи, 1897 г. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1987 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., *1905*. С. V.

вежливое обращение на «Вы»); право на решение трудовых споров при посредничестве представителя государства[2].

Союз работников народного питания, в который на протяжении 1920-х гг. входили домашние работницы, активно добивался реализации вышеупомянутых требований через обязательное заключение трудовых договоров между прислугой и нанимателем в присутствии представителя профсоюза. Новые советские реалии привели к появлению новых проблем: прислуга в советском государстве требовала дополнительных свободных вечеров для посещения курсов ликбеза и заседаний союза, участия в самодеятельности и спортивных мероприятиях. Естественно, на такие условия соглашались далеко не все наниматели. Об этом не раз шла речь на заседаниях Нарпита: «Профессиональная работа среди прислуги наталкивается на нежелание нанимателей предоставить ей возможность заниматься общественной работой. Первое время увольняли за то, что она состоит в союзе. В настоящее время увольняют за выполнение обязанностей делегатки, посещение общих собраний и т.п. Установить действительную причину увольнений крайне трудно, так как наниматель всегда находит какую-нибудь другую основательную причину»[3].

Для того чтобы защитить домашних работниц — активных членов профсоюза, в трудовые договоры стали включать пункт, «по которому увольнение членов месткомов и делегаток может производиться только с согласия союза»[4]. Такие требования союза, а также необходимость платить страховые взносы еще больше заставляли нанимателей избегать заключения трудового договора.

В конце 1925 г. Наркомтруд разработал проект «Правил об условиях труда домашних работниц»[5]. Законопроект предполагал обязательное заключение трудового договора и выдачу расчетной книжки в недельный срок. Из трех вариантов регулирования продолжительности рабочего дня, ЦК союза Нарпит одобрил схему, по которой нагрузка домработницы не должна была превышать 192 рабочих часов в месяц, с допущением распределения рабочего дня на разные части различной длительности. Можно предположить, что при такой формулировке рабочий день прислуги мог легко стать ненормированным.

---

[2] См.: *Spangolo R.* When Private Home Meets Public Workplace: Service, Space, and the Urban Domestics in 1920s Russia // Everyday Life in Soviet Russia: Taking the Revolution Inside / Ed. by Ch. Kiar and E. Naiman. Indiana University Press, *2006*. P. 230–255.

[3] В МГСПС. Заседание президиума // Труд. *1925*. 30 янв. С. 3.

[4] В МГПС // Труд. *1925*. 7 мая. С. 3.

[5] См.: Регулирование труда домашних работниц // Труд. *1925*. 12 июня. С. 3.

Особое внимание в законопроекте уделялось решению жилищной проблемы. Так как прислуга проживала в доме нанимателя, то при прекращении работы домработница теряла и жилье. Наркомтруд предлагал в случае болезни работницы предоставить ей право в течение двух месяцев (а в случае беременности — четырех) проживать на жилплощади нанимателя. Если же нанявшаяся пользовалась отдельной комнатой и к моменту увольнения была членом жилтоварищества, она сохраняла за собой помещение независимо от расторжения трудового договора.

Отдельным пунктом прописывалась обязанность нанимателя «вежливо обращаться с работницей» и предоставлять ей «пищу такого же качества, что употребляет семья нанимателя».

Однако в вышедшем в феврале 1926 г. постановлении ВЦИК и СНК РСФСР, регулировавшем условия труда домашних работниц, многие вышеназванные пункты отсутствовали, в том числе и требование вежливого обращения. Право нетрудоспособных и уволенных домработниц на жилплощадь определялось республиканским законодательством о труде домашних работниц, по которому, например, в РСФСР нанимателю предоставлялось право в двухнедельный срок уволить ставших нетрудоспособными домработниц, а через два недели [так в тексте источника] выселять их из квартиры[6].

Наниматель был также обязан застраховать домашнюю работницу в профсоюзе Нарпит (с 1930 г. — в профсоюзе рабочих коммунального хозяйства), причем размер страхового взноса зависел не от зарплаты домработницы, а от зарплаты нанимателя — от 1 до 15 рублей. Раз в год домашней работнице полагалась спецодежда: 2 халата и 2 косынки. В тексте договора должен был присутствовать пункт о графике посещения домработницей учебных занятий и общественной работе, который должен был устанавливаться по согласованию с группкомом.

Закон, принятый во времена НЭПа, действовал на протяжении всего советского периода в своей первоначальной форме, вплоть до исчезновения института домработниц в связи с развитием сети дошкольных учреждений и улучшением материально-правового положения колхозников в 60-х гг. Казалось бы, он удовлетворял большинство требований домашних работниц. Однако, как показывают документы и материалы прессы, реальность во многом отличалась от постулируемых принципов.

Проведенное в 1927 г. Мосгуботделом союза Нарпит анкетирование пятисот домработниц показало, что 50,8 % из них не имели расчетных кни-

[6] См.: Лечебная помощь домашним работницам // Труд. *1926*. 10 июня. С. 5.

жек, 13,4 % совершенно не пользовались выходными днями, 36,6 % не имели перерывов в течение дня, а 30,8 % не получили очередных отпусков[7].

Архивные материалы профсоюза работников коммунального хозяйства г. Молотова говорят о том, что ситуация не изменилась и в последующие десятилетия. Значительную часть документального фонда составляют сообщения о незарегистрированных домработницах. Акты обследования условий труда конца 1930-х гг. рассказывают о вопиющих нарушениях законодательства. Например, четырнадцатилетняя неграмотная девушка 8 месяцев работала за пальто стоимостью 103 рубля, с 8 утра до 9 вечера, без выходных[8]. Другая домработница, пятнадцати лет, почти за год работы с 7 утра до 10 вечера, без отпуска и выходных, получила «6 платьев и полуботинки»[9].

Несмотря на то, что согласно постановлению 1926 г. «лица, не достигшие 14 лет, не могут быть наняты в качестве домашних работниц», нередки были случаи эксплуатации труда совсем юных девушек. В декабре 1938 г. в инспекцию охраны труда поступило заявление о том, что «У Сальникова И.И. работает няня 13 лет, не застрахована, работает с 6 часов утра до 12 ночи, выходными не пользуется, очень жалуется на своих хозяев»[10]. Однако вмешательство прокуратуры ни к чему не привело: наниматель заявил, что домработница «выбыла неизвестно куда»[11], на чем разбирательство и было прекращено. Скорее всего, чтобы избежать лишних хлопот, девочку отправили обратно в деревню.

Однако причиной конфликтов становилось не только игнорирование трудового законодательства со стороны нанимателей. Часто сами домашние работницы нарушали «трудовую дисциплину», а нередко и уголовный кодекс. Возмущенные нанимательницы нередко жаловались в союз: «Моя домработница ушла, оставив [меня] с двумя детьми, заявив о своем уходе за 15 минут», «скрылась, взяв у соседей юбку и жакет»[12]. Другая женщина объясняла суть конфликта с прислугой тем, что домработница «целые ночи на крыльце на улице», «напивается с Зинкой», а днем к ней «приходят кавалеры и ведут себя нетактично»[13]. Пьянство и воровство — это самые распространенные причины жалоб нанимателей на домработниц.

Ситуация особенно обострилась с выходом указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., по которому сотрудники государственных,

---

[7] Домашняя работница еще не знает своих прав // Труд. *1927*. 11 янв. С. 3.

[8] ГАПК. Ф. 470. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

[9] Там же. Л. 36.

[10] Там же. Л. 41.

[11] Там же. Л. 38.

[12] Там же. Д. 57. Л. 61.

[13] Там же. Л. 11.

кооперативных и общественных предприятий и учреждений карались исправительно-трудовыми работами за прогулы, виновницами которых часто становились безответственные няньки. На самих же домработниц действие указа не распространялось. Призыв бороться с «лодырями, нарушителями трудовой дисциплины, прогульщиками и рвачами»[14] среди домашних работниц повисал в воздухе, так как сталинское законодательство не предусматривало контроля над работниками в условиях частного найма.

Однако далеко не всегда между домработницей и нанимателями складывались напряженные отношения. Архив профсоюза хранит множество благодарственных писем и положительных характеристик. Так, в просьбе премировать свою домработницу нанимательница Зейдлин писала: «Считаю необходимым ко дню 8-го марта отметить хорошую работу Насти Азовой. В течение почти двухлетнего периода она обслуживает нашу семью в качестве домработницы, проявив исключительную честность и трудолюбие, а также сознательность и ответственность в отношении к своим обязанностям по ведению хозяйства. За истекший период она приобрела наше полное доверие, и мы считаем ее членом нашей семьи»[15].

В советском государстве, как известно, труд на благо государства являлся основной функцией человека, а трудовые отношения были основой всех остальных аспектов жизнедеятельности. От работодателя, которым так или иначе почти всегда являлось государство, зависел не только уровень заработной платы, но и различные льготы, на которых строилась система поощрений (жилье, путевки, премии), социализация и досуг через многочисленные кружки и общественную работу, образование и карьеру.

В случае с домашними работницами государство старалось перенести эти практики и в частное жилое пространство нанимателей. Через профсоюз домработниц вовлекали в кружковую и общественную работу, на торжественных собраниях в честь советских праздников им вручали отрезы на платья в качестве поощрений от нанимателя, в исключительных случаях домработница могла получить путевку в дом отдыха. Однако контроль государства над условиями труда прислуги был ограничен. С одной стороны, это приводило к невозможности применить традиционные для советского государства способы воздействия на работника, такие как лишение льгот или исправительно-трудовые работы по месту работы. С другой стороны, домработница часто оставалась изолированной, недостаточно грамотной и информированной, один на один со своими проблемами.

---

[14] Домашняя работница // Работница. *1941*. № 8. С. 19.

[15] ГАПК. Ф. 470. Оп. 1. Д. 57. Л. 154.

Бирюкова Юлия
Южный федеральный университет, Педагогический институт
факультет социально-исторического образования
магистрант, 2 курс

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ВЕРУЮЩИЕ НА ДОНУ В 1920–1930-Х ГГ. ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТАХ

Пришедшие к власти в России большевики воспринимали Российскую православную церковь как оппозиционный и враждебный институт с противоречащей им идеологией, доминирование которого в социокультурной среде необходимо было подавить. Однако методика и тактика направленных на решение данной проблемы действий власти, их радикализация вырабатывались постепенно.

На деле структура государственно-церковных отношений была сложна. Помимо уровня высших организационных структур власти и Церкви, выделяется и региональный уровень взаимодействия, который также можно представить как сложный: отношения на уровне структур региональной власти — краевых, областных исполкомов и городских, сельских советов — имели свои особенности. Реализация политической линии центральных органов власти в религиозном вопросе подвергалась коррективам «человеческого фактора», социально-политической ситуации на местах.

Отделение церкви от государства в контексте социально-политической ситуации на Дону

Северо-Кавказский регион отличала специфическая черта: наличие особого социального слоя — казачества, что существенным образом сказывалось на работе органов советской власти. Казачье население враждебно относилось к советской власти и активно поддерживало каноническое православное духовенство; общение с раскольниками-обновленцами, сотрудничающими с властью, было для него неприемлемо.

Ситуация осложнялась проводимой экономической политикой. В 1920 г. проведение продразверстки оказало на население угнетающее воздействие. Докладные записки о политической ситуации с мест, из районных центров и волостей, свидетельствуют, что последовавший голод, затронувший многие округа Донской области, окончательно истощил силы крестьянства и

отрицательно сказался на отношении к власти[1]. В Донецком и Верхне-Донецком округе возникли открыто враждебные власти выступления[2]. В докладе заведующего Отделом юстиции в 1920 г. сообщалось, что в связи с тяжелой политической обстановкой и исходя из «дипломатических» соображений в некоторых округах исполкомы приняли решение «не производить мероприятий по отделению церкви от государства»[3].

В том же 1920 г. при Отделе юстиции Доноблисполкома была создана Комиссия для решения межведомственных вопросов по введению декрета об отделении церкви от государства, которая состояла из представителей отделов юстиции, управления и записи актов гражданского состояния[4]. Возглавил ее заместитель заведующего отдела юстиции Карагичев[5]. Комиссия занималась юридическим сопровождением и общим надзором за введением положений декрета в действие. Переписка с церковными советами говорит о спокойном, деловом характере отношений обеих сторон. Жалобы, прошения о проведении крестных ходов и молебнов, как правило, удовлетворялись. Известны эпизоды, когда Комиссии приходилось отстаивать соблюдение законных прав церковных общин на местах и предупреждать произвол представителей местной власти[6].

В этот период были закрыты главным образом домовые церкви и часовни при учебных заведениях, как того требовал декрет[7]. Комиссия заключила договоры со всеми религиозными общинами городов Ростова и Нахичевани-на-Дону, после чего заведующий Донским отделом юстиции в своем докладе подвел итог: «Таким образом, работу комиссии в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону по отделению церкви от государства можно считать законченной. Остается время от времени делать проверки и осмотр сданного в пользование той или иной общине имущества… и всевозможная текущая работа»[8]. Сведений о других округах Комиссия почти не имела.

Конечно, такая политика Донской Комиссии плохо сочеталась с задачами центральных органов власти, которые переходили к решительному

---

[1] Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 654. Л. 61, 102, 162 и др.

[2] Там же. Д. 707. Л. 31.

[3] ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 18 об., 24.

[4] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 248; Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 147.

[5] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 248.

[6] Там же. Д. 229. Л. 12.

[7] ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

[8] ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 17, 18.

наступлению на церковь. 17 января 1921 г. на заседании коллегии отдела юстиции деятельность Донской областной Комиссии по отделению церкви от государства была жестко раскритикована. Критике подверглись: «недостаточная решительность и определенность», нарушение принципов «полного размежевания государственного управления от церковной жизни», признание как органа советской власти совета православных общин, заменившего упраздненный епархиальный совет, факты сотрудничества с духовенством (так, протоиерей ростовского кафедрального собора П.В. Верховский приглашался в качестве эксперта при решении вопросов об освобождении от военной службы). Коллегией было замечено, что «духовенство представляется отмирающей кастой, на которую ни в коем случае опираться органам советской власти не следует». Было решено упразднить Комиссию и передать все дела в общий подотдел Отдела юстиции[9].

Таким образом, в работе Донской Комиссии по отделению церкви от государства наблюдалось стремление к последовательной реализации декрета, она не ощущала себя репрессивным органом, но видела свою задачу в соблюдении юридических деталей всех связанных с декретом процедур. Это же отмечал и председатель Комиссии.

Политическая линия центральной власти идет на обострение отношений с верующим населением. Происходит оно в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей 1922 г.

Кампания по изъятию церковных ценностей и религиозность населения

Кампания по изъятию церковных ценностей была воспринята населением Дона отрицательно или, нередко, пассивно. В отчете совета профсоюзов Донской области о реакции рабочих на связанные с ней пропагандистские мероприятия говорится следующее: «В этом случае они еще настроены очень религиозно»[10].

И власть стала предпринимать меры, чтобы эту религиозность сломить. Методом ей послужило вовлечение всех слоев населения в участие в антирелигиозных кампаниях.

Такой смысл имела и кампания по изъятию церковных ценностей. Привлеченные к изъятию рабочие первоначально с ужасом входили в

---

[9] ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.
[10] ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 269. Л. 3.

храм и приступали к работе[11]. Так проявлялась сакральная значимость для них религиозных предметов. Религиозность населения была при этом неодинаковой: человек мог не ходить в церковь, но такие понятия как «святыня», «святость» продолжали иметь значение для него, он испытывал перед ними священный трепет. Власти необходимо было трансформировать стандарты народного восприятия религии через десакрализацию ее ценностей — духовенства, храмов, святынь и т. д. На этот результат были рассчитаны и собрания рабочих в ходе агитационной кампании за изъятие ценностей, и общие собрания колхозников, проводившиеся на протяжении второй половины 1920-х — 1930-х гг., в ходе которых власти добивались решений о закрытии храмов, выходе на работу в церковные праздники, осуждении духовенства и т. п. Навязывался уродливый, профанирующий язык советской антирелигиозной пропаганды: «Церковь отделить от религии и отдать ее под ссыпку… Церковь засыпать зерном… Мы, верующие и молящиеся, считаем, больше церковь нам не нужна как религиозный культ»[12].

Постепенно своеобразная инженерия духовности советов стала приносить свои плоды. Власти превратили рабочих в агитаторов против духовенства, а кампания по изъятию церковных ценностей стала настоящим ограблением храмов, когда рабочие буквально «выкорчевывали» драгоценности из иконных риз (работа шла без специалиста-ювелира), которые вместе с другой утварью утрамбовывали в мешки пудовыми гирями с энтузиазмом, растущим по мере увеличения ценностей[13]. Власти остались удовлетворены проведенной работой, кампания прошла относительно спокойно, добыча была выдающейся[14].

Кампания спровоцировала углубление раскола среди духовенства[15]. Она поставила вопрос о сопротивлении изъятию ценностей из храмов. Обновленческое духовенство, свидетельствуя свою полную лояльность советской власти, открыто поддержало изъятие как полностью законное и не противоречащее церковным канонам. Другая часть духовенства и верующих пошла по пути сопротивления, попросту укрывая ценности от комиссий. Начались процессы по делам краж церковного имущества над

---

[11] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 49.

[12] Центр хранения архивных документов в г. Шахты (ЦХАД). Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 61. Л. 12.

[13] ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304, 307 об.

[14] ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 3. Д. 32.

[15] Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 10 об.

духовенством и мирянами, превратившиеся в хорошо организованную и достаточно эффективную антирелигиозную пропаганду. Кампания по изъятию церковных ценностей дала для нее необходимую базу и была, по сути, хорошо спланированной провокацией. Два громких показательных процесса состоялись в Новочеркасске, один — в Ростове-на-Дону и один — в Морозовском округе[16].

1922 г. поставил точку в компромиссной политике региональной власти. Кампания по изъятию церковных ценностей потенцировала напряженность в обществе между властью и верующими, которые стали ощущать себя противоположными полюсами. Наряду с достаточно прямой и грубой антирелигиозной пропагандой среди населения складывается практика, не ограничивающаяся нарративными методами.

Власть, население, духовенство и перевыборы в Советы 1925–1926 гг.

Несмотря на стремление центральной власти к дискредитации церкви, лишению ее материальной базы, с целью таким образом свернуть ее деятельность, по данным отчета Донской прокуратуры в 1925 г., численность верующих и канонического, и обновленческого толка, увеличивалась, росло благосостояние общин[17].

В середине 1920-х гг. авторитет духовенства, а особенно монашества канонической ориентации, у казаков-крестьян был огромным. В связи с тем, что регистрация «тихоновских» общин почти не допускалась, они существовали подпольно. Такое положение и противостояние обновленчеству укрепляло авторитет «тихоновцев» как страдающих за веру и усиливало недовольство советской властью[18].

Представители РКП(б) в начале 1920-х гг. не пользовались особым авторитетом у населения. По нашим данным, только 32,4 % членов волисполкомов области были партийными[19]. По результатам перевыборов в советы в марте 1921 г. в членов партии в Ростовском округе было избрано только 8,7 %; 4263 члена советов были беспартийными и даже не сочувствующими партии[20]. Не желая мириться с таким положением, Донком РКП(б) стремится взять всё в свои руки. Составлялись списки товарищей,

---

[16] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48–49 об.
[17] ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 512.
[18] ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 2.
[19] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 654. Л. 168–168 об.
[20] Там же. Л. 70.

которые «обязательно должны быть проведены в горсовет от РКП», причем их необходимо было «проводить по избирательным единицам, не допуская списков общерайонных». Ставилась задача введения «в горсовет 70 % коммунистов и 30 % беспартийных, включая комсомольцев»[21].

Однако перевыборы в советы 1925–1926 гг. принесли для власти весьма неприятный результат. Представители церковных советов и верующие, главным образом из казаков, принадлежащие «исключительно тихоновской ныне сергиевской ориентации», единодушно заблокировали все списки кандидатур от фракций ВКП(б). В результате в ряде мест в советы были избраны даже члены православных приходских советов, на которых возлагались надежды, что они «смогут по-настоящему защищать интересы церкви». И действительно, власти отмечали их значительное влияние на работу советского аппарата. Данная ситуация была типична для Северного Кавказа, особенно Ставропольского и ряда других округов[22].

Докладная записка начальника СО ОГПУ, озаглавленная «О состоянии духовенства на Северо-Кавказском крае на 15 октября 1926 г.», сообщает о ряде характерных случаев[23]. Во время выборов раздавался возглас: «Голосуй, ребята, это наш!» И данный человек избирался в совет. Участниками выборов выдвигались также лозунги: «Советы без коммунистов», «Объединение для защиты прав церкви и казачества».

Активность проявляли в основном зажиточные крестьяне и казаки, бедняки являли безразличие и разобщенность. Последние, конечно, и были идеологически выгодны для партии. Для утверждения своих позиций она должна была уничтожить все эти социальные группы — духовенство, казачество, зажиточное крестьянство, взять всех и самих своих членов в «ежовые рукавицы».

Положение православных общин в 1930-х гг.

Полулегальное положение церкви после получения долгожданной регистрации центрального и епархиального управления в 1927 г. сменилось законодательным давлением на нее. Особым рубежом в жизни общин стал 1929 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (с соответствующими инструкциями и разъясне-

---

[21] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 263. Л. 159.

[22] ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 3.

[23] Там же. Л. 1–9.

ниями ВЦИК и НКВД)[24] стало использоваться властью как инструмент создания для общин невыносимых условий существования.

На протяжении 1930-х гг. происходит массовое закрытие приходов, с каждым из которых работа ведется на уровне сельских и городских советов. У руля власти в сельсоветах становятся члены партии, которые проявляют свою неприязнь по отношению к духовенству. Мы видим здесь скорее черты личной неприязни на почве религиозной нетерпимости. Вышестоящему руководству приходилось сдерживать агрессию своих подчиненных, напоминая, что всё должно быть в рамках законности. Например, записка из секретариата Шахтинского райисполкома председателю Киреево-Кадамовского сельсовета тов. Бугаеву (1933 г.), требует прекратить «безобразия» в отношении священнослужителя и вернуть отобранные у него продукты и личные вещи[25].

Власти на местах стремились закрыть максимальное количество храмов и любой ценой. Основанием служили отсутствие ремонта, ветхость помещения, отсутствие верующих или даже их желание закрыть церковь, что, как правило, не соответствовало действительности. Сохранялась только видимость соблюдения законности, типичной была фальсификация документов и фактов. В массовом порядке формировались комиссии по проверке церковного имущества, которые навязывали общинам срочные дорогостоящие ремонты, произвести которые было невозможно. Кроме того, власти саботировали регистрацию священнослужителей. Верующим приходилось отчаянно бороться за свои храмы и литургическую жизнь в них, и часто они вынуждены были отступать. По политическим обвинениям развернулись самые широкие репрессии против духовенства всех течений[26].

В 1930-е гг. происходит ликвидация фундаментальных основ церкви — епископата как сакральной основы и приходов как основных структурных единиц.

Итак, 1920–1930-е гг. в государственно-церковных отношениях на Дону обобщенно можно представить в виде двух периодов: 1920–1929 гг., когда власти проводят контрольно-ограничительную политику, и 1930–1939 гг. — период репрессивно-ликвидационный.

---

[24] Собрание узаконений РСФСР. *1929*. № 35. Ст. 353.

[25] ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 332. Л. 16.

[26] Подробнее см.: *Бирюкова Ю.А.* Советское государство и приходы Донской епархии в 20-х — 30-х годах XX в. (по документам Шахтинского административного округа) // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков-архивистов. *2009.* № 5.

Одним из рубежей первого периода был 1922 г. — начало конфронтации между советскими органами власти на местах и верующими, внедрения властью методов конструирования (трансформации) социокультурного типа, инженерии духовности советского человека. Другой рубеж — 1927 г., когда власти осознают широкие возможности законодательного давления на церковь, что закрепляется и реализуется в постановлении 1929 г. «О религиозных объединениях», ставшем инструментом давления на церковные общины в перспективе их, так сказать, «законного» закрытия. Второй период также неоднороден, но его отличительной чертой становится ликвидация организационной структуры церкви, репрессии в отношении духовенства и верующих — власти переходят от методов трансформации религиозности к методам физического устранения.

Васильчук Александр
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
филологический факультет
4 курс

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

К числу наиболее актуальных проблем, которые исследуются современной наукой, надо отнести генезис и функционирование структуры и поэтики советского фольклора. В последние десятилетия появляется большое количество исследований, посвященных этой проблеме. Данная статья посвящена одному из тематических блоков, широко представленному в советском фольклоре, — политическому анекдоту. При этом имеется в виду рассмотрение очерченной проблемы в общем плане. Мы не стремимся к исчерпывающему описанию политических анекдотов во всех известных фольклорных источниках. Отметим, что в белорусской науке эта область народного творчества наименее исследована. Белорусской фольклористикой политический анекдот в научный оборот не вводится.

Прежде всего отметим, что политическими анекдотами советского времени мы, вслед за авторитетной российской исследовательницей О.В. Смолицкой, называем ту жанровую разновидность анекдота, которая существовала в белорусской устной словесности во времена советской власти. Такая жанровая номинация, как справедливо отмечает О.В. Смолицкая, условна и имеет свои изъяны. Основной из них — некоторая историческая неточность, так как анекдот в том виде, в котором мы его рассматриваем, существует и в наше время, т.е. после крушения советской власти. Вместе с тем необходимо отделить советский политический анекдот от форм очень близких, но все же отличных по ряду основополагающих признаков: от бытовой сказки, басни, анекдота литературного и исторического. Первым важнейшим отличительным признаком советского анекдота, как считает О.В. Смолицкая, является отсутствие установки на достоверность. Этот признак выделяет советский анекдот из группы анекдотов исторических, которые обозначают историю возможную, но маловероятную. Такой анекдот имеет ярко выраженную установку на вымысел. Другая основополагающая жанровая доминанта советского анекдота — его устность. В отечественной словесности советского периода политиче-

ский анекдот — единственный фольклорный жанр, характер бытования которого исключительно устный[1].

Судить о развитии рассматриваемой разновидности анекдота с середины 1930-х до середины 1980-х гг. очень сложно, так как в это время анекдоты не изучались, официально не собирались и не публиковались. Все это время анекдот, как замечает П.А. Бородин, бытовал в условиях своеобразного культурного подполья, выплескиваясь в официальное культурно-информационное пространство только во времена цензурных послаблений[2].

Анекдот получает сильнейший импульс к дальнейшему развитию и распространению. Он сохраняет свою устную форму, тексты становятся более краткими и окончательно утрачивают поучительный, дидактический характер. Также упрощается и сюжет. Эпизод может стать самостоятельным сюжетом и быть представленным отдельно. Например:

— Что сказал Горбачев на похоронах Андропова?

— Таскать вам, не перетаскать.[3]

В политических анекдотах, в большинстве случаев, отсекается всё то, что не является необходимым для выражения сути анекдота и мешает четкому и моментальному восприятию текста.

Многосюжетность и многовариантность значительной части политических анекдотов — свидетельство их тематического разнообразия. В связи с этим чрезвычайно тяжело охватить всю тематику анекдотов, скрупулезно систематизировать их. Между тем можно и необходимо обозначить связь политических анекдотов с насущными нуждами советского времени, с важнейшими политическими, общественными событиями. Вместе с тем, необходимо помнить, что анекдот — не прямая, калькированная с жизни, а художественно образная репрезентация действительности.

Политические анекдоты посвящены правителям и государственному строю, господствующей идеологии, важнейшим событиям, самым характерным ситуациям и коллизиям общественно-политической жизни. Часто политические анекдоты рассматривают как феномен, характерный именно для советской эпохи, но это не так. Анекдоты подобного рода суще-

---

[1] *Смолицкая О.В.* Советский анекдот: жанровые особенности // Живая старина. *2002*. № 2. С. 16.

[2] *Бородин П.А.* К проблеме генезиса анекдота // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. Вып. 6. М., *2004*. С. 26.

[3] Там же.

ствуют при любом строе; существовали они и в Советском Союзе, а также после его развала[4]. Примером тому может быть анекдот, который активно бытовал среди оппозиционно настроенных граждан в постперестроечный период:

Поезд, отправленный в коммунизм, стал. Путь кончился.

Ленин:

— Всем выйти на субботник, строить насыпь. Рельсы закажем у капиталистов. Не мы, так наши дети будут жить при коммунизме!

Сталин:

— Поездную бригаду и персонал станции расстрелять. Прочих укладывать вместо шпал по пятилетним планам.

Хрущев:

— Всех реабилитировать. Снять рельсы позади поезда и укладывать их впереди него. Через двадцать лет будем на месте.

Брежнев:

— Задернуть занавески на окнах и раскачивать вагоны. Каждый нормальный человек поймет, что едем.

Андропов — попытался выглянуть в окно и умер. Черненко — умер, не попытавшись выглянуть. Горбачев — вышел на платформу, оглянулся:

— Пути вперед нет, товарищи, и назад тоже нет. И потому нам необходима ускоренная переформировка нашего поезда![5]

Политических анекдотов до революции, по всей видимости, было меньше, чем в советскую эпоху. А возможно, они не были зафиксированы в более-менее полном объеме. Тоталитаризм вообще очень способствует умножению политических анекдотов, которые помогают преодолеть страх перед режимом и противостоять его идеологическому давлению[6]. Так, появились политические анекдоты о В.И. Ленине, как только начал расцветать его культ. Он, как известно, начал складываться еще до кончины Ленина, однако лишь после его смерти было положено начало превращению мифа о нем в гражданскую религию общенационального масштаба. Поскольку на 1920-е гг. приходится только начало этого процесса, многие анекдоты данного периода можно воспринимать как анекдоты о реальном политическом деятеле: их появление было живым откликом на наблюдаемые анекдотчиками явления, а не реакцией на пропагандируе-

---

[4] *Белоусов А.Ф.* Современный анекдот // Современный городской фольклор: Научное издание. М., *2003*.С. 584.

[5] *Архипова А.С., Мельниченко М.* Указатель анекдотов о Сталине // Постсоциалистический анекдот: Международный симпозиум. Тарту, 15−16 января 2007. С. 47.

[6] *Белоусов А.Ф.* Современный анекдот... С. 585.

мый на протяжении многих десятилетий миф. Безвестные носители анекдотической традиции исходили из своего понимания происходящего, и создание анекдотического образа Ленина отражало сравнительный идеологический плюрализм того времени и недостаточную разработанность советской мифологии.

Среди политических анекдотов выделяются те, где Ленин изображается как борец с кулаками. Обратимся к одному из типичных анекдотов о вожде революции, который иллюстрирует его агрессию в отношении к зажиточным крестьянам:

— Здравствуйте, товарышч ходок, сядайтэ. Вы, мабуть, быдняк?

— Да, Володимир Ильич, вроде бы и не. У мынэ е конь.

— Ага, значыть Вы сырыднячок?

— Да як сказаты, Володимир Ильич, сытый каждый дэнь, да диты тожэ.

— Так значыть Вы кулак. Феликс Эдмундович, расстрэляйтэ товарышча. [Запись автора[7]].

Во многих анекдотах описываются поступки Ленина, обычные для любого нормального человека, но ставятся ему в заслугу. Классический пример подобного подхода — слезное умиление Крупской от того, что Ленин в свое время не тронул проходившего мимо мальчика:

Як вспомынае Надежда Константиновна Крупская:

— Дорогыи диты! Вси знають вылыкую доброту Ленина. Зарэ я вам росскажу такый выпадок. Одного разу Володимыр Ильич захотив побрыцца, а коло ёго стояв ны далэко малый хлопчык. Ленин гострыть брытву, а сам на хлопца подывляецца. Онь Ленин ужэ побрывса, вымыв помазок и знов гострыть брытву, а тым часом подывляецца на хлопчука. Писля брытву вытэр и поклав еи в мышок. А тож мог бы и поризаты! [Запись автора].

Образ Ленина снижался не только в анекдотах о его характере, склонностях, привычках и т. д., но и в текстах этого жанра, приуроченных к смерти и увековечению его памяти.

Еврэй вызэ в Израиль портрэт Ленина. На совецкой границэ ёго пытають:

— Гэто шо?

— Гэто ны шо, а хто. Гэто Ленин.

В Израилю ёго пытають:

— Гэто хто?

---

[7] Здесь и далее Запись автора — материалы, собранные в д. Рухча Столинского р-на Брестской области от Веренича Якова Иосифовича (1936 г. р.).

— Ны хто, а шо! Гэто — золотая рамка. [Запись автора].

Среди политических анекдотов можно выделить тексты, которые характеризуют Великую Октябрьскую революцию как всеобщий бардак, хаос, беззаконие.

— Як Вам удалоса прожыты 167 годов?

— Як була Вылыкая Октябрская рыволюцыя, був бардак, да такый, шо мыни прыпысалы лышних сто годов. [Запись автора].

Как показывает следующий анекдот, защита прав «униженных и оскорбленных» только декларировалась большевиками:

По радиу говорать, шчо Вылыкая Октябрская рыволюцыя навсегда освободыла людэй от цэпей капитализму. Баба кажэ внуку:

— Так и було. Як помницца, прышлы до нас матросы, то всэ пэрэрылы и знялы з мынэ золотую цэпку. [Запись автора].

В послевоенных социально-политических анекдотах, естественно, не было идеализированного восхваления политики партии и Советского правительства, как в некоторых песнях и частушках, нередко созданных не народом. Среди сатирико-юмористических произведений, которые бытовали в послевоенный период, в особенности популярными были анекдоты, которые критиковали авторитарную систему власти, социальную несправедливость с многочисленными ее проявлениями. Образная система в проанализированных анекдотах довольно устойчива — Сталин, Хрущев и Брежнев.

Во многих политических анекдотах особо ярко изображается деспотизм Сталина и его культ. К примеру:

Сталын зовэ Жукова до сэбэ у кабинет и кажэ:

— Товарышч Жуков, нимцы подходять до Ленинграда. Колы воны захватять город Ленина, то вас расстрэляю.

— Можно идты?

— Колы сдасы Москву — расстрэляю.

— Можно идты и робыты, товарышч Сталин?

— Колы возьмуть Сталинграт — расстрэляю.

Жуков пошов.

В Дэнь Победы Сталин сказав, шчо Жуков вылыкый полководец и розумие шуткы. [Запись автора].

Для удовлетворения собственных желаний кровожадный вождь был готов пойти на всё. Как показывает следующий анекдот, страшное видится в юмористическом свете, раскрывается своеобразная анекдотическая глупость.

Сталин организовав драку Тухачовского з другымы военоначальныкамы. Тухачэвскый всих побыв. Сталын вэльмы зазлывса и позвав Тимошенку:

— Иды на ковёр, — прыказав.

Тухачовскый вэльмы стомывса и Тимошэнко завалыв ёго. Тухачовскый, падаючы, вдарыв соби голову, на шчо Тимошэнко выказав свое сопэрэжыванне.

— Ны пырыжывай, Тимошэнко, — сказав Сталин, — голова ёму больш ны понадобыцца. [Запись автора].

Центральным персонажем многих политических анекдотов является Хрущев. Такие анекдоты, в большинстве случаев, были направлены на осмеяние его личности и политики, которую он проводил. Как известно, политика Хрущева была направлена на развитие сельского хозяйства. В анекдотах Хрущеву приписываются такие черты как тупость, деспотизм. Сюжетообразующим мотивом многих анекдотов является языковая игра. Активизируются наименее вероятностные ресурсы языка, на основании которых и строится шутка. Возьмем следующие тексты:

Прыихав Хрушчов в колхоз, зашов до свынэй. Свынни ёму проговорылы «хру-хру-хру».

— Кормыты трэба лучшэ. Коб до следушчэго разу воны выговарывалы. [Запись автора].

Многие анекдоты выражают действительность через бытовую конкретику:

Пионерка пытае Хрушчова:

— Дядя, а правду папа сказав, шчо Вы запустылы ны тилько спутник, алэ и колхоз?

— Дивчынко, пырыдай своёму батьку, шчо я сажаю ны тилькы кукурузу. [Запись автора].

Не менее популярными были политические анекдоты о Брежневе. Всем хорошо известно, что генсек любил церемониальные и публичные выступления, которые произносил, особенно с середины 1970-х гг., с большими затруднениями. На многих выступлениях Брежнев допускал в своих речах определенные речевые ошибки, в основном акцентологического и диалектологического характера, что, естественно, отражалось в анекдотах. Образ анекдотического Брежнева наследовал именно синтаксические особенности его речи. Конечно, есть и анекдоты о публичных речах Брежнева, построенные на паронимии и омонимии. Таких анекдотов не так много, как следовало бы ожидать. В основном пародируются некоторые особенности речи Брежнева, в частности, его знаменитое «чтение по бумажке»[8]:

---

[8] *Архипова А.С., Кротов Б.Л.* Речь Л. И. Брежнева: материал для анекдотов и семиотический объект // Живая старина. *2006*. № 1. С. 33.

Брэжнев достае з кармана бумагу и чытае:
— Здраствуй, госпожа Тэтчэр!
Нихто кажэ заду:
— Гэто Индира Ханди, Лионит Ильич!
Вин знов:
— Здраствуй, госпожа Тэтчэр!
Голос знов одникуль заду:
— Гэто Индира Ханди, Лионит Ильич!
— Бачу, шо Индира Ханди, алэ ж напысано Тэтчэр. [Запись автора].

Представление о том, что Брежнев награждает сам себя, является, видимо, устойчивым в русской наивной картине мира со значением совершения нелепого действия[9]:

З юбилеём Пушкына проходыв конкурс на проект памятныка. Трэтюю прэмию получыв памятнык: «Пушкын чытае кныжку Брэжнева». Другую — «Брэжнев чытае кныжку Пушкына». Пэршую — «Брэжнев чытае кныжку Брэжнева». [Запись автора].

Особое внимание мы, вслед за российскими исследователями Ч.А. Черышевым и Т.В. Чередниченко, уделяем форме, следующей структуре мифа, и в соответствии с этим определяем место жанра в контексте современной культуры: анекдот — «тоже репрезентант нашего (советского) мифа. И одновременно бессознательная аналитическая его (“мифа”) критика». Такую двойную функцию (репрезентация мифа и проявление здравого смысла) выполняют и политические анекдоты в целом[10].

Политический анекдот, как показывает исследование, — это инструмент массового сознания, средство политической борьбы. Он раскрывает абсурдность официального, созданного советской системой ритуала, с точки зрения самого же исполнителя ритуала, т. е. советского (или бывшего советского) человека. Объекты политического анекдота — это конкретные исторические события и лица в своих социальных и бытовых связях. Такой анекдот имеет злободневное содержание, выраженное в структурных и содержательных стереотипизированных формах.

---

[9] Там же. С. 34.

[10] *Чередниченко Т.В.* Типология советской массовой культуры: Между «Брежневым» и «Пугачевой». М., *1993.*

Журавлев Олег
Государственный университет гуманитарных наук
Институт социологии
5 курс

РОЛЬ СТУДЕНТОВ В УЧРЕЖДЕНИИ НАУЧНОЙ ИННОВАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОМСОМОЛА: ФИЗФАК МГУ 1950-х — 60-х гг.

Обучение в университете — не просто «передача знаний», но насилие над мышлением студента. Ему «внушают» определенные способы мыслить, которые он вынужден воспринимать как истинные, поскольку они освящены авторитетом преподавателя. Одним из условий эффективности этого «символического насилия»[1] выступает то, что студенты занимают подчиненное положение в структуре университетской власти: будучи по определению теми, кто не знает, они должны подчиняться тем, кто знает, чтобы это знание приобрести. Нас интересуют два вопроса: во-первых, при каких исторических условиях студенты могут стать «движущей силой» интеллектуального обновления университета; во-вторых, как студенты могут сопротивляться навязываемым в университете стилям научного мышления и как это несогласие может обрести форму протеста и борьбы, предполагающую создание альтернативного по отношению к администрации и преподавателям центра власти. Доклад посвящен роли студенчества в реформе физического факультета МГУ в 1950-х — 60-х гг., которая заключалась в существенном обновлении преподавательского состава и интеллектуальной конъюнктуры, и, с другой стороны, он рассказывает о том, как специфическая ситуация в советской физической науке и в университете повлияла на развитие студенческого самоуправления в 1950-х — начале 60-х гг.

Событие и хроника событий

В октябре 1953 г. в МГУ прошла плановая комсомольская конференция. На ней несколько студентов выступили с резкой критикой факультетских порядков. Они заявили о своем недовольстве тем, что на факультете не преподают известные физики, а также перегрузкой учебного плана и оби-

---

[1] Термин социолога П. Бурдье. См., например, его работу «Воспроизводство: элементы теории системы образования» (М., *2007*).

лием лишних курсов. Один из студентов предложил составить письмо с претензиями студентов к системе образования на факультете и рекомендации по ее реформе, и отвезти его в ЦК КПСС. Это предложение поддержало подавляющее большинство студентов-комсомольцев. Встречные обвинения и угрозы в адрес студентов со стороны университетской администрации и партийного комитета перемежались с уговорами не отвозить письмо в ЦК. Однако студенты не пошли на уступку и в конечном итоге написали письмо и отвезли его в ЦК партии[2]. В декабре того же года, после писем физиков-академиков о необходимости реформы физфака (которые, вероятно, сыграли б*о*льшую роль в переменах на факультете, чем студенческое выступление) и комсомольской конференции, ЦК создал комиссию по проверке учебной и научной работы физфака МГУ. В результате декан и несколько других руководителей факультета были отстранены от занимаемых должностей, на факультет пришли новые преподаватели — академики, на приглашении которых настаивали студенты[3]. Вместе с тем б*о*льшая часть прежнего руководства сохранила прочное положение и влияние на факультете. «Старая гвардия» попыталась укрепить ослабленные позиции в борьбе с новыми преподавателями из чуждой университету среды, Академии наук, в том числе за счет усиления давления на студентов. Однако за комсомольской конференцией последовала борьба за самоуправление. Студенты смогли сделать комсомол относительно независимым от руководства центром власти. Они добились влияния на решение социальных вопросов, касающихся студенчества, — например, вопросов распределения по кафедрам и на работу, расселения в общежитиях, распределения финансов. Также студенты инициировали изменения в учебном процессе: их усилиями были отменены несколько экзаменов, введены новые спецкурсы, скучные «практикумы» были заменены научно-исследовательской работой под руководством известных ученых. Кроме этого, студенты физфака смогли позволить себе довольно радикальные политические жесты, избежав при этом репрессий со стороны университетского и партийного руководства — репрессий, которым под-

---

[2] О четвертой комсомольской конференции см.: *Гапонов Ю.В., Ковалева С.К., Кессених А.В.* Студенческие выступления 1953 года на физфаке МГУ как социальное эхо атомного проекта // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. Вып. 2. СПб., *2002*; *Ковалева С.* Студенческий бунт 1953 г. на физфаке МГУ // Ты помнишь физфак? / Автор-сост. Светлана Ковалева. М., *2003*. Я основываюсь также на интервью с участниками событий осени 1953 г.

[3] О комиссии Малышева см., например: *Андреев А.В.* Физики не шутят. Страницы социальной истории Научно-исследовательского института физики при МГУ (1922–1954). М., 2000. С. 147–153.

вергались студенты других факультетов и вузов за сходные проявления непослушания. Например, в 1956 г. они выпустили две непозволительно «горячие» по меркам университетской жизни того времени стенгазеты: одну в поддержку студентов, участвовавших в массовом протесте в Венгрии, подавленном советскими войсками, другую, после XX съезда партии, с радикальной критикой политического строя СССР. Почему им все это удалось?

Производство сомнения

История советской физики 1920-х — 50-х гг. — это история борьбы разных групп ученых. Одна из этих групп составляла костяк руководства физфака МГУ. Эти ученые, во главе с А. Тимирязевым, считали, что физика должна в первую очередь подчиняться философии диалектического материализма, а не экспериментальной проверке и математическим расчетам, отрицали новые направления в физике, квантовую механику и теорию относительности и создавали в противовес им «самобытные» теории, напоминающие скорее философские размышления, чем научную рациональность. Они же считали, что классическая физика способна решить актуальные научные проблемы, поэтому квантовая и релятивистская физика не только философски несостоятельна, но и не нужна в принципе. В дебатах с оппонентами они часто оперировали ссылками на заведомое преимущество «партийной» (или «русской», в эпоху борьбы с космополитизмом) физики и очевидную несостоятельность «идеалистической», или «антирусской», науки, вместо научных аргументов. Этим физикам противостояли первопроходцы в области новых физических теорий, ученые, выступавшие против превращения физики в область натурфилософии и требовавшие от своих оппонентов математической точности и экспериментальной проверки «оригинальных» теорий. Многие из этих исследователей были сотрудниками Академии наук. Ареной борьбы этих групп ученых в 1920-х — 50-х гг. был и физфак МГУ. Участвовали в этой борьбе и студенты: с одной стороны, соперничающие ученые должны были заручиться их вниманием и поддержкой, чтобы одержать победу, с другой, студенты имели собственные интересы — карьерные, научные, бытовые — и нуждались в альянсах с преподавателями. В 1925 г. студенты физфака добились приглашения на факультет физика Л. Мандельштама, который вместе со своими учениками стал главным оппонентом Тимирязева и его «философских» коллег из администрации факультета. Многие студенты не признавали «оригинальные» теории университетских физиков, поскольку они вступали в противоречие с их базовыми

представлениям о науке, которые были сформированы на уроках математики и физики в школе и поддерживались на лекциях по математике и занятиях передовых физиков в университете — в первую очередь, лекциях ученых из школы Мандельштама. Студенты физфака, которые привыкли, отметая многочисленные ошибки, искать верное решение математической задачи или экспериментально проверять теоретические положения в лаборатории, с недоверием относились к философским вопросам о том, «что же в действительности представляет собой электрон», и спекулятивным решениям этих вопросов. В отличие от сегодняшней гуманитарной университетской науки, в которой, с одной стороны, часто отсутствуют критерии рациональности, воспроизводимые в школе и вузе, а потому непонятно, как отделить науку от лженауки, а с другой стороны, в которой факультетское руководство имеет монопольную власть, на физфаке 1920-х — 40-х гг. попытки части руководства создать самобытную «университетскую» науку наталкивались на неподатливость мышления студентов, на которое влияли различные, несовместимые стили научного рассуждения, производимые противостоящими друг другу группами преподавателей.

Итак, мы ответили на один из вопросов — почему студенты, которые, казалось бы, должны благодарно усваивать знания, передаваемые преподавателями, без всякого сомнения в их истинности, могли не признавать за этими знаниями авторитета. Потому что в советской физике и, в частности, на физфаке борьба за власть представляла собой не только административную борьбу, но и конкуренцию несовместимых стилей научного мышления. Студенты смогли внести свой вклад в победу «новой» физики на физфаке, поскольку некоторые защитники «классической» парадигмы от новых веяний в физике, использовали стратегии теоретизирования, противоречащие как новым физическим теориям, влиятельным в среде студенчества из-за престижа Академии наук, так и базовым представлениям студентов о науке. Однако почему это несогласие переросло в организованный массовый протест на комсомольской конференции и почему за ним последовало развитие студенческого самоуправления в 1950-х — 60-х гг.?

Развитие самоуправления: ресурсы власти

Борьбу за студенческое самоуправление 1950-х — 60-х гг. можно описать как противостояние комсомольской и партийной организаций: на физфаке происходили конфликты между комсомолом и партийными инстанциями, а неизменной частью идентичности комсомольцев было противопоставление себя «партийцам». Почему комсомол, который, как правило, был

абсолютно лояльной партии организацией, служащей для нее «кадровым питомником», вступил с ней в борьбу? И как сумел добиться успехов? Можно указать несколько причин.

Рост числа студентов и дифференциация центров научной власти

Борьба физиков на факультете в послевоенное время завершилась победой «группы Тимирязева»: Мандельштам и его коллеги ушли с факультета в АН, фонд «философской» физики пополнялся новыми диссертациями с критикой «физического идеализма». Однако в послевоенное время правительство решило пополнить кадровый резерв «атомного проекта» и расширило набор на специальности по ядерной физике. Увеличение числа студентов требовало пополнения штата преподавателей. В результате в МГУ в начале 1950-х гг. были созданы два новых подразделения: Отделение строения вещества, формально являвшееся частью физфака, но административно подчинявшееся ректорату, и физико-технический факультет, целиком независимый от физфака. На ОСВ преподавали, в основном, физики из АН, которые предпочитали не ссориться с руководством физфака, но и не сближаться с ним, а на физтехфаке работали публичные противники физфаковского начальства. Таким образом, рост числа студентов трансформировал соотношение сил в университетской физике: с одной стороны, внутри физфака возобладала «философско-идеологическая» группа, но с другой стороны, физфак окружили альтернативные центры научного авторитета, в разной степени оппозиционные факультетскому руководству. Эта новая тактическая ситуация была благоприятной для появления организованного студенческого недовольства.

Испытание ядерного оружия и победа «академической» физики

После успешного испытания ядерного оружия, созданного «академическими» физиками, последние могли диктовать правила игры в науке, позволившие им публично дискредитировать оппонентов, которые не считались с данными экспериментов, новейшими достижениями физики или, тем паче, допускали математические ошибки. Поскольку эти физики были руководителями физфака МГУ, академики смогли настоять на его реформе. Синхронно с академиками, но независимо от них, действовали комсомольцы физфака, своим письмом в ЦК усилив «изнутри» давление на факультетское начальство. Соотношение сил было трансформировано сменой руководства. Эта трансформация подготовила ситуацию противостояния комсомола и партийной организации. После того, как «философско-

идеологические» физики были дискредитированы как ученые, а их теории были признаны ложными в ходе научной борьбы, партийное руководство физфака, контролирующее набор преподавателей, также оказалось дискредитированным: если «партийцы» набирают на факультет преподавателей, признанных некомпетентными, значит, и компетентность самих «партийцев» как руководителей должна быть оспорена. Одним из условий, позволивших «перевести» борьбу физиков между собой в борьбу комсомольцев и партийцев, было сходство научного языка и языка советской политики: если сегодня ректоры и деканы обвиняют протестующих студентов в предательстве, так же как политическое руководство государства видит в оппозиционерах заговорщиков, то язык советской политики (а комсомол и партийная организация факультета были политическими организациями) отсылал не к верности и предательству, но к истине и ошибке, ведь легитимность советского политического строя покоилась на «истинном» учении — марксизме[4]. Поэтому студенты смогли использовать разоблачение «философско-идеологической» физики как ошибочной в качестве точки опоры для обвинения партийного руководства факультета в политической ошибке. В дальнейшей борьбе за самоуправление новые преподаватели и комсомольцы часто поддерживали друг друга: комсомольцы делали вопросы преподавания физики повесткой внутрифакультетской борьбы, отстаивая научные позиции академиков, а те поддерживали студентов в их социальных и политических требованиях.

Массовая политическая организация

Комсомольская организация обеспечивала ежедневную мобилизацию студентов: комсомольские лидеры заставляли их хорошо учиться и ходить на первомайские демонстрации. Энергия студенческой массы, мобилизованная комсомолом и направленная, казалось бы, на воспроизводство власти партийного руководства, в «революционный момент» 1953 г. обернулась против него: комсомольцы выламывали двери в кабинет секретаря парткома, когда тот запер у себя комсорга, который должен был отвезти письмо в ЦК.

---

[4] Некоторые исследователи считают, что советский политический дискурс был своеобразной пародией на дискурс научной объективности. См., например: *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., *2002*.

Дифференциация административной власти в университете

Массовые студенческие организации сегодня не становятся опорой протеста. Возможно, потому, что в современном российском университете административная власть выстроена в одну линию: ректорат — деканат — студсовет. Парадоксальным образом в «тоталитарном» Советском Союзе студентам в некоторых случаях было легче сформировать собственный властный центр вследствие более дифференцированного устройства академической власти. В МГУ 50-х гг. между парткомом, деканатами, ректоратом и ректором существовала жесткая конкуренция за университетскую власть. Таким образом, студенты как бы «сыграли» на разнице властных ставок этих инстанций. Помимо этого, университет в советское время не обладал такой административной и финансовой автономией как сейчас. И если сегодня любое вмешательство в него извне оспаривается руководством как преступление против университетской традиции, в 50-х гг. студенты могли легитимно потребовать внешнего вмешательства, поскольку ряд внутренних вопросов университет не имел права решать самостоятельно.

Общеполитические обстоятельства

Конечно, важны и общеполитические обстоятельства того времени. Большую роль сыграла война и политические ожидания студентов: видевшие войну или даже воевавшие, они были политически более самостоятельными, чем предыдущее поколение. И ждали от физики политических чудес — в первую очередь, атомного оружия, которое служило бы делу установления в мире самого справедливого, по их мнению, строя. В 1953 г. умер Сталин, политическая ситуация была неопределенной, и если раньше со студентами можно было бы расправиться с помощью политических обвинений, то теперь партийные чиновники были в растерянности и боялись возможных негативных для себя последствий в случае отчисления или репрессий против студентов. Неопределенностью характеризовался и сам комсомол, борющийся за самоуправление: он в разное время и разных ситуациях тяготел к различным формам: официальной комсомольской организации, научному кружку, общественному движению или даже диссидентской группе. Эта неопределенность также была залогом успеха студентов.

Зайцева Оксана
Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории
слушатель, 2 курс

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕТРОГРАДЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Довольно долго сам факт наличия конфликтов на промышленных предприятиях в отечественной литературе, увидевшей свет до конца 1980-х гг., оставался в тени. В связи с этим изучение причин возникновения конфликтов является важным для раскрытия феномена «советское».

Трудовые конфликты возникали на государственных и на частных предприятиях, между рабочими и представителями администрации завода, между руководителями организации профсоюзов и оппозиционными рабочими. При изучении исторических источников можно выделить и охарактеризовать конфликты, выраженные открыто, в форме массовых стачек и забастовок, «волынок», «итальянских забастовок». К сожалению, условия возникновения и разрешения скрытых конфликтов, как правило, в документах отчетливо не фиксировались.

Причины трудовых споров, возникавших на предприятиях Петрограда, могли иметь различный характер. Рабочие выдвигали и экономические, и политические требования, в разной степени сочетая их. На мой взгляд, сложно выявить политические причины ряда забастовок, так как подавляющая часть исторических источников и научных исследований советского периода имеют ярко выраженный идеологический характер. Часто происходило смешение политических и экономических причин конфликтов, поэтому нелегко понять, какие же из них имели первостепенное значение. Например, М.Г. Федоров в своих воспоминаниях отмечал, что на Александровском заводе в конце февраля 1921 г. начали предъявляться требования о предоставлении обуви, продовольствия, затрагивались вопросы, касающиеся заработной платы. Постепенно начали обсуждаться вопросы об Учредительном собрании, хотя, по его мнению, «последнее звучало очень слабо»[1].

---

[1] Из воспоминания М.Г. Федорова о работе комиссаром Финляндского участка Николаевской железной дороги и Александровского завода в 1920–1921 гг. от 6 июля 1922 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. СПб., *2000*. С. 227.

Нередки были случаи, когда работа на фабриках останавливалась без определенных причин, и какие-либо требования не выдвигались. Например, из сводки о положении на фабриках и заводах за 8–9 марта 1921 г. выясняется, что на заводе «Артур Коппель» были остановлены работы без предупреждения, и мотивов своих действий рабочие не комментировали[2]. На Балтийском заводе похожая картина сложилась в марте 1921 г., когда рабочие «вышли на работу, не раздевались и, не предъявив никаких требований, разошлись»[3].

Широкая волна забастовок возникла в 1921 г. Некоторые из них косвенно возникали вследствие Кронштадского мятежа, однако только немногие рабочие пытались выразить солидарность с резолюцией моряков. События первого марта 1921 г. в Кронштадте в малой мере отражались на настроениях жителей Петрограда[4]. Некоторые проявления недовольства начинались после того, когда они слышали перестрелку между кронштадцами и отрядами советской армии. Рабочие Балтийского, Трубочного, Кабельного завода покинули свои места при звуке выстрелов[5]. Член одной из районных революционных троек А.Я. Клявс-Клявин отмечал, что слышались такие фразы: «Не нужно работать в то время, когда грохочут орудия и проливается братская кровь»[6]. Иногда протест выражался в форме «волынок», когда все находились на рабочих местах, но никто не выполнял своих производственных обязанностей, и работа останавливалась. Предотвратить возникновение новых забастовок власти пытались с помощью перерегистрации участников конфликта: в исторических источниках мы довольно часто находим ее описание. Все замеченные в оппозиционных выступлениях

---

[2] Сводка о положении на фабриках и заводах за 8–9 марта 1921 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 457. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.

[3] Из сводки Петрогубпрофсовета (Петроградского губернского Совета профессиональных союзов) о положении дел по отдельным Союзам со второго по третье марта от 3 марта 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы. СПб., *2000*. С. 28.

[4] Подробнее см.: *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., *1999*.

[5] Политсводка революционной тройки Васильевского острова о положении на заводах района к 19 часам 17 марта от 17 марта 1921 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата... СПб., 2000. С. 271–272.

[6] Телеграмма члена Ревтройки А.Я. Клявс-Клявина в Штаб внутренней обороны Петрограда об уходе с работы рабочих Ново-Адмиралтейского завода и 1-й конфетно-шоколадной фабрики от 17 марта 1921 г. // Там же. С. 272.

рабочие заполняли специальную анкету, некоторые давали подписку о своем согласии работать дальше[7].

Рост цен на продукты питания был стремительнее роста заработной платы, поэтому в начале 1920-х гг. рабочие испытывали огромные материальные трудности. В феврале 1921 г., по сравнению с январем, цены на продукты питания выросли на 259 %[8]. Следует отметить, что в 1921 г. заработная плата не была основным источником доходов рабочих. Значительную часть бюджета семьи составляли продажа собственного имущества или товаров, которые были украдены на предприятиях, где работали ее члены. Бывали случаи, когда рабочие брали отпуск и уезжали на несколько дней в деревню «на заработки», где за один проработанный день крестьяне давали определенное количество продуктов[9]. Большую статью расходов рабочих составляла плата за коммунальные услуги[10]. Это вызвало возмущение на заводах и фабриках Петрограда, поскольку ранее все коммунальные услуги являлись бесплатными.

Причины забастовок и «волынок» в конце 1921–1922 г., как показывают источники, имели в основном экономический характер. Недовольства рабочих возникали в связи с увольнениями, невыполнением условий коллективных договоров, невыплатой заработной платы, неполучением продовольственных пайков и одежды, закрытием заводов из-за недостатка топлива, требуемого для поддержания работы предприятия. Например, на Арсенальном механическом заводе рабочие требовали выдать «ударный» паек до объявления об этом в газете, и увеличить и не ограничивать сдельную заработную плату. Следует отметить, что в 1920 г. было введено дифференцированное снабжение по трем основным категориям: рабочие физического труда, рабочие умственного труда (служащие) и лица, занятые в частном секторе. Первая категория имела значительное преимущество по уровню комплектации пайков. В мае 1921 г. начал осуществляться по-

---

[7] Из «Стенограммы вечера воспоминаний участников подавления Кронштадского мятежа» о положении в городе в феврале-марте 1921 г. от 11 апреля 1932 г. // *Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 119.

[8] *Ваксер А.З.* Из истории классовой борьбы в Петрограде в начале восстановительного периода (январь-апрель 1921 г.) // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 188. Л., *1959*. С. 5.

[9] Заявление от работниц завода «Рекс» от 18 июля 1921 г. // Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 4591. Оп. 5. Д. 153. Л. 94.

[10] *Шкаратан О.И.* К вопросу об уровне благосостояния рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму. 1917–1937 гг. (На материалах Ленинграда) // История рабочего класса Ленинграда. Вып. 1. *1962*. С. 93–96.

степенный переход большинства предприятий на хозрасчет. Централизованное снабжение оставалось только у заводов, которые играли первостепенную роль в развитии государственной промышленности (как правило, это были предприятия металлопромышленности). В связи с этим возникала потребность изменить порядок начисления заработной платы. Большинство рабочих переходили на «сдельщину», которая предполагала зависимость заработной платы от непосредственного количества произведенной продукции.

Важной причиной конфликтов, возникающих на предприятиях Петрограда, был запрет администрации завода устраивать общие заводские собрания рабочих. Представители власти боялись допустить возникновение новых забастовок, подавить которые было очень сложно. На Обуховском заводе рабочие покинули свои рабочие места из-за того, что им было отказано в праве устроить собрание[11]. Второй причиной, по которой запрещались собрания, было стремление администрации завода не допустить оказания помощи бастующим рабочим других предприятий. Иногда на собраниях принималось решение перечислять в пользу забастовщиков часть заработка в течение определенного времени. Необходимо отметить, что рабочие соглашались это делать, несмотря на то, что постоянно жаловались на небольшой размер заработной платы. Например, на Невском гвоздильном заводе было решено перечислять в помощь забастовщикам Гвоздильного завода Иссерлина 1 % от заработка в течение трех месяцев[12].

Подобные действия имели большое значение для рабочих, так как многие из них испытывали голод. Некоторые из них, которые приехали из деревень, просили родственников при возможности прислать им хлеба[13]. Важно подчеркнуть, что до второй половины 1921 г. существовала смешанная (натуральная и денежная) форма оплаты труда. Переход к денежной заработной плате был осуществлен преимущественно после проведения денежной реформы 1922 г. Нередко недовольство рабочих вызывала работа администрации завода. Например, на Балтийском заводе на собра-

---

[11] Сводка Союза рабочих металлистов о положении на предприятиях Петрограда от 28 февраля 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город»... С. 24.

[12] Протокол общего собрания рабочих и служащих Невского гвоздильного завода имени лейтенанта Шмидта о помощи забастовщикам Гвоздильного завода Иссерлина от 29 ноября 1923 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата... С. 305.

[13] Политическая сводка по Петроградской губернии с 1 по 15 февраля 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город»... С. 162.

нии организаторов цехов в феврале 1921 г. отмечалось «халатное отношение заведующих мастерскими к работе, кумовство, поощрение лентяев»[14].

Основной состав людей, занятых на производстве, можно было разделить на несколько групп. Первую группу составляли рабочие, в семьях которых существовала профессиональная преемственность и они, как правило, давно жили в городе. Вторая группа включала в себя рабочих, прибывших в Петроград из провинциальных городов или деревень. Подобная миграция в начале 1920-х гг. была нередким явлением. Большинство приезжих поддерживали связи с деревней и периодически требовали дополнительного отпуска для выезда из города. Часто администрация завода не давала рабочим дополнительных свободных дней, и поэтому повышался процент прогулов. Если рабочий возвращался из отпуска или командировки с опозданием на три дня без уважительной причины, то он считался трудовым дезертиром и подлежал дисциплинарному суду[15]. Много времени тратилось на получение разрешения на выезд, билетов и всевозможных справок. В связи с этим, значительное количество прогулов возникало из-за бюрократической волокиты. Безусловно, данный фактор был причиной возникновения конфликтов, которые сопровождались забастовками[16]. Нередко в статьях, опубликованных в периодической печати Петрограда, предлагались способы реорганизации государственного аппарата, ускоряющие процесс получения необходимых документов[17].

В 1921 г., в результате сильного экономического кризиса, многие предприятия Петрограда временно прекратили свою работу из-за недостатка топлива. Советское правительство пыталось таким образом создать топливный резерв. Среди заводов, которые перестали работать, оказались Путиловский, Ижорский заводы, а также заводы Лесснер, «Треугольник». По данным Петроградского губернского экономического совещания, из-за отсутствия топлива прекратили свою работу шестьдесят предприятий, в том числе все текстильные фабрики[18]. Как правило, рабочие в этот пери-

---

[14] *Лебедева Н.Б.* Документы ЦГАИПД Санкт-Петербурга о конфликтах, волынках и забастовках на предприятиях Петрограда-Ленинграда в 1918–1929 гг. // Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. М., *1998*. С. 103.

[15] Из обязательного постановления о борьбе с трудовым дезертирством от 6 апреля 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город»... С. 48.

[16] Политическая сводка по Петроградской губернии с 16 февраля по 1 марта 1921 г. от 15 марта 1921 г. // Там же. С. 176.

[17] *Зорин С.* К поднятию производительности и уменьшению волокиты // Петроградская правда. *1921*. 14 янв.

[18] Из доклада чрезвычайного уполномоченного Совета Труда и Обороны по топли-

од должны были получать фиксированную заработную плату, но гораздо меньшую по размеру, чем постоянная. Неоднократно выплаты задерживались, и в результате возникали новые «волынки». Подобная ситуация сложилась на Путиловском заводе, где работала лишь часть персонала. Кроме того, наблюдались частые опоздания к началу рабочего дня. Из политических сводок мы узнаем, что некоторые рабочие после регистрации их управляющими завода покидали его: как отмечал их составитель, «в дыру в забор и марш домой»[19].

Много конфликтов возникало между молодыми рабочими и администрацией завода. Причины волнений выражались экономическими требованиями — урегулировать вопрос о выдаче и распределении продовольственных знаков и продовольственной одежды. Недовольство молодежи было выражено в форме «волынок» на Адмиралтейском, Трубочном заводах, заводах «Парвиайнен», «Эриксон» и табачной фабрике «Лаферм»[20]. Необходимо подчеркнуть, как официально заявлялось, что первостепенной задачей государственных органов по работе с молодежью должно было стать оказание помощи молодым рабочим и подросткам, для того чтобы не нарушить трудовую семейную преемственность. Например, на Обуховском заводе бюро ячейки Российского коммунистического Союза Молодежи (РКСМ) обращалось с просьбой к администрации завода принимать на место каждого уволенного молодого рабочего такого же подростка, но более квалифицированного[21].

Причины забастовок были во многом схожи и на частных, и на государственных предприятиях. Как правило, на частных предприятиях они заключались в нарушении трудового законодательства о восьмичасовом рабочем дне, массовых увольнениях, нарушении правил о труде подростков, задержке выплаты заработной платы, требованиях повысить тарифные разряды[22]. Необходимо отметить, что трактовка происхождения и протекания трудовых конфликтов на частных предприятиях неоднократ-

---

ву на заседании Петросовета о топливном кризисе в Петрограде и мерах по его преодолению от 11 февраля 1921 // Восстановление промышленности Ленинграда (1921–1924 гг.). Т. 1. Л., *1963*. С. 268–269.

[19] Политическая сводка по Петроградской губернии с 1 по 15 февраля 1921г. от 2 марта 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город»... С. 165.

[20] *Лебина Н.Б.* Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик. 1921–1925 годы. Л., *1982*. С. 76–77.

[21] Там же. С. 42–43.

[22] Сведения о работе Петроградских профсоюзов по организации рабочих и служащих частных предприятий на первое сентября 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 6267. Оп. 42. Д. 169. Л. 51.

но имела идеологический характер. Стачки на них были расценены властями как проявление деятельности «классового врага» против рабочих. На национализированных предприятиях те же действия трактовались как «необходимое организованное движение в целях удовлетворения насущных нужд рабочих»[23].

Обязательной первичной организацией, которая должна была выяснять все детали возникновения трудовых споров, являлась расценочно-конфликтная комиссия (РКК). Как правило, в примирительных камерах изучались разногласия, связанные с заключением, выполнением, изменением коллективных договоров или тарифных соглашений, споры, вызванные отношениями сторон по трудовому договору. Следующей инстанцией являлся третейский суд. Здесь разбирались вопросы, не разрешенные в примирительной камере и не рассмотренные в ней.

Необходимо отметить, что конфликты на частных предприятиях изучались представителями государственных органов по контролю за положением в сфере труда с особым вниманием. Любые попытки владельцев частных предприятий воздействовать, в том числе путем взяток, на решение судей строго карались в соответствии с законом. В 1923 г. за систематические взятки судебным работникам Петрограда были приговорены к расстрелу семнадцать нэпманов. К суду были привлечены 37 % служащих различных учреждений[24].

Динамика процессов возникновения и разрешения конфликтов на государственных и частных предприятиях отчетливо видна при изучении статистических источников. Причины конфликтов, их количество и предприятия, на которых они возникали, подробно зафиксированы в делопроизводстве государственных органов по примирительному разрешению трудовых споров. При анализе данных документов можно выяснить, что на частных предприятиях разногласия между администрацией и рабочими случались реже, чем на государственных. Безусловно, следует принимать во внимание, что доля государственных предприятий была значительно больше частных. При изучении статистики можно заметить, что большинство конфликтов в апреле-августе 1922 г. возникали на предприятиях обрабатывающей промышленности, меньше всего — в добывающей промышленности[25]. На мой взгляд, наличие меньшего числа споров

---

[23] Порядок разрешения конфликтов и ведения стачек // Там же. Д. 32. Л. 5.

[24] *Трифонов И.Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937 гг.). М., *1960*. С. 83–84.

[25] Число конфликтов и участников их за апрель-август 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 6267. Оп. 42. Д. 32. Л. 22.

на частных предприятиях было вызвано более быстрым процессом заключения коллективных договоров, в которых проговаривались все тонкости условий труда и заработной платы рабочих.

Можно сделать вывод о том, что и на частных, и на государственных предприятиях причины возникновения конфликтов были общими и затрагивали практически всех участников трудовых отношений. Очевидно, что владельцы частных предприятий стремились к более быстрому урегулированию разногласий, поскольку имели больше оснований подозревать государственные профсоюзы в эскалации конфликтов. Отчетливо видно, что трудовые конфликты с течением времени утрачивают свой размах и политическую направленность. Важнейшим обстоятельством является то, что в различных случаях стороны смогли найти некоторый «конвенциональный» язык. Происходило это не без разногласий и трений. Стоит отметить, что стороны находились в неравных позициях — у рабочих было меньше рычагов давления на власть. Возникновение трудовых конфликтов напрямую зависело от изменения экономической конъюнктуры в Советской России, причем на крупных заводах рабочие быстрее реагировали на экономические неурядицы и более способны были выразить протест, чем на мелких фабриках и заводах.

Следует отметить, что профессиональные структуры, призванные отстаивать права рабочих, были в это время большевизированы, а влияние оппозиционных партий на поведение различных производственных групп не было значительным. Данные явления изначально ограничивали диапазон появления различных форм социальных конфликтов.

Зевако Юлия
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
исторический факультет
магистрант, 2 курс

ПРАЗДНИКИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНСТРУИРОВАНИЕ «СОВЕТСКОСТИ» В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РАЙОНЕ[1]

Изучению праздников как фактору формирования социальной идентичности (гражданской, национальной, профессиональной, корпоративной) отечественные исследователи стали уделять внимание не так давно. В большинстве случаев авторы анализируют этапы складывания «красного календаря», функционирование советской обрядности и массового праздника, роли «центра» и «периферии» в репрезентации советской праздничной культуры. Наблюдается стремление исследователей к максимальному социо-пространственному охвату проблемы с акцентом на политическую и культорологическую составляющие[2].

Автор статьи предлагает сместить акценты и рассмотреть формирование «советскости» у русских и татар Красноуфимского и Нижнесергинского районов Свердловской области через призму межэтнического взаимодей-

---

[1] Статья написана с использованием материалов этнографических экспедиций 2008–2009 гг. в Нижнесергинском и Красноуфимском районах Свердловской области под руководством чл.-корр. РАН А.В. Головнёва по гранту РГНФ-Урал. № 08-01-83113а/У «Идентичность современного русского и татарского населения Урала: этнография и визуальная антропология». Записи Ю.В. Зевако, А.Е. Курлаева.

[2] См.: *Руднев В.А.* Советские праздники, обряды и ритуалы. Л., *1979*; Советские традиции, праздники и обряды. Киев, *1988*. *Конович А.А.* Театрализованные обряды и праздники в СССР. М., *1990*; *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, *2005*; *Мальте Рольф.* Советские массовые праздники. М., *2009*; *Калачова О.В.* Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов) // Автореф. дис. … канд. социол. наук. М., *2003*; *Деканова М.К.* Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX — первой половине XX в.: центр и периферия // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, *2009*; *Келли К.*, *Сиротинина С.* «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. № 8. С. 258–299. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_05_kelly-sirotinina_k.pdf.

ствия. Такой подход позволит увидеть глазами нескольких поколений «очевидцев» те эффекты, к которым вольно и невольно привела государственная политика ускоренной модернизации в области решения национального вопроса и строительства наднациональной «советской общности». Праздник и праздничная традиция (бытующие в народе и/или санкционируемые властью) в данном случае оказываются «лакмусовой бумажкой» для выявления успешности и/или неуспешности конструирования «советскости» в многонациональных районах.

Население изучаемых районов, до революции входивших в Красноуфимский уезд Пермской губернии, к моменту утверждения советской власти преимущественно составляли русские, татары, башкиры и марийцы. Несмотря на длительную историю колонизации края, этнокультурная и хозяйственно-экономическая конфигурация региона определилась к рубежу XIX–XX вв. В это время «на Урале исчерпываются ресурсы свободных и удобных для заселения земель»[3]. В рамках традиционного общества формируется сбалансированная система взаимодействия (специализация, функциональное использование природных ресурсов) между различными этноконфессиональными группами[4]. Об этом говорят следующие факты. В русской крестьянской среде (будь то «гамаюны», староверы или «хрестяньё»)[5] «социально-бытовым ядром» праздничной культуры являлись престольные праздники с традиционными «праздничным времяпрепровождением, играми, развлечениями, досугом, встречами родственников, проведыванием кумовьев, молодоженов и т. д.»[6]. Они поочередно проходили в деревнях, жители которых были тесно связаны историческими, кровно-родственными и хозяйственными отношениями. Круг таких деревень, как правило, был небольшим (5-6 деревень, располагавшихся в радиусе 5-8 км)[7], отличался внутренней устойчивостью и сопро-

---

[3] *Мазур Л.Н., Бродская Л.И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX в.: опыт динамического анализа. Екатеринбург, *2006*. С. 328.

[4] Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. III. Казань, *1894*. С. 53–56, 93–128.

[5] «Гамаюны» — прозвище русских крестьян из средней полосы России, переселенных в середине XVIII — начале XIX в. заводчиками Демидовыми и помещиком А. Голубцовым; известны своим «акающим» говором. «Хрестьяньё» — прозвище, данное староверами принявшим церковные реформы Никона крестьянам.

[6] *Скворцов Б.Н.* Праздник как фактор реализации социально-культурной политики и развития территорий. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ecovast.ru/skvorcov%20pr.htm.

[7] *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М., *2004*. С. 66–67.

тивляемостью внешним обстоятельствам, выступал хранителем исконных традиций и обычаев. Например, в русской деревне Крылово местные жители рассказывали о праздниках так: *«В Крылово Вознесение летом был престольный праздник, а зимой Никола... Все родственники съезжались с других деревень в этот праздник. А в другой праздник — в другую деревню, там свой праздник. В каждой деревне был свой... Криулино и Банное — Казанская у них там и Иванов день... Колмаково — тоже Иванов день... в Калиновке — тут рядом с нами — Петров день... в Екатериновке и Русской Рахмангулово — Рождество...»*[8]. «Круги» входили в более крупные «кусты» деревень (до 10-12), очерчивая «своё» и «не своё», «родное» и «чужое» пространство на виртуальной «mental map». То же относится к татарским и башкирским деревням, конституирующим элементом в жизни которых в большей (для татар) или меньшей (для башкир) степени были нормы ислама[9]. Так, в татарской деревне Усть-Баяк замечали: «*Если поставить с каждой деревни человека — сразу отличаем. Вот у нас есть три Баяка — Средний, Верхний, Усть-Баяк. Есть еще Рахмангулово, Азигулово, Куянково, Бишково, Бакийково — все по Уфе. У нас язык одинаково, всё одинаково — деревень 10 куст. А Юг [Бугалыши, Еманзельга] — он совсем другой, они ближе к башкирам относятся. Турыши — это ближе к пермякам. Я бы вот так определил для себя*»[10].

Традиционная празднично-досуговая культура, основанная на религиозных праздниках, способствовала взаимному отграничению представителей разных национальностей, их этноконфессиональной замкнутости. Политика советской власти, направленная на искоренение религии, активная пропаганда атеизма, внедрение «красного календаря» и «красной обрядности» стали закономерным шагом на пути к построению «единой общности — советского народа»[11].

В уральское село новая жизнь пришла во второй половине 1930-х гг., в связи с т. наз. «урбанизационной перестройкой сельской местности»[12].

---

[8] д. Крылово, Красноуфимский р-н.

[9] Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., *1875*. С. CLIII–CCLV.

[10] д. Усть-Баяк, Красноуфимский р-н.

[11] Период с 1917 г. по середину 1930-х гг. А.В. Курочкин рассматривал как первый этап формирования советской обрядности, для которого характерно крайне жесткое и последовательное уничтожение старых обрядов или грубая перелицовка их «на новый лад». См.: *Курочкин А.В.* Этапы формирования советской обрядности // Советские традиции, праздники и обряды. Киев, *1988*. С. 208–212.

[12] *Мазур Л.Н., Бродская Л.И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX в. С. 257–258.

Однако коллективизация, проводимая по принципу односеленности: «деревня—колхоз», учитывавшая национально-культурные особенности населения, сломала только прежние хозяйственно-деловые связи, практически не затронув традиционную сетку общения, основанную на культуре религиозных праздников. Представители каждого народа по-прежнему тесно общались, «дружились-роднились» своим кругом, осуждая нарушение издавна сложившейся традиции. Национальная, этноконфессиональная, локальная идентичность не уступала места советской вплоть до 1950-х — 1960-х гг. В это время в стране происходят мощные модернизационные сдвиги, затронувшие Нижнесергинский и Красноуфимский районы: развитие системы распределения специалистов после окончания учебных заведений, перевод обучения с национальных языков на русский, расширение заводских мощностей в городах, введение паспортов, создание совхозов. Эффект для конструирования «гомогенной» наднациональной общности был ошеломляющим. Родители поколения 1940-х гг. начинают осознавать необходимость получения их детьми образования на русском языке, поскольку без знания языка они не смогут реализовать себя за пределами собственной деревни (круга деревень). Вместе с тем им приходится мириться с атеистическим мировосприятием детей. Введение паспортов для сельских жителей, дававшее возможность покинуть деревню, строительство новых промышленных предприятий (Михайловский и Нижнесергинский металлургические заводы в Нижнесергинском р-не, Натальинский стекольный завод в Красноуфимском р-не) создавали встречные «рынки» — рабочей силы и рабочих мест. Молодежь из русских и, что особенно важно, нерусских деревень потянулась в города и крупные заводские поселки, оседала там, размывая прежде однородно русский состав населения. Совхозы, основанные по принципу многоселенности («совхоз — несколько деревень»), теперь объединяли разнонациональные деревни, жители которых работали в одних тракторных бригадах, на одних фермах и полях. Люди разных национальностей стали производить одни и те же операции, в одно и то же время, в одних и тех же помещениях, на одной и той же работе, стали больше общаться, расширяя дружеские контакты. Приоритет начал отдаваться профессиональной идентичности, поддерживаемой профессиональными праздниками[13].

---

[13] На середину 1930-х — 1950-е гг., по мнению А.В. Курочкина, приходится второй этап развития советской обрядности, характеризующийся внедрением так называемых «профессиональных праздников» (День металлурга, День железнодорожника и др.). См.: *Курочкин А.В.* Этапы формирования советской обрядности...

Быть «металлургом», «станопрокатчиком», «железнодорожником», бригадиром или дояркой успешного совхоза стало престижно и почетно. Через повседневный контакт и общее дело (*«тогда мы вместе работали, вместе пили, вместе матькались, вместе гуляли... Что тут говорить...»)*[14] представители разных национальностей начали осознавать, что русские (татары, марийцы, башкиры) — не *«Бог знает кто, а может они с рогами?»*, а что «*они такие же люди, как и мы, — держат такой же огород, корову, живут в таком же колхозе..., как и мы — в земле, в навозе. К чему придираться?*»[15]. Такая «одинаковость» подчеркивалась в сельской местности и «симметричными» праздниками окончания сева: у русских — «зеленуха» («массовка»), у татар — «сабантуй». В многонациональных совхозах эти праздники имели общую часть, где подводились итоги, передовикам выдавались премии, проводился концерт с участием ансамблей художественной самодеятельности. «*Если [праздник] проводили в Усть-Баяке или Среднем Баяке [татарские деревни Красноуфимского р-на], туда и русские ехали..., все там участвовали*». Постепенно праздник стал приобретать «рабочую прописку»: «*любой праздник — хоть 8 марта, хоть Новый год — мы все собираемся коллективом. Даже фуршеты все на работе организуются. А где наши родственники? — их нет*»[16]. В 1950-е — 1970-е гг. происходит сдвиг от ориентации на традиционный круг общения между представителями одной нации, продиктованный религиозными нормами и религиозным праздничным календарём, к профессионально-трудовой наднациональной идентичности. Местные жители, чья социализация и активный трудовой возраст пришлись на это время, рассуждая о национальном вопросе, подчеркивали, что *«мы же уже советские люди были»*, «*главное, не кто ты по национальности, а чтобы человек был хороший*».

Таким образом, государство, проводя жесткую политику модернизации, не сразу, но сумело разомкнуть традиционные для разных народов круги общения и создать условия для формирования поля совместной деятельности и общих ценностей. Меняющаяся система праздников отражала длительный процесс конструирования «советскости» и одновременно способствовала ее утверждению.

---

[14] д. Рахмангулово Красноуфимского р-на.

[15] Там же.

[16] д. Крылово Красноуфимского р-на.

Иванова Анна
Центр изучения отечественной культуры
Института Российской Истории РАН (Москва)
аспирант, 2 год обучения

О РОЛИ МАГАЗИНОВ «БЕРЕЗКА» В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

С самого начала существования советского государства отношение к потреблению и накоплению материальных благ было проблемой. Советское государство провозглашало отказ от идеи индивидуального процветания и побуждало граждан стремиться лишь к процветанию общества в целом в виде строительства коммунизма. Однако уже в 1930-е гг. система и в официальных заявлениях, и в реальности отошла от провозглашенных принципов[1].

В последующий период хрущевской оттепели власти, с одной стороны, обвинили сталинскую эпоху в чрезмерном интересе и потакании потребительству и снова провозгласили борьбу с мещанством. С другой стороны, они как раз на деле впервые всерьез взялись за обеспечение нужд граждан: строительство жилья и развитие легкой промышленности. К тому же в 1950-е — 1960-е гг. в страну начинает проникать западная культура, западные товары и в каком-то смысле западная идеология потребления. Минимальная обеспеченность всем необходимым, а также все большая деидеологизация общества в 1970-е гг. позволяет исследователям говорить о зарождавшемся в СССР обществе потребления[2].

В данном контексте представляется весьма интересным рассмотреть такое важное для позднего СССР явление как сеть магазинов «Березка». Сеть была создана в 1961 г. по постановлению Совета Министров СССР[3] и поначалу включала в себя лишь несколько магазинов, в основном в гос-

---

[1] См., например: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., *2008*.

[2] См., например: *Дубин Б.* Лицо эпохи. Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения. *2003* (май-июнь). № 3 (65). С. 25–32; *Берелович А.* Семидесятые годы 20 века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. *2003* (июль-август). № 4 (66). С. 59–65.

[3] ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 1570. Л. 255. (Поручения Совета Министров СССР Министерству Торговли РСФСР и материалы по их выполнению, январь-июнь 1961 г.).

тиницах и аэропортах, осуществлявших продажу различных товаров иностранцам за свободно конвертируемую валюту. В 1967 г. к этой сети были присоединены немногочисленные магазины, в которых имели право отовариваться советские граждане[4], также по тем или иным причинам обладавшие иностранной валютой. Сеть магазинов «Березка» просуществовала до начала 1990-х гг., расширяясь и давая все большему количеству советских граждан доступ к дефицитным, в основном западным, товарам за валюту, и стала важным символом позднесоветского потребления.

Характерно, что магазины для иностранцев и советских граждан, обладавших валютой, появились именно в эпоху хрущевской оттепели. С одной стороны, это было время приоткрывания железного занавеса, когда количество иностранцев, едущих в СССР, и советских граждан, отправлявшихся за рубеж, сильно выросло. С другой стороны, для «строительства коммунизма», заново объявленного Хрущевым, срочно требовалась иностранная валюта[5]. Хотя поступления от отдельных граждан не могли стать принципиальным источником валютной выручки, государство, безусловно, считало «Березки» важным для себя ресурсом: так, например, коллегия Банка для Внешней Торговли поручала соответствующему отделу «представить правлению доклад о возможных мероприятиях по расширению операций «Внешпосылторга» (в состав которого входили «Березки». — *А. И.*) по привлечению свободно конвертируемой валюты за счет расширения ассортимента продаваемых товаров»[6].

Вожделенной валютой обладали не только приезжавшие в СССР иностранцы, но также и советские граждане, выезжавшие в туристические поездки и в командировки (как по заданию собственного государства, так и по приглашениям иностранных государств). Мало того, валюту могли получить и граждане, никогда не бывавшие за границей, — в виде наследства от зарубежных родственников, гонораров за переводы на иностранные языки и просто в виде подарков от граждан других государств.

Сначала все вышеозначенные группы советских граждан могли получить валюту, хранившуюся на их счетах в Банке для Внешней Торговли,

---

[4] ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 2072. С. 64. (Приказ Министра Торговли РСФСР «О мерах по улучшению и дальнейшему развитию продажи товаров на иностранную валюту в РСФСР», 7 февраля 1967 г.).

[5] Справиться своими средствами советская экономика не могла: «С начала 1960-х годов государственные резервы зерна непрерывно сокращались, а после 1963 г. импорт зерна стал своего рода закономерностью» (*Пыжиков А.В.* Хрущевская оттепель 1953–1964. М., *2002*. С. 161).

[6] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 17. Д. 186. Л. 56. (Протокол № 15, 9 августа 1965 г.).

только в виде рублей (или при выезде за рубеж). Затем были организованы секции в отдельных универмагах, где по переводу из ВТБ (т. е. по безналичному расчету) граждане могли получить немногочисленные дефицитные товары[7]. В 1961 г. была организована специальная всесоюзная контора Внешпосылторг, в введение которой были переданы продажи за валюту советским гражданам[8]. В 1965 г. были введены специальные сертификаты ВПТ — заменители валюты: отныне советские граждане могли не ждать, пока деньги из Банка дойдут до магазина, а покупать товар сразу, рассчитываясь новой валютой — сертификатами. В 1967 г., когда все магазины, торговавшие за валюту или ее заменители, были объединены под одним названием, сеть только в РСФСР насчитывала 55 магазинов с товарооборотом 81 млн рублей[9].

В «Березках» были представлены западноевропейские и восточноевропейские товары, а также советские товары «экспортного качества»[10]. Купить можно было не только одежду и обувь, но и бытовую технику, мебель и даже дефицитные книги. Но, может быть, еще более важно, что с помощью Внешпосылторга человек мог обеспечить себя такими вожделенными и труднодоступными составляющими советского потребительского идеала, как машина, кооперативная квартира и путевка в дом отдыха[11].

Удивительность существования подобных магазинов была не только в том, что на территории СССР возникла сеть, не принимающая к оплате советские рубли и продающая за валюту и ее эквиваленты дефицитные товары, недоступные в обычных советских магазинах, но и в том, что в «Березки» получили доступ очень разные группы населения. От высоко-

---

[7] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 49. Д. 806. Л. 106 (Инструкция о порядке продажи товаров в СССР за иностранную валюту советским гражданам, работающим за границей, о порядке расчетов по ним и об учете этих операций. 27 декабря 1958 г.).

[8] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8893. Л. 223. (Приказ № 148 Министерства Внешней Торговли от 19 мая 1961 года «Об образовании всесоюзной конторы «Внешпосылторг»).

[9] ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 2127. Л. 76 (Бухгалтерский отчет главков и контор Министерства Торговли РСФСР за 1967 год, том 5).

[10] ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 2072. С. 66. (Приказ Министра Торговли РСФСР «О мерах по улучшению и дальнейшему развитию продажи товаров на иностранную валюту в РСФСР», 7 февраля 1967 г.).

[11] Социолог А.Г. Левинсон называет набор «квартира-машина-дача» символическим идеалом советского общества: «в качестве признаков благосостояния, высокого статуса, своего рода социального идеала эта триада сформировалась в сознании рядовых советских граждан в 1950-е –1970-е гг» (*Левинсон А.Г.* О категории «средний класс» // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). *2009*. № 10. С. 114).

поставленных чиновников, ездивших в командировку за границу, и советских дипломатов — до опального правозащитника А.Д. Сахарова, получавшего валютные гонорары за публикацию статей в иностранных журналах[12].

Если раньше среди всеобщего дефицита главными оазисами изобилия были спецраспределители, куда могли попасть только представители номенклатуры[13], то теперь появились магазины, доступ в которые предоставлялся не исходя из партийных заслуг, а в зависимости от наличия связей с заграницей. Мало того, введение сертификатов ВПТ делало возможным проникновение в заветные магазины людей, и вовсе с заграницей не связанных: стремительно развивался черный рынок по покупке-продаже заменителей валюты[14].

Можно сказать, что в каком-то смысле «Березки» формировали позднесоветский средний класс[15], в который таким образом попадали советские чиновники, представители культуры и спорта (ездившие на гастроли и соревнования), научная интеллигенция (ездившая на конференции и получавшая гонорары за статьи и переводы), советские специалисты (врачи, инженеры, переводчики, «строившие социализм» в развивающихся странах), а также просто предприимчивые граждане, не боявшиеся приобрести сертификаты у знакомых[16]. Получалось, что этот если не сформированный «Березкой», то выявленный ею средний класс парадоксальным образом представлял собой людей, в той или иной мере предпочитающих

---

[12] «Труда на эту статью ушло очень много, гонорар в 500 долларов никак нельзя считать слишком большим. <…> На эти деньги мы покупали в продуктовой “Березке” мясные консервы и другие продукты для посылок в лагеря, для свиданий и передач — целыми ящиками!» (*Сахаров А.Д.* Воспоминания. М., *1996*. Т. 1. С. 587).

[13] См.: *Восленский М.* Номенклатура. М., *2006*; *Кондратьева Т.С.* От царской подачи к кремлевскому распределителю // Одиссей: Человек в истории. *1999*. М., *1999*. С. 21–29.

[14] В журнале «Социалистическая законность» рассказывается об аресте человека, купившего 2 сертификата ВПТ по 50 рублей каждый у их владельцев и перепродавшего их за 800 рублей. (Социалистическая законность. *1977*. № 11. С. 77).

[15] Отчасти тот самый, о котором пишет А.Г. Левинсон (*Левинсон А.Г.* О категории «средний класс»...).

[16] В.М. Живов пишет о том, что в 1970-е гг. в СССР формируется понятие элиты, в которую входят как чиновники, так и представители интеллигенции, и добавляет: «“Березка” становилась местом встречи начинающего бюрократа и опального писателя, получившего гонорар в лондонском издательстве» (*Живов В.М.* Об оглядывании назад и частично по поводу сборника «Семидесятые как предмет истории русской культуры» // Неприкосновенный запас. *1999*. № 2(4). С. 48–55.

западный образ жизни советскому. Мало того: государство, зная это, пыталось своими руками развивать что-то, максимально похожее на западные магазины, и как бы признавало это главной привилегией, которую оно может предложить.

Интересно при этом, что даже люди, не бывавшие в «Березках», знали о существовании этих магазинов и воспринимали их как вожделенный символ общества потребления. Будучи средоточием иностранных товаров в СССР, «Березка» выступала и своеобразным законодателем моды[17].

А. Юрчак, пытаясь понять причины краха советской системы, пишет о том, что воспроизведение советскими гражданами стандартных идеологических формул при относительной неважности их буквального смысла давало им возможность как бы создавать новые, непредвиденные смыслы, в результате чего происходил постепенный медленный сдвиг всего дискурсивного режима[18]. Как бы сама этого не замечая, «советская система все более отличалась от того, какой она сама себе казалась (и ее руководству, и простым гражданам)»[19]. Представляется, что подобным же образом и очаги общества потребления в СССР, такие как магазины «Березка», созданные самой советской системой, или другие явления позднесоветского общества (например, нелегальная предпринимательская деятельность, на которую власть закрывала глаза, согласно «Малой сделке»[20]) разъедали систему изнутри, делая невозможным ее дальнейшее существование.

---

[17] Информантка рассказывает, что, увидев у кого-то модную сумку и не найдя ее в советских магазинах, решила, что сумка — из «Березки», и, сшив себе такую же, называла ее «березочной» (Интервью с Е. З., 9 ноября 2009 г.).

[18] *Yurchak A*. Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton University Press, *2006*.

[19] *Юрчак А*. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. *2007*. №2 (52). С. 95.

[20] *Millar J.* The Little Deal: Brezhnev’s Contribution to Acquisition Socialism // Slavic Review. *1985*. № 44. P. 694–706.

Касаткина Александра
Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет антропологии
соискатель

КАК САДОВЫЙ УЧАСТОК ПРЕВРАТИЛСЯ В ДАЧУ

Сейчас слово «дача» в русской речи может означать любое загородное жилище горожанина, будь то дача в академическом поселке или кооперативе, садовый участок или дом в деревне. Однако на момент появления коллективных садов в 1949 г. дачи как места для отдыха горожан, находившиеся за пределами города, но и не в деревне, существовали уже более столетия[1], и садовые участки не считались их аналогами и не ассоциировались с этим словом. Но уже в 1980-е гг. садовые участки в повседневной речи уверенно фигурируют как «дачи». Я попробую показать, как произошло слияние (на уровне терминологии) садовых участков и дач в Ленинграде и Ленинградской области, используя архивные документы Исполкома Ленсовета с 1951 по 1990 г. (ЦГА СПб. Ф. 7384).

Начало любительскому садоводству горожан положило Постановление СМ СССР 1949 г. «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», на которое городская власть Ленинграда мгновенно откликнулась соответствующим Решением. Огородничество на подсобных землях предприятий и городских пустырях существовало и раньше и особенно разрослось во время войны. Садоводство, как явствует из Постановления, рассматривалось наряду с огородничеством как способ подкормить городское население во время послевоенного продовольственного кризиса. Труд в коллективных садах и огородах, кроме того, решал проблему досуга горожан, которая была достаточно острой с самых первых лет существования советского государства. Курорты и дома отдыха предназначались для обладателей привилегий, дач тоже на всех не хватало. К тому же дача для советской идеологии была двойственным явлением. С одной стороны, доступный отдых на даче являлся знаком повы-

---

[1] Подробный и насыщенный интересными аналитическими комментариями обзор истории дачи в России с XVIII в. до наших дней можно найти в книге: *Ловелл С.* Дачники: История летнего житья в России. 1710–2000. СПб., *2008*. После революции термин «дача» тоже расширил свое значение за счет новых видов дач — государственных дач, дачных кооперативов.

шения качества жизни советского человека, с другой стороны, существовала проблема идеологической неоднозначности дачи, имевшей «неудобные» коннотации, связанные с «буржуазным» сибаритством, излишками частной собственности и возможностью извлекать нетрудовой доход[2]. В то время как «активный отдых» на грядках коллективного сада или огорода был абсолютно идеологически приемлемым видом досуга.

Предприятиям, учреждениям и организациям города предлагалось получать для своих рабочих и служащих земли под сады, которые могли обрабатываться коллективно, а могли делиться на участки (от 600 до 1200 м^2) и распределяться между людьми. От огорода коллективный сад отличался тем, что давался в бессрочное пользование, право на которое переходило по наследству (при условии, что человек проработает на том же предприятии 5 лет и освоит участок за 3 года). Право пользования огородом каждый год продлевалось заново и могло быть отнято в любой момент. Садовый участок, таким образом, оказывался очень близко к личной собственности человека и его семьи (многие дачи находились в личной собственности). Это явный компромисс с идеологией, порицавшей частную собственность и поощрявшей коллективные формы собственности и деятельности. Человек и его потомки, правда, получали не сам участок (он оставался собственностью предприятия), но право пользования им, причем ограниченное: участок строго запрещалось использовать для получения дохода. Но на практике садоводы ощущали себя значительно в большей степени собственниками своих участков, чем давал им оснований закон. У этой неожиданной уступки есть вполне практическое основание: чтобы вырастить плодоносящий сад, требуется значительно больше времени, чем для выращивания овощей. Т. е. длительное закрепление сада за коллективом пользователей было разумной необходимостью, исходящей из самой его природы. Это иллюстрирует, как политика советского государства, особенно в мелочах, часто следовала практическим надобностям в ущерб лозунгам и программам.

От дачи садовый участок отличался более существенно, чем от огорода. Дачей называлось, прежде всего, загородное жилье для отдыха или даже круглогодичного проживания. Садовый участок — это в первую очередь земля для возделывания, которое вменялось в обязанность ее получателю. Каких-либо построек в коллективных садах первоначально, видимо, не предполагалось вообще, как и на огородах, но практика быстро внесла свои коррективы. Под сады земля отводилась гораздо дальше от города, чем под огороды, укрытие от непогоды и для хранения инструментов там было жиз-

---

[2] Подробнее о двойственности дачи в советское время см. у Ловелла: *Ловелл С.* Дачники... С. 198, 216 и др..

ненной необходимостью. Просьбы разрешить строительство начали поступать в местные органы власти уже летом 1949 г. В архиве Ленгорисполкома имеется разрешение одному коллективному садоводству построить «павильон коллективного пользования», выданное в 1951 г. (Ф. 7384. Оп. 25. Решение № 79). Слово «павильон» подчеркивает нежилой статус этого строения, отсутствие там необходимых для круглогодичного проживания удобств. Строительство таких павильонов на несколько десятков человек предполагало коллективное возделывание сада и активно поощрялось на бумаге. Кое-где такие павильоны действительно строились и просуществовали до 1980-х гг., когда их разрешили снести и построить индивидуальные дома (Ф. 7384. Оп. 62. Д. 74). Но чаще всего коллективные сады с самого начала делились на участки, которые распределялись между членами садоводства и застраивались индивидуальными домами. Постановление 1949 г. прямо не запрещало этого, но и не разрешало, поэтому местные власти принимали решения по этим вопросам самостоятельно.

В Постановлении 1949 г. постройки не упоминаются. В 1955 г. вышло Постановление СМ РСФСР, которое давало понять, что на садовых участках в принципе разрешены индивидуальные постройки (разумеется, по типовым проектам). Видимо, это была реакция на трудности, возникшие у местных властей, которые оказались перед выбором, разрешать или не разрешать строить дома в садоводствах. Ведь это вопрос не столько бытовой, сколько схоластический, вопрос верной интерпретации постановления свыше. Более детальные решения в этой сфере оставались в ведении местных властей до 1966 г., когда вышел новый Типовой устав садоводческого товарищества, который регламентировал размер садового домика — до 25 м^2. Заслуживает внимания само выражение «садовый или летний домик» — некапитальная, нежилая постройка, ни в коем случае не второй дом. Но индивидуальные садовые участки с домами, находящиеся в бессрочном пользовании семьи, — это уже почти дачи, если понимать дачу как загородный дом, находящийся в личной собственности горожанина.

Стремление садоводов строить на своих участках иллюстрирует случай с садоводством «Мичуринец», созданным в 1966 г. в нарушение запрета 1962 г. на отвод земель под сады в черте города. В результате переговоров с Горисполкомом удалось добиться разрешения временно использовать эти земли для посадок, но члены товарищества, зная, что на этом месте вот-вот начнут возводить многоэтажки, упорно продолжали завозить стройматериалы и строить дома (Ф. 7384. Оп. 42. Д. 1391).

Дома на садовых участках строились повсюду, скромные типовые проекты и введенные ограничения часто игнорировались. Нарушения в строительстве на садовых участках фигурируют во всех решениях Ленгор-

исполкома, касающихся нарушений в садоводствах, с 1962 по 1985 г. (Ф. 7384. Оп. 41. Д. 299; Оп. 46. Д. 119; Оп. 47. Д. 126; Оп. 51. Д. 682; Оп. 55. Д. 178; Оп. 56. Д. 186, 684, и др.). Это главным образом строительство без согласованного проекта, расхождения с проектом или превышение норматива по площади. К 1977 г. была проведена инвентаризация садоводств в Ленинградской области, которая охватила 573 садовых товарищества и 77 149 садовых домиков и показала, что нормативный размер строения превысили 17 100 человек, 15 452 человека возвели на участках дополнительные строения, которые тоже не были предусмотрены Уставом (имеются в виду сараи и даже времянки) (Ф. 7384. Оп. 51. Д. 682).

Отдельно документы, фиксирующие нарушения, оговаривают строительство на садовых участках «дач». Так они называют дома, обладающие хотя бы одним из следующих признаков: бревенчатые, каменные, многоэтажные, с мансардами, встроенными гаражами, банями. Они характеризуются как «капитальные», «фундаментальные» — попросту говоря, удобные жилые дома, в которых можно жить круглый год. «Если дома каменные или бревенчатые, то это уже не садоводство, а второй дом», — говорит председатель исполкома одного из районов города, объясняя представителю городской власти суть требований к строительству в садоводствах (Ф. 7384. Оп. 47. Д. 143. Л. 214). В условиях дефицита строительных материалов такую роскошь могли себе позволить только привилегированные садоводы, обладавшие нужными постами и связями. Документы называют некоторых нарушителей из числа крупных начальников городского уровня. Садовый участок, таким образом, оказывается близок даче и в социальном смысле, хотя социальный состав садоводов, несомненно, шире и включает и наименее привилегированные слои рабочих и служащих, особенно с 1980-х гг., когда раздача земли под сады стала массовой.

Власти интерпретировали возведение более или менее комфортных жилых домов на садовых участках как строительство дач — недопустимое, «извращающее сущность коллективного садоводства», наряду с продажей участков и их ограждением (Ф. 7384. Оп. 56. Д. 684). Тем самым они четко противопоставили друг другу дачи и садовые участки и квалифицировали деятельность садоводов, строивших более комфортные дома, как нарушение границы между ними. Однако садовые участки, которые, вероятно, изначально задумывались исключительно как сельскохозяйственное мероприятие, на практике настолько сблизились с дачами, что власти были вынуждены постепенно менять свою концепцию. Это заметно в эволюции норм строительства от одного Типового устава к другому. С 1966 по 1988 г., когда вышел последний Типовой устав, допустимые садовые домики неуклонно приближались к запретным дачным домам.

В 1977 г. выходят Постановления СМ РСФСР и ВЦСПС № 623 и 843, которые разрешают в садовых домиках печное отопление, мансарду сверх прежней дозволенной площади, а также строительство погреба и дополнительных хозяйственных построек, которое ранее не было оговорено и потому часто запрещалось местными властями. Предписывается развивать инфраструктуру садоводческих поселений — «медицинские, торговые и культурно-бытовые учреждения», что тоже приближает их к жилым дачным поселкам по степени удобства. В то же время разрешается разведение кроликов и птицы, т. е. сельскохозяйственное значение садов тоже увеличивается. Вероятно, центральная власть отреагировала на поступавшие в изобилии жалобы садоводов на притеснения, поднимая свой авторитет.

Местные органы власти тоже были вынуждены уступать лавине нарушений. Об этом свидетельствуют отрывки из протоколов заседания Исполкома Ленсовета по соответствующим вопросам. «Из 85 тысяч этих домиков с нарушением построено больше половины, поэтому надо реально представить, что мы не сможем заставить всех этих дачников обрубить свои дома», — признает председатель Исполкома Ленсовета в 1974 г. (Ф. 7384. Оп. 47. Д. 126. Л. 158). Дачниками названы и садоводы, и собственно дачники, что говорит об уже начавшемся расширении семантики слова «дача».

Эволюцию концепции коллективных садов отражают и изменения в их административном подчинении. С 1949 до 1956 г. или позже коллективные сады в Ленинграде находились в ведении Отдела сельского хозяйства Ленгорисполкома, а не Дачного треста. В 1960-е гг. Отдел сельского хозяйства больше не упоминается в решениях, касающихся садоводств. Общественным порядком на территории товариществ, ликвидацией нарушений занимаются райисполкомы, администрации предприятий и профсоюзные органы. В 1974 г. переход садоводств из сельскохозяйственной сферы в социальную и бытовую закрепляется созданием при Дачном тресте Ленгорисполкома Отдела дачно-строительных кооперативов и садоводческих товариществ (Ф. 7384. Оп. 47. Д. 132). В 1987 г. было создано отдельное Управление по обслуживанию коллективных садоводств. Это связано с их массовым распространением: количество садовых участков в Ленинградской области значительно превысило количество дач, и государство планировало развивать эту сферу в дальнейшем, не обращая внимания на идеологические вопросы.

Протоколы заседаний Ленгорисполкома по вопросам нарушений в СТ и ДСК после 1974 г. позволяют предположить, почему власть оказалась вынуждена подчиниться практикам населения в ущерб своим идеологическим принципам. С 1949 до начала 1960-х гг. существование садоводче-

ских товариществ было регламентировано только в самых общих словах. В начале 1960-х гг. в Ленинграде стали предприниматься попытки контроля, в 1966 г. появились более детально прописанные нормы и правила, которые в дальнейшем детализировались все больше. Но первое десятилетие стало решающим. «Когда мы выделяли земли в 1955 г., все было пущено на самотек, никакого устава не было, проектов не было. И только сейчас мы начинаем предъявлять требования», — говорит председатель исполкома одного из районов Ленинграда, объясняя причины нарушений в садоводствах на вверенной ему территории (Ф. 7384. Оп. 47. Д. 143. Л. 216). Когда власть спохватилась, предпринимать что-либо было поздно. Хотя трудно предположить, что изменилось бы, если бы четкие нормативы и регулярный контроль существовали с самого начала.

В 1989 г. Ленгорсполком принял решение выделить садовые участки престарелым работникам Управления дачного обслуживания вместо государственных дач, которые они, выйдя на пенсию, уже не могли занимать (Ф. 7384. Оп. 60. Д. 129). Это свидетельство, что к этому времени дача и садовый участок воспринимались как явления одного порядка. С. Ловелл полагает, что расширенная семантика слова «дача» стала общепринятой к концу 1980-х гг.[3]

По какому признаку садовые участки оказались отождествлены с дачами в бытовой речи и сознании людей? Это не было праздное времяпрепровождение: «владельцы» садовых участков охотно проводили выходные и отпуск за работой на земле, по меньшей мере, до середины 1990-х гг., и в просмотренных мной архивных документах ни разу не упоминается чей-либо отказ возделывать участок. В послевоенные десятилетия изменились практики дачного отдыха — многие дачники тоже начали выращивать сады, огороды и цветники. Как показано выше, местные власти таким признаком считали наличие жилого дома. Видимо, этот же признак дачи оказался важен и для людей, которые начинали строить дом, как только получали клочок земли в более или менее длительное пользование, и старались сделать его как можно более комфортным для житья.

Садовый участок, выданный в бессрочное пользование, был воспринят советским человеком как возможность выстроить собственный дом и в этом смысле ничем не отличался для своего владельца от дачи, воспринимавшейся как загородное жилье. Более идеологически приемлемое предложение властей строить в садоводствах коллективное жилье так и не прижилось. История слияния садовых участков и дач показывает, как идеология взаимодействовала с управленческими и бытовыми практиками.

---

[3] *Ловелл С.* Дачники... С. 232.

Корнышев Денис
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
исторический факультет
4 курс

ПРОБЛЕМА РЕПАТРИАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Термин «репатриация» произошел от средневекового лат. слова repatriatio и означает возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов. В литературе они получили еще одно название — «перемещенные лица» (displaced persons, или DP); особенно часто этот термин встречается в зарубежных исследованиях.

Возникновение в годы Великой Отечественной войны новой многочисленной категории таких людей, как репатрианты, было обусловлено рядом факторов. Среди них — миграционные процессы, вызванные Второй Мировой войной, и перемещения людей, связанные с потребностями народного хозяйства страны.

В ходе войны Советский Союз понес тяжелые потери в материальных и людских ресурсах. Согласно подсчетам российского историка А.А. Шевякова, страна потеряла расстрелянными в лагерях и по месту жительства 11,3 млн человек, от голода и эпидемий — 6,5 млн человек, на немецкой каторге и в результате ее последствий погибло 3 млн гражданского населения. Таким образом, людские потери оцениваются общим числом более 20 млн человек[1], и это не считая 11 млн военнослужащих Красной Армии, погибших в боях с врагом[2]. Заметим, что данные цифры не являются на данный момент истиной в конечной инстанции.

В ходе военных действий более 5 млн советских граждан оказались на территории противника. Большинство из них составляли восточные рабочие («остарбайтеры»), т. е. советское гражданское население, добровольно или принудительно работающее на немцев. Также уцелело около

---

[1] *Шевяков А.А.* Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны // Социологические исследования. *1992*. № 11. С. 3–17.

[2] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование под общ. ред. Кривошеина Г.Ф. М., *2001* (rus-sky.com/history/library/w/).

1,7 млн военнопленных, включая поступивших на военную и полицейскую службу к противнику. Сюда же входили сотни тысяч отступивших с немцами их пособников и беженцев. Советский Союз был крайне заинтересован в возвращении своих граждан. Ощущалась острая нехватка рабочей силы и специалистов в различных отраслях науки и техники. В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали договор о взаимной репатриации[3]. К началу 1952 г. в СССР было возвращено около 4,5 млн человек.

В октябре 1944 г., когда части Красной армии вступили на территорию стран Восточной Европы, появилась потребность в организации ведомства, которое отвечало бы за сбор и перемещение огромного количества освобождаемых военнопленных и остарбайтеров. По решению Правительства СССР 4 октября было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР, которое возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков. Сотрудники Управления разработали и провели в жизнь идею создания в республиках, областях и районах разветвленной системы, задачей которой был прием и трудовое устройство возвращенных в Советский Союз граждан[4].

В начале ноября 1944 г. Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС. В нем говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами... Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины…»[5].

Это интервью впоследствии использовалось как официальное обращение правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам[6].

---

[3] *Шевяков А.А.* «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. *1993*. № 8. С. 5–13.

[4] *Вертлицкая Е.В.* Репатрианты в Свердловской области в 1943 — начале 1950-х гг. // Дис. <...> канд. ист. наук. Екатеринбург, *2004*. На правах рукописи. С. 38.

[5] Интервью Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генерал-полковника Ф.И. Голикова // Правда. 1944. 11 нояб. С. 2.

[6] *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944–1956 гг. // Социологические исследования. 1995. № 5, 6. С. 5–13.

Советское руководство придавало огромное значение процессу репатриации советских граждан и их дальнейшего благоустройства. Государство обеспечивало бесплатный проезд людей к месту жительства, их питание и медико-санитарное обслуживание. Разнообразными директивами, постановлениями, указами, распоряжениями они старались привлечь внимание работников среднего и низшего звеньев чиновников и партаппаратчиков к проблемам адаптации «возвращенцев». Однако многие из постановлений не выполнялись, несмотря на неоднократные повторения и напоминания. Вероятно, тут сказывалось множество факторов — и занятость проблемами послевоенного обустройства городов и областей, и негативное отношение к самим репатриированным, которое выражалось в фразах: «под немцами пахал», «спину гнул на оккупантов» и т. п. Партия и Правительство осуждали такое отношение к репатриируемым. Для примера приведем выдержку из Постановления Секретариата ЦК КП/б/У от 3-го сентября 1947 г. № 96 «О массовой работе среди репатриированных советских граждан из Франции, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Польши»:

> «…Парторганизация Одесской области совершенно недостаточно уделяет внимание трудовому и хозяйственно-бытовому устройству репатриированных граждан. Некоторые руководители партийных советских и хозяйственных органов в силу своей политической близорукости неправильно и не по-советски относятся к репатриированным гражданам и переселенцам, считая работу с ними излишней для себя обузой… Первоочередная задача партийных и советских органов состоит в том, чтобы помочь репатриированным гражданам и переселенцам поскорее освободиться от буржуазного влияния и идеологии, приобщить их к активному участию в социалистическом строительстве и общественно-политической жизни страны»[7].

В постановлении Бюро Одесского Обкома КП/б/У от 10 сентября 1945 г. предписывается «…вести повседневную разъяснительную работу, — не допуская какого-либо обособления репатриантов, — искусственной изоляции их от населения». Обком обязывал редакторов всех типов газет систематически публиковать материалы о пребывании советских людей в неволе, используя для этого сообщения и рассказы репатриированных советских граждан, статьи и очерки о заботе партии и советского

---

[7] Одесский Областной Государственный Архив (далее — ООГА). Ф. Р-2000. Оп. 3. Д. 92а. Л. 5–6.

государства, по трудовому устройству репатриированных советских граждан, и об участии их в работе по восстановлению хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами»[8].

Облотдел по делам репатриации следил за тем, как выполнялись постановления СНК УССР и СССР об трудоустройстве, жилищно-бытовых условиях и политико-массовой работе с репатриантами. В результате проверок выяснилось, что городской совет, который должен был взять на себя основную тяжесть по работе и обеспечению репатриантов, прибывающих в город, игнорировал вопросы об обеспечении, учете и трудоустройстве репатриантов. Еще хуже обстояло дело с отделами милиции НКВД. Милиция не выдавала паспортов неделями, а то и месяцами. В результате этого люди не только не могли устроиться на какую-нибудь работу, но даже не могли получать талоны на питание[9]. Докладная записка за 1946 г. о работе отдела по делам репатриации отмечала: «…Недостаток в работе всех городских отделений милиции — это несвоевременная выдача паспортов и разрешений на прописку. Прибывшие репатриированные граждане ходят по две недели, а то и больше за одной только пропиской. Отсутствие документов у людей и прописки не дает возможности своевременно устраиваться на работу и получать хлебные и продуктовые карточки»[10].

Деньги, выделенные правительством для помощи репатриированным советским гражданам в области, частично передавались в сельсоветы и райсоветы для оказания помощи на местах в городе и области. Однако в области деньги не расходовались, потому что репатриантами никто не занимался, а в городе были даже отмечены случаи присвоения этих денег работниками финотделов райсоветов.

Еще одной сложностью, с которой столкнулись репатрианты, вернувшись на Родину, была нехватка мест для жилья. Приходилось или брать у государства ссуды на съем или строительство жилья или пытаться вернуть свои старые квартиры и дома у новых владельцев. 5 января 1946 г. Наркомат Юстиции издал распоряжение для всех председателей Верховных судов СССР «О возвращении репатриированным Советским гражданам принадлежащих им на праве личной собственности или на право застройки домов», которое предписывало «в случае обращения репатриированных советских граждан в суд с иском о возвращении принадлежащих им домов, признанных в их отсутствие бесхозяйственными,

[8] ООГА. Ф. Р-2000. Оп. 3. Д. 92а. Л. 11.

[9] Там же. Д. 94. Л. 156.

[10] Там же. Д. 92а. Л. 36–38, 42–44.

суды должны такие иски принимать к своему производству и рассматривать их на общих основаниях»[11]. Хотя положение с жильем улучшилось, все же в целом исправить его не удалось. Многие репатрианты «снимали углы» на квартирах у других людей, либо жили в ужасных антисанитарных условиях в заводских общежитиях, продолжая писать жалобы и письма в различного рода инстанции.

Многие репатриируемые избегали прохождения Областных приемочно-распределительных пунктов, так как репатриантов отказывались принимать на работу и отметка о прохождении ОБлПРП в документах была только во вред. Часто жители из других районов СССР предпочитали оставаться на новых, более удобных местах, чем те, где они жили ранее. Постановление СНК от 6 января 1945 г. за № 30-12с «Об организации приема и устройства репатриируемых советских граждан» обязывало «всех военнообязанных, негодных к военной службе, а также лиц непризывных возрастов и женщин, после соответствующей проверки, отправлять, как правило, в места их постоянного жительства»[12].

Основной контингент репатриированных проживал в сельской местности. На работу устраивались самотеком без посредства районного и сельского советов. Некоторые вообще не работали. Сельские советы и дирекция предприятий ни в коей мере не заботились о трудоустройстве и условиях работы репатриированных граждан. Репатрианты-стахановцы отмечались на досках почета, им объявлялись благодарности, заводы премировали их талонами на обеды и разнообразного рода подарками, например, комплектом одежды. Но все зависело от руководителей предприятий. Некоторые не только отказывались премировать репатриантов-стахановцев, но и всячески портили им жизнь, не замечали их упорного труда[13]. Позже в результате борьбы с руководителями те специалисты, которые работали не по специальности, были направлены на свои прежние места жительства для работы по специальности.

Еще одним местом содержания репатриантов являлись рабочие батальоны Наркомата обороны СССР, Наркомата ВМФ и так далее. В них работали бывшие военнослужащие, побывавшие в окружении или в плену, а также военнообязанные недемобилизуемых возрастов, признанные годными к военной службе и подлежащие по законам мобилизации в Красную Армию. К примеру, все бывшие военнопленные, проходя через проверочно-фильтрационные пункты и направляясь в Одессу, давали подписку о том,

[11] Там же. Л. 2.
[12] Там же. Д. 167. Л. 63, 84 и др.
[13] Там же. Д. 92б. Л. 66–76.

что они обязуются работать в системе Народного Комиссариата Военно-Морского Флота Союза СССР в городе сроком на один год[14].

Командование не давало о них сведений в органы репатриации, мотивируя это тем, что они зачислены в армию. В ходе проверок было установлено, что военнопленные живут в ужасных условиях, родных не видели больше пяти лет, занимаются тяжелым физическим трудом, культурной работы с ними не проводится. Во многих рабочих батальонах не считаются ни со специальностью, ни с образовательным цензом[15].

Приведем типичный пример: «Проверен 46-й АРЗ. 34 человека дезертировало, 2 арестованы. Репатрианты, работающие на заводе, живут на частных квартирах или в общежитии завода. Здание общежития грязное, темное и сырое. Люди спят на голых пружинах, постельного белья нет. Постельное белье выдавалось всем, но только один раз, а его качество оставляло желать лучшего. В рабочее время в общежитии оказалось 6 человек рабочих. Начальство объясняет их нахождение здесь во время рабочего времени тем, что они, мол, лодырничают. Оказалось в ходе беседы с этими людьми, что трое из них являются дистрофиками. Завод же не имеет возможности обеспечить им усиленное питание, а домой не отпускает. Всего же на заводе имеется 10 человек, больных дистрофией. Рабочие-репатрианты даже не получали какой-либо рабочей одежды. Все ходят в рванье. Людей не водят в баню[16]. Хотя некоторые репатрианты перевыполняют норму на 100 % и более, зарплату им выплачивают крохотную... На просьбы отправить на другую работу, отвечают «пошлю в лес, там будешь водить поезда».

Дезертирство с работ или невозвращение из отпуска были основными способами для репатриантов вернуться в родные места, к своим семьям.

С сентября 1946 г. на всех репатриантов в составе рабочих батальонов было распространено советское трудовое законодательство, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие предприятий и строек. В целом репатриированные входили в спецконтингент НКВД и подвергались репрессиям по двум причинам: из-за пребывания долгое время заграницей и по экономической причине (экономика страны требовала дешевой рабочей силы и в высококвалифицированных кадров)[17]. Несмотря на многие недостатки в работе с репатриантами, все же удалось добиться главного — люди вернулись на Родину и были приняты в совет-

---

[14] ООГА. Ф. Р-2000. Оп. 3. Д. 92б. Л. 66–76.

[15] Там же. Л. 90–101.

[16] Там же. Л. 44–50.

[17] *Вертлицкая Е.В.* Репатрианты в Свердловской области... С. 55

ское общество. Конечно, было много недоразумений, предвзятого отношения и др., но все же главная цель была достигнута — репатрианты сыграли значительную роль в восстановлении народного хозяйства и культурной жизни страны, хотя еще долгое время они оставались «белыми воронами» в советском обществе.

Источники

Одесский областной государственный архив (ООГА). Ф. Р-2000. Приемочно-распределительный пункт для репатриации советских граждан. Отдел репатриации при Одесском Облисполкоме. 1945–1953 гг. Оп. 3. Д. 91, 92, 92а, 92б, 92в, 93, 94, 95, 167.

Интервью Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генерал-полковника Ф.И. Голикова // Правда. *1944*. 11 ноября.

Кочеткова Елена
Петрозаводский государственный университет
исторический факультет
5 курс

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ И НЕНАЦИОНАЛЬНЫХ РАБОЧИХ КАРЕЛИИ В 1920-е — 1930-е гг.: ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ДРУЖБА ИЛИ КЛАССОВАЯ НЕПРИЯЗНЬ?

Период с 1920-х по 1930-е гг. стал важным этапом для развития экономики Карелии. За это время республика превратилась из отсталой окраины в индустриально развитый регион: был возведен ряд крупных промышленных предприятий, лесозаготовительных пунктов, созданы рабочие кадры, налажено производство. Большую роль в строительстве карельской промышленности сыграло национальное, и особенно пришлое финское население: в рамках проводившейся в эти годы национальной политики республика получила большой приток рабочих кадров из числа этнических финнов-иммигрантов, участвовавших в возведении значимых для края объектов.

С увеличением объема работ в рамках восстановления экономики после гражданской войны и пятилетних планов возникла потребность в большом количестве рабочих рук. Именно это стало одной из важных причин того, что строительство и выполнение планов выпуска продукции на большинстве хозяйственных объектов не укладывалось в намеченные, часто неосуществимые, сроки. Существенной проблемой был вопрос нехватки квалифицированных, а зачастую и неквалифицированных рабочих кадров, чернорабочих, что было связано, в первую очередь, со слабой населенностью и отсутствием профессиональной подготовки рабочих в Карелии.

По временной характеристике возникновение данной проблемы совпало с так называемой политикой «коренизации» Карелии, на деле проходившей в форме «финнизации», целью которой было превращение края в национальную республику. Это подразумевало, помимо прочего, придание официального статуса финскому языку, а также создание национальных рабочих кадров, фактически отсутствовавших в Карелии в тот период.

В этой связи единственным путем решения проблемы пополнения рабочих кадров признавалось привлечение рабочих-«националов», финнов

из-за пределов республики, что непосредственно оказало решающее влияние на строительство экономики и на изменение социальной структуры региона. Первая большая волна эмиграции из Финляндии была связана с поражением там рабочей революции весной 1918 г., после чего тысячи так называемых «красных» финнов прибыли в Советское государство[1]. Они составили ядро руководства как республики, так и ряда промышленных и культурных объектов.

С 1931 г. началась активная вербовка рабочих из числа этнических финнов Америки и Канады, эмигрировавших туда в начале XX столетия. Большинство североамериканских финнов имели квалификацию и владели современными технологиями; среди них были и специалисты бумажного и лесного дела, в которых остро нуждалась Карелия[2]. Это способствовало тому, что результаты работы иммигрантов были в несколько раз выше, чем у местных рабочих.

За счет иммигрантов руководство республики стремилось повысить производительность труда в ведущих отраслях промышленности и, собственно, завершить процесс формирования национальных рабочих кадров, т. к. они должны были помочь «создать базу и ядро, опору для организации национальных пролетарских кадров Карелии»[3]. Финны привозили с собой технику, оборудование, валюту и т.д. Но самое главное: в отличие от подавляющего большинства местных рабочих, они имели квалификацию, навыки работы с техникой.

С введением бригадного метода работы и в связи с наличием языкового барьера между национальными и ненациональными рабочими возникли условия для формирования отдельных финских диаспор. Так, например, на Кондопожском ЦБК, одном из крупнейших промышленных предприятий Карелии, финские рабочие «замыкались в своем кругу, у них была своя партийная ячейка, собственная стенгазета, свой драматический кружок»[4]. Финны даже трудились бригадным способом, обособленно от русских рабочих. Тем не менее, людям разных национальностей, жившим на одном физическом пространстве, приходилось контактировать друг с другом, работать на одном производстве.

---

[1] *Такала И.Р.* Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 19.

[2] НА РК. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 3/33. Л. 3.

[3] Там же. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 15/163. Л. 47.

[4] *Алексеева М.А.* Быт рабочих Кондопоги в 1923–1933 гг. по материалам газеты «Красная Карелия» // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений. Петрозаводск; Кондопога, *2000*. С. 188.

В рамках «коренизации» предполагалось преодоление «фактического неравенства народов» под которым, помимо прочего, понималась необходимость предоставления коренным народам права на управление[5]. На практике реализация данного положения была осуществлена в предоставлении таких прав финнам-иммигрантам. Финны, как квалифицированные рабочие, получали более выгодные условия проживания, специальное снабжение. Можно согласиться с выводами М. Кангаспуро, который считает уместным говорить о наличии на строительстве и производстве в Кондопоге иерархии рабочих[6]. Так, верхнюю позицию занимали американские и канадские финны, как рабочие более высокой квалификации, привозившие с собой валюту и технические средства, что было также обусловлено тем, что они прибывали в республику в рамках планов, проводимых руководством. Эта категория финнов имела преимущества в виде более высокой заработной платы, лучшего питания и жилищных условий, и т.п.

На второй позиции в предполагаемой иерархии находились финны, прибывавшие из Финляндии, так называемые «перебежчики». Они, составив небольшой процент рабочих, прибывали в республику нелегально, но после соответствующих формальностей и проверок отправлялись на работу. Отличием этих рабочих была невысокая в среднем степень квалификации, более низкая оплата труда и т. д., но наличие, тем не менее, больших преференций, нежели у русских рабочих, условно занимавших третью ступень иерархии.

Таким образом, политика советского руководства была в определенной степени противоречивой, создавая условия для отсутствия равноправия среди населения республики.

Газетные статьи рассматриваемого периода неоднократно констатировали, что, несмотря на языковое различие, взаимоотношения финнов с русскими рабочими хорошие и доброжелательные[7]. Однако на деле это не всегда, как представляется, соответствовало реальности. Своеобразная национальная политика, создание бригад по национальному признаку, организация показательных построек, проводимых по проектам и силами

---

[5] *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920–1950-е гг. и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, *1998*. С. 18.

[6] *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta: Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, *2000*. S. 345–351.

[7] НА РК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 7/55. Л. 27.

финских рабочих и специалистов, строительство для них отдельных клубов, столовых и школ вызвали недовольство среди рабочих других национальностей.

Так, в докладе ОГПУ содержались высказывания русских рабочих о том, что «в Карелии есть два класса — господствующий, финны, и угнетенный — русские и карелы, — это надо изжить, пока не поздно». Недовольство приводило даже к решительным мерам со стороны русских: в августе 1929 г. с Кондопожской бумажной фабрики демонстративно уволились 10 рабочих, недовольных привилегированным положением финнов.

Однако более частым явлением было распространение слухов — например, о том, что финнам за ту же работу, при одинаковой квалификации платят больше, чем русским, что им предоставляют лучшее жилье. Такие сообщения имели под собой основание, ибо, как говорилось выше, финские рабочие имели более высокую оплату труда и некоторые преимущества в получении жилья, что нередко вызывало недовольство и зависть: «Финны живут как в раю — все начальники и господа»[8].

Завидовали финнам также и в связи с тем, что они могли получать недоступные для других товары в магазинах Инснаба, носили «джентльменскую» одежду и прически[9]. Ходили разговоры среди русских рабочих и о «финском засилье» в Карелии. Часто предметом зависти становились успехи финнов на производстве, ударный труд. Многие из финнов предлагали различные проекты по улучшению и интенсификации производства. Так, в начале 1930-х гг. за рационализаторское предложение об улучшении работы вентиляторов финский мастер Тикка получил премию 500 рублей. Различные проекты по рационализации производства, в большинстве случаев оставшиеся без награды, предлагали мастера О. Пюлккянен, Хаапалайнен, бригадир Улви и другие[10]. По словам инспектора по вербовке иностранной рабочей силы Лейно, финны «работают хорошо. Выносят предложения по рационализации работ, улучшению производства… Отношение к работе у всех… сознательное»[11].

---

[8] *Филимончик С.Н.* Население Кондопоги в начале индустриализации // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений. Петрозаводск; Кондопога, *2000*. С. 197.

[9] *Vihavainen T.* Framing The Finnish Experience in The Soviet Union: Comparing Finnish and North American Finns // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Beaverton, *2007*. P. 143.

[10] *Johansson O.* Kontupohja — iskutyö: Kontupohjan paperitehtaan työkollektiivin vastuksista ja voitoista. L., 1932. S. 72.

[11] НА РК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 21/253. Л. 4.

В целом, как отмечала комиссия, проводившая инспекцию по положению рабочих в 1929 г., «на производстве имелась национальная рознь, антагонизм между рабочими»[12].

Серьезным препятствием для диалога между рабочими разных национальностей был языковой вопрос. Несмотря на официальный статус финского языка и на то, что руководство республики включало много финнов, инструкции, программы направлялись «сверху» зачастую на русском языке. «Финны и карелы не могли даже объяснить свои проблемы», ибо не знали русского языка[13]. По сути, незнание финнами русского языка и, наоборот, незнание русскими финского, стало серьезным тормозом в работе. Так, рабочий И.Ф. Егоров вспоминает, что «языка, на котором говорили иностранные специалисты, мы не понимали, между нами часто возникали недоразумения. Переводчики имелись, но их было мало»[14].

В определенной мере разобщению рабочих способствовала большая текучка кадров, характерная почти для всех предприятий и хозяйственных объектов Карелии. Одной из причин этого было то, что многие приходили на производство как сезонные рабочие.

С целью хоть как-то нарушить процесс изоляции финнов — а вполне вероятно, что и из-за боязни финских «шпионов» и «врагов» — руководство уже в 1920-х гг. стало проводить совместные заседания финской и русской ячеек партии, общие собрания, где вопросы обсуждались совместно, с переводом речей. Кроме того, для сплочения финской и русской молодежи организовывали совместное участие финнов и местных ребят в бригадной работе в обучении. Также были основаны кружки русского и финского языка. Работа таких кружков не была эффективной, так как многие рабочие отказывались изучать другой язык.

Сложные и порой немыслимые для финнов условия жизни, отсутствие нормального снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости, неважное медицинское и культурно-просветительское обслуживание становились главными причинами ухода финнов с производства и отъезда их из пределов Карелии. Так, один финский рабочий сказал: «По приезде в СССР у меня осталось впечатление, что это двор, в котором в Америке хранят скот»[15].

---

[12] НА РК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 21/253. Л. 10.

[13] *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta... S. 196.

[14] *Егоров И.Ф.* Первая кондопожская бумага // На фронте мирного труда: Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии: 1920–1940. Петрозаводск, *1976*. С. 21.

[15] НА РК. Ф. П-1690. Оп. 1. Л. 245.

Характерно, что советское руководство трактовало такие суждения как «нездоровые толкования и неправильное определение по отношению наших общих затруднений», объясняя это тем, что в Америке рабочие привыкли быть на иждивении родителей, а тут приходится трудиться, а также тем, что у этих рабочих очень слабая «политическая закалка»[16].

В целом большая текучесть кадров, регулярный приток новых рабочих, незнание языка, зависть и пр. стали препятствиями сплочению коллектива большинства предприятий республики, даже в отдельных цехах и мастерских.

Фактическое окончание политики «коренизации» и начало репрессивных акций 1930-х гг. в стране стало трагедией финской диаспоры в Карелии, непосредственно затронувшей как руководство республики, состоявшее в основном из «красных» финнов, так и самих рабочих. Главные обвинения в отношении финнов касались невыполнения планируемых сроков и объемов производства, а также мнимой националистической, шпионской, шовинистической деятельности. Репрессии положили конец так называемому «финскому периоду» истории республики.

Таким образом, говорить о существовании единых трудовых коллективов на предприятиях Карелии в 1920-е — 1930-е гг. не представляется правомерным. Национальная политика, проводившаяся карельским руководством с согласия Москвы, закладывала основы для розни между рабочими разных национальностей, препятствовала созданию единого трудового коллектива.

Источники

Национальный Архив Республики Карелия (НА РК)

Фонды

Р-571 — Управление строительством Кондопожской электростанции и бумажной фабрики (Кондостроя).

Р-685 — Переселенческое управление.

Р-690 — Совнарком СССР.

П-1690 — Кондопожская районная контрольная комиссия ВКП(б).

---

[16] Там же. Ф. Р-685. Оп. 1. Л. 246.

Кузнецова Людмила
Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории
соискатель

КУРОРТНЫЙ ОТДЫХ: БУРЖУАЗНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ В СИСТЕМЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ?[1]

Рассматривая любой аспект советского прошлого, мы не можем уйти от идеологических построений, как будто они определяют угол зрения, под которым необходимо рассматривать то или иное явление. Идеология действительно крайне важна для понимания «советского». Но не навязывает ли нам это совершенно определенную интерпретацию?

В данном тексте мы пытаемся рассмотреть феномен курортного отдыха в системе советских ценностей. Период, который нас интересует — 1920-е — 1930-е гг. — сам по себе составляет исследовательскую проблему. Изменения на рубеже этих десятилетий, в числе которых отказ от идеалов революции в пользу более традиционных, или «мещанских», ценностей, уже долгое время находятся в фокусе внимания исследователей. Можно, следуя концепции Н. Тимашева, рассматривать их как «Великое отступление». Можно принять точку зрения В. Данэм и относиться к этому как к «Большой сделке» между властью и формирующимся средним классом[2].

Мы не будем пытаться выйти на концептуальный уровень данных дискуссий и рассмотрим, как проявились эти изменения не в большой политике, а на уровне института, который вряд ли можно называть одним из важнейших для советского государства, — на примере системы курортного отдыха.

Пример, выбранный нами, во многом демонстрирует перемены, характерные для внутренней жизни страны в целом. В течение первого послереволюционного десятилетия доминировал лечебный образ курортов,

---

[1] Тезисы выполнены при поддержке Фонда Герды Хенкель.

[2] Хотя В. Данэм говорила о «Большой сделке» применительно к послевоенному периоду, исследователи, работающие в той же историографической традиции, считают, что соглашение между властью и средним классом становится очевидным уже в середине 1930-х гг. См.: Soviet Society and Culture Essays in Honor of Vera S. Dunham. Westview Press, *1988*. P. 1.

пребывание в них не рассматривалось как отдых в привычном понимании. В 1925 г. Мосздравотдел выпустил небольшую брошюру «Для чего нужны санатории», в которой автор заклеймил «ненужную роскошь» на курортах, обозначив ее как прихоть буржуа[3]. В здравницах «буржуазные излишества» сурово изгонялись, элементы привычного досуга (поездки в город, отлучение из санатория, игра в карты, употребление крепких напитков, частые посещения родных) были под запретом.

В 1930-е гг. образ курорта и отношение к курортному отдыху претерпели изменения. С этого времени отдых на курортах перестал быть просто лечением, начал восприниматься как заслуга за хорошую работу или какие-либо другие достижения. Формировалось представление о пребывании на курорте как о некой моральной и материальной ценности. Роскошь уже не осуждалась, наоборот, служила доказательством богатства государства. В действительности лишь малая часть санаториев соответствовала подобному образу, большинство находились в крайне тяжелой ситуации: не хватало оборудования, мебели, продуктов, средств. И хотя режим в здравницах оставался по-прежнему строгим, образ курорта, который был актуализирован в середине 1930-х гг., фактически отсылал к дореволюционному образу роскошного курорта. В это время даже появились номера люкс — ситуация, совершенно невозможная в 1920-е гг[4].

Изменения налицо, однако попробуем разобраться, в какой степени правомерно говорить о «предательстве» идеалов революции. Что именно было предано, и кто предавал? Противопоставляя здесь революционность и буржуазность, не следуем ли мы за советскими идеологическими схемами, которые говорили об уникальности советских курортов? Что если посмотреть на эту ситуацию в более широкой перспективе?

Интерес к вопросам организации свободного времени рабочих в период между двумя мировыми войнами — тенденция общеевропейская, если не сказать — общемировая. Возможно, первые попытки организации отдыха рабочих были предприняты в Америке еще в начале XX в. Исследователи говорят о двух системах: «тейлоризме» и «фордизме», которые в Европе часто назывались просто «американизмом»[5]. Их основными целями было повышение производительности труда рабочих и гар-

---

[3] *Конторум С.* Для чего нужны санатории. Задача санаторий и санаторное дело в Москве. М., *1925*. С. 10.

[4] *Чернопыжский Д.* Новые санатории // Архитектура СССР. *1938*. № 8. С. 52.

[5] См., например: *Meyer Stephen*. The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Motor Company, 1908–1921. Albany: State University of New York Press, *1988*.

монизация отношений между работником и работодателем. Достигалось это путем научной организации времени, более высокой зарплатой отличившимся работникам в условиях отсутствия коллективного договора. Характерными чертами «американизма» являлись механизация и стандартизация производства, массовое потребление недорогих товаров, а в целом — более высокий уровень жизни по доступной для рабочего цене. Внимание к свободному времени рабочих не было основным направлением «американизма», однако предложенные варианты проведения досуга, в том числе и на доступных курортах, служили маркером улучшения качества жизни.

В Италии данным аспектом занимался институт Opera Nazionale Dopolavoro, или OND.[6] Изначально основанный[7] как неполитическая организация, OND к началу 1930-х гг. стал составной частью фашистской партии. Занимаясь вопросами организации отдыха, спорта и развлечений, он стремился привлечь симпатии населения и наладить консенсус между властью и широкими массами.

Такую же цель преследовал основанный в 1933 г. немецкий институт «Kraft durch Freude» («Сила через радость»)[8], который входил в состав Германского трудового фронта. Варианты проведения свободного отдыха, предлагавшиеся в Германии, были несколько разнообразнее: туризм, морские круизы, курортный отдых. Однако и идеологии в немецком варианте было больше: предполагалось, что совместно пережитый опыт путешествий по стране привьет уважение к национальным корням, научит новым традициям отдыха, укрепит чувство товарищества и в конечном итоге сплотит немецкий народ.

Доступные курорты для рабочих получили распространение и в Англии, причем без какого-либо идеологического наполнения. Идея этого предприятия принадлежала конкретному человеку — шоумену и предпринимателю Билли Батлину[9]. Он понял, что массам необходим дешевый, но концептуально нового типа отдых. За сравнительно небольшие деньги (плата за неделю пребывания была эквивалентна недельному за-

---

[6] Исследование, посвященное данной организации: *de Grazia Victoria*. The Culture of Consent. Mass Organization of Leisure in Fascist Italy. Cambridge University Press, *1981*.

[7] В 1925 г.

[8] Об этом см.: *Baranowski Shelley*. Strength through Joy: Consumerism and Mass Tourism in the Third Reich. Cambridge University Press, *2004*.

[9] Биография Б. Батлина: *Butlin Billy, Dacre Peter*. The Billy Butlin Story. Robson Books Ltd, *1998*.

работку) рабочий получал отдых в очень хороших по тем временам условиях: на курортах был водопровод, электричество, залы для развлечений, бассейны. Также Батлин придумал использовать массовиков-затейников для организации увеселительных мероприятий. Первый Батлинс (так назывались курорты Билли Батлина) был открыт в 1936 г., до начала Второй мировой войны начали работать еще два.

Сравнение национальных вариантов института организации досуга рабочих представляет собой большую тему, заслуживающую отдельного исследования. Мы лишь кратко обратим внимание на то, что объединяло все эти варианты. Интерес к организации отдыха рабочих исследователи объясняют несколькими причинами. Конечно, были среди них и политические — таким путем государства пытались установить контроль и использовать в своих целях сферу жизни, которая раньше была исключительно приватной и скрытой от политического влияния. Но не менее важным было и ценностное переосмысление. Недорогой отдых, доступный широким массам рабочих[10], но при этом имеющий многие черты досуга, доступного ранее только высшим слоям общества, свидетельствовал об улучшении качества жизни. Присвоение практик высшего класса, получение их привилегий в какой-то степени свидетельствовало о подъеме вверх по социальной лестнице и, в конечном счете, гарантировало удовлетворение потребительских и социальных стремлений[11]. Улучшение стандартов жизни — то, что обещает своим гражданам каждое государство (или рабочим — работодатель), выполнение этого обещания во многом гарантирует лояльность масс по отношению к власти. Ситуация с курортным отдыхом в Советском Союзе полностью вписывается в общую тенденцию. Используя примеры отдыха простых рабочих на бывших царских курортах, советская власть стремилась выглядеть выполнившей революционные обещания[12].

Таким образом, доступный советский курорт, хотя и репрезентировался прессой как уникальное достижение Октябрьской революции, на деле являлся частью общемировой тенденции. В данном контексте поворот 1930-х гг. в сторону «буржуазности» можно рассматривать как воз-

---

[10] В иностранной литературе встречается термин «lower-middle class», которому трудно подобрать эквивалент в русском языке.

[11] Концепция культурности также может быть рассмотрена в данном контексте. О культурности см.: *Волков В.* Концепция культурности, 1935–1938 годы: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. *1996*. № 1–2.

[12] СССР на стройке. *1937*. № 1. С. 10.

вращение в русло общей тенденции, где доступный отдых на роскошном курорте был одним из символов повышения уровня жизни.

Однако подобные перемены не случаются сами по себе. Даже если есть общая сильная культурная тенденция — все равно в конкретных случаях она воплощается конкретными людьми. Что же было в случае курортов? Используя риторику предательства — кто предавал?

В Советском Союзе сеть курортов и санаториев почти с самой их национализации находилась под контролем Народного комиссариата здравоохранения РСФСР[13]. Однако в 1932 г. часть курортов была передана в ведение профсоюзов при сохранении общего руководства курортной системой и контроля над медицинской частью санаторного отдыха со стороны Наркомздрава. Фактически на развитие курортного дела могли влиять несколько институтов: центральные и республиканские органы здравоохранения, профсоюзы, а также власти тех районов, где находились курорты. Количество чиновников в этих организациях трудно определить, говорить о них как о неком гомогенном сообществе невозможно. Тем не менее, есть нечто объединяющее — чистки 1930-х гг. значительно изменили состав кадров и пополнили их ряды выдвиженцами, «новой советской интеллигенцией». Мы не можем привести статистику по профсоюзам и региональным Советам, однако в органах управления курортами она была впечатляющей. О том, насколько разрушительны были чистки, говорит замечание П. Вихрева, и. о. директора Союзкурорта в 1938 г.: «В настоящее время почти на всех курортах у нас новые директора. Старое руководство на курортах в большинстве случаев оказалось врагами народа»[14]. Упомянутое «старое руководство» было в большинстве своем из числа дореволюционной интеллигенции, получившей хорошее образование не только в российских, но и в европейских университетах. Новое руководство не всегда могло похвастаться подобным уровнем образования. Ярким примером тому служит вышеупомянутый П. Вихрев, стенограмма выступления которого свидетельствует о крайне низком уровне владения литературным языком, в отличие от формального.

Можно ли утверждать, что изменение образа курортного отдыха в 1930-х гг. связано с формированием нового советского «среднего класса»? Что он из себя представлял? Ш. Фицпатрик утверждает, что «новую со-

---

[13] С 1936 г. — Наркомздрав СССР, с 1946 г. — Министерство здравоохранения СССР.

[14] Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов Союзкурорта НКЗ СССР от 27 февраля 1938 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9228. Оп.1. Д. 23. Л. 25.

ветскую интеллигенцию» составляли не только выдвиженцы — выходцы из более низких социальных слоев, но и старая «буржуазная» интеллигенция. Именно последние транслировали культурные ценности, которые усваивались выдвиженцами. Концептуально важным для нас является замечание Ш. Фицпатрик, что «Большую сделку» не следует рассматривать как двустороннюю договоренность между режимом и новой элитой. Скорее, это была трехсторонняя сделка, в которой режим одобрял усилия выдвиженцев присвоить культуру старой буржуазной интеллигенции[15]. Также исследовательница отмечает, что представление о выдвиженцах как о «сынах рабочего класса» служило легитимации новой элиты и ее новых ценностей как продукта революции.

Новый класс, возникший в результате революции, казалось бы, должен наследовать революционные ценности. Последние должны были быть поддерживаемы и распространяемы с помощью идеологической риторики, активно использовавшейся советскими властями и прессой. Однако складывается впечатление, что принадлежность к определенному социальному статусу влечет за собой следование определенным ценностям вне зависимости от идеологической ситуации и происхождения.

Внимание к отдельным вопросам советской истории зачастую ставит больше вопросов, чем дает ответов. Исходя из вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, советские курорты вписывались в общемировую тенденцию, которая характеризовалась возникновением интереса к организации досуга рабочих в рамках борьбы за улучшение качества жизни. Так называемый «отказ от революционных ценностей» можно рассматривать как устранение препятствий на пути достижения этой цели. Возможно, следует отказаться от представления, что отдельные люди или сообщества могут влиять на культурные тренды. Наоборот, можно предположить, что культурные тенденции направляют движение людских потоков, их мыслей и поступков. Это, в свою очередь, в который раз ставит перед нами вопрос о специфичности советского опыта и говорит о необходимости вписывать каждый аспект советского прошлого в более широкий контекст, пытаясь избежать плена идеологических построений.

---

[15] *Fitzpatrick Sheila.* «Middle-class Values» and Soviet Life in the 1930s // Soviet Society and Culture. Essays in Honor of Vera S. Dunham. Westview Press., *1988*. P. 20–39.

Липянина Марина
Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории
слушатель, 1 курс

СОВЕТСКАЯ КАРИКАТУРА 1918–1920 гг.: ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТИПОВ

Изучая механизмы формирования образов «врагов» и «друзей» в советской прессе, ориентированной на крестьянство, необходимо обратить внимание на такой жанр, как газетная карикатура. Данная статья основана на материалах газеты «Беднота», на страницах которой в 1917–1920 гг. печатались многочисленные карикатуры, касающиеся различных аспектов жизни людей советской России. Именно в этот период формировались основные каноны советской карикатуры, которые, с небольшими изменениями, просуществовали на протяжении всего XX в.

Сатирический эффект карикатуры достигается благодаря гиперболизации каких-либо характерных черт объекта и противопоставлению двух социально поляризованных в структуре общества образов.

Газета «Беднота» издавалась с 1918 по 1934 г. в Москве и была ориентирована на крестьянство. Предполагалось, учитывая неграмотность значительных слоев крестьянства, что карикатура, помещавшаяся на страницах газеты вместе с текстом, который она иллюстрировала, позволяла повысить эффективность большевистской агитации среди крестьянства.

Газетная карикатура, размером 7×10 или 10×15 см, не требовала большого времени на свое создание, благодаря чему могла оперативно отражать быстро изменяющуюся политическую обстановку.

Первое, что обращает на себя внимание, — это внешний вид обезличенных представителей враждующих классов, которых можно условно разделить на «буржуев» и «пролетариев». К первым можно отнести следующие, обозначенные в подписях к карикатуре, социальные типы: помещик (барин), представитель буржуазии (буржуй) или просто зажиточный, кулак, мироед, спекулянт. Ко вторым — бедняк, крестьянин, мужик. Иногда их социальный статус обозначен через распространенное в крестьянской среде имя — Пахом, Демьян.

Изображения крестьян, лишенные подписей, можно разделить на два вида: зажиточные (они же кулаки, мироеды и спекулянты) и бедные крестьяне (они же мужики). Отражением социального статуса бедного кре-

стьянина являлась рубаха, как правило, косоворотка, с дырами или заплатками. Лапти или отсутствие всякой обуви на ногах считались признаком нужды в крестьянской среде, что и учитывалось авторами газетных карикатур «Бедноты»[1]. Рубаха, подпоясанная куском веревки, надета поверх портов, залатанных или оборванных по краю штанины[2]. Рваная или имеющая много закрытых заплатами дыр одежда, именовавшаяся в крестьянском обиходе «ветошью», должна была вызывать в читателях жалость при виде крайней степени нищеты и возмущение богатством находящегося рядом «буржуя»[3].

Характерная для всех изображений крестьян худоба, явно болезненного вида, однозначно трактовалась не как следствие естественного телосложения человека или болезни, а как результат хронического недоедания[4]. Физические параметры становились в этом случае характеристикой социального положения человека, маркером, позволявшим отнести его к «угнетаемому» классу. Точно так же полнота «буржуев» вообще и кулаков в частности являлась внешним, наряду с одеждой, отражением их богатства, нажитого неправедным путем — «мироедством».

На отождествлении в крестьянской и рабочей среде признаков сытого и здорового человека и материального богатства, играли авторы карикатуры «Налог на имущих»[5]. Здесь физическая полнота ассоциировалась с богатством, а изымание денежных средств с вытапливанием жира из богачей-толстяков.

Второй тип изображаемых на карикатурах крестьян — кулацкий. Основным атрибутом богатого крестьянина являются сапоги, в которые заправлены чистые порты без заплат и дыр[6]. В костюме зажиточного крестьянина нередко присутствует безрукавка[7] и галстук-бабочка[8] — это должно было подчеркнуть его близость к буржуазии.

В период военного коммунизма социальный водораздел в оценках прессы пролегал внутри крестьянского общества не между классами использующих и не использующих наемный труд, а между теми, у кого было что-либо для обмена и продажи на нелегальном рынке и теми, у кого это-

[1] Беднота. *1918*. 17 марта; 31 марта; 19 апреля.

[2] Там же. 17 марта; 19 апреля.

[3] Там же. 19 апреля.

[4] Там же. 31 марта.

[5] Там же. 25 апреля.

[6] Там же. 27 апреля.

[7] Там же. 10 апреля; 27 апреля.

[8] Там же. 27 апреля.

го не было. Для обозначения человека, занимающегося обменом и продажей, использовался повсеместно распространившийся термин «спекулянт». Этот типаж также относился к «кулацкому элементу». Слово «спекулянт» имело в крестьянской среде явные коннотации со словом «дармоед», «нахлебник» и являлось определением человека, зарабатывавшего на перепродаже чужого труда, что, в свою очередь, должно было предопределить негативное отношение к нему читателей. Попытка оправдать свои поступки, свой ненасытный аппетит противопоставлялась чувству «праведного» гнева, вызванного «неправедным» обогащением «спекулянта», что и создавало сатирический эффект[9].

В карикатурах отражением крестьянского происхождения и бедняков, и «кулаков» являлась рубаха-косоворотка и прическа «под горшок». Однако у первых голова не покрыта[10], тогда как вторые «носили» картуз или фуражку[11], которые должны были подчеркивать их близость к «барской» культуре.

Встречающиеся (довольно редко) среди крестьянских изображений женские образы показывают их принадлежность к «бедняцкой» среде. Женщины, так же как и мужчины, изображались в «бедной» одежде и с явными признаками недоедания[12]. Часто крестьянка изображалась с рахитичным ребенком на руках рядом с контрастирующим с ней по «упитанности» кулаком. Необходимо, однако, отметить, что контрастные изображения «толстых» и «тонких» мужчин встречаются на страницах газеты «Беднота» гораздо чаще, чем женские образы.

Четкое разделение крестьянского населения на две различных по социальным и экономическим признакам группы красноречиво свидетельствует о навязывании дуалистического деления мира на «своих» (классово близких) и «чужих» (классово чуждых). Причем критерий разделения проходит не по линии использования наемных рабочих (батраков) в хозяйстве, что позволяет причислить персонажа к «буржуазным элементам», а по количеству материальных благ — «зажиточности». Согласно веками складывавшемуся крестьянскому миропониманию, чем более «зажиточным» было крестьянское хозяйство, тем более лояльным было отношение к нему власти. Однако политика большевиков по отношению к крестьянству, нашедшая свое отражение в исследуемом нами материале, подрывала сложившиеся механизмы взаимодействия крестьянства и власти.

---

[9] Беднота. *1918*. 10 апреля.

[10] Там же. 31 марта.

[11] Там же. 10 апреля.

[12] Там же. 21 апреля.

Внешними признаками «буржуазных элементов» являлись детали европейского костюма (брюки, пиджак или фрак, жилет, галстук, соломенная шляпа или цилиндр), которые должны были вызывать у крестьян негативные ассоциации с недавними их хозяевами — «барами». «Обуты» они в щегольские лаковые ботинки или туфли, которые, как и все прочие элементы одежды, являлись еще одним веским доказательством их неприспособленности к физическому труду. Костюм в первую очередь подчеркивал «нахлебнический», «иждивенческий» характер их жизни. Об этом же свидетельствует и толстое брюшко, которым «снабжен» каждый «буржуй».

Начиная с 1919 г. карикатура, отражающая события внешней политики советского государства, приобретает особое значение. Очень часто карикатуры снабжались подписями в виде пословиц и поговорок: «любишь кататься, люби и саночки возить»[13], «видит око, да зуб неймет»[14], «когда у нас льется пот, у наших врагов льются слезы отчаяния»[15]. Крестьянское мышление, обладая известной образностью, легче воспринимало овеществленные образы абстрактных понятий: «угнетение» передается через буквальное сидение на шее[16]; «принудительная конфискация» — через образ буквального выжимания соков[17]; «упадок белого движения» — через старческую дряхлость белых генералов[18]; необходимость экономической модернизации — через болезнь и лекарство[19].

В подавляющем большинстве карикатур внимание акцентировано на физическом состоянии людей, причем акцент делался на противопоставление богатого толстяка и бедного тощего человека. Аллегория «толстого и тонкого» была наиболее действенна для агитации в крестьянском обществе. Образный ряд, использовавшийся в карикатуре, был прост для понимания и имел однозначное толкование. Следует отметить, однако, невысокое качество исполнения изображений: нет четкой прорисовки деталей, отсутствует творческая заостренность карикатурных черт, фигуры главных действующих лиц статичны. Кроме этого, бросается в глаза шаблонность сцен и крайне скудный набор тем, повторявшихся из номера в номер.

---

[13] Там же. 31 марта.

[14] Там же. 2 июля.

[15] Там же. *1920*. 3 июля.

[16] Там же. *1918*. 17 марта.

[17] Там же. *1919*. 16 августа.

[18] Там же. *1920*. 22 февраля.

[19] Там же. *1920*. 16 июня.

На основе проведенного в данной статье анализа советской карикатуры и выявления механизмов создания типажей представителей «эксплуатируемых» и «эксплуататорских» классов, а также проведения детальной расшифровки семантической нагрузки этих образов, можно сделать вывод о стремлении властей навязать читателям представление о поляризованном обществе, расколотом по имущественному и социальному признакам. Через газету «Беднота», ориентированную на крестьянство, большевики стремились навязать отрицательный образ представителя класса-антагониста, возложив на него вину за голод и разруху в период революции и гражданской войны. Таким образом, власти обосновывали правомерность насилия по отношению к «классово чуждым» членам российского общества постоянными напоминаниями о притеснениях, которые терпели крестьяне в дореволюционной России, и противопоставлением порядков «старого» и «нового» общества.

Резник Александр
Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории
слушатель, 1 курс

«ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ»? ТИПЫ И КОНФИГУРАЦИИ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ 1923 г.

Политическая фракционная борьба, развернувшаяся внутри РКП(б) в октябре 1923 г.[1], будучи одним из важнейших процессов эволюции коммунистического проекта, нашла отражение во всех «больших нарративах» о марксизме, коммунизме, троцкизме, сталинизме и СССР[2]. При этом одна из сторон противостояния — Левая оппозиция — остается менее изученной: первые шаги по ее научной конкретизации и переосмыслению были сделаны лишь с рассекречиванием архивов[3]. По мере накопления новых знаний об оппозиции, разрушаются старые мифы и клише («троцкистская», «фракционная», «мелкобуржуазная», «контрреволюционная» и т.д.), которые чрезмерно упрощали это сложное явление[4].

---

[1] См.: РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., *2004*

[2] См. например: *Дойчер И.* Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М., *2006*; *Карр Э.Х.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М., *1989*; *Daniels R.V.* Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Harvard University Press, *1960*; *Fitzpatrick S.* The Russian Revolution. Oxford University Press, *1994*; *Kenez P.* A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge University Press, *2006*; *Priestland D.* Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power, and terror in inter-war Russia. Oxford University Press, *2007*; *Siegelbaum L.H.* Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929. Cambridge University Press, *1992*.

[3] См., например: *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию? 1919–1924 гг. Новосибирск, *1992*; *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., *2008*; *Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, *2000*; *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies 44(1). *1992*. P. 137–152; *Murphy K.J.* Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. Berghahn Books, *2005*; *Halfin I.* Intimate enemies. Demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928. University of Pittsburgh Press, *2007*.

[4] См., например: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., *1970*.

Если Левая оппозиция — это не везде и не всегда «троцкизм», то что это? Наличная база источников позволяет определить типы и конфигурации, «сконструировать» модели локальных оппозиций и приблизиться к пониманию всего феномена. Не отрицая значимости конкретных и «индивидуальных» институтов и людей, этот подход помогает систематизировать знания для дальнейших исследований.

В фокусе хронологический отрезок с ноября 1923 по январь 1924 г. Тогда в партийных организациях проходили дискуссионные собрания, на которых сначала (с ноября) обсуждались вопросы «штиля» внутрипартийной жизни и «бюрократизма», поднятые Г.Е. Зиновьевым в статье «Новые задачи партии», а затем, с появлением резолюции ЦК и ЦКК «О партстроительстве» от 5 декабря, дебатировался переход к «внутрипартийной демократии». Группы партийцев (в основном в центре), которые еще в октябре ознакомились с оппозиционными заявлениями Л.Д. Троцкого и «группы 46-ти», теперь получили возможность открыто критиковать политику правящего большинства (в том числе в печати) и завоевывать голоса на выборах. Они вынужденно свернули открытую деятельность, получив меньшинство мандатов на конференцию РКП(б) 16–18 января, объявившую оппозицию «мелкобуржуазным уклоном».

Основная типологизация формируется на основании сходств и различий по 1) социально-профессиональной принадлежности, 2) степени радикализма (насколько глубокими представлялись «корни» разногласий с оппонентами).

Учитывая неоднородность гигантской партии, к отдельному типу может быть отнесена группа авторитетных партийных деятелей и/или работников, лидеров по объективным и субъективным основаниям. Их статус вербализировался в позитивной коннотации: «ответственный работник», «старая гвардия» и т.д.; в негативной: «аппаратчик». Большинство оппозиционеров этого типа не занимали руководящих должностей в партийных аппаратах, но обладали символическим капиталом (например, «герой гражданской войны», «соратник Ленина»).

Группа «рабочих» или фабрично-заводских трудящихся выделяется по классовому и символическому признаку. Учитывая дефицит партийных кадров, выдающиеся рабочие («от станка») перманентно депролетаризировались, становясь профессиональными «аппаратчиками», студентами, советскими служащими или военными, но классовое происхождение было важным фактором в достижении целей. Таким был секретарь Вятского губкома и оппозиционер М.И. Миньков[5].

---

[5] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17.

В системе политических отношений «советские служащие», чиновники, были одной из наиболее дискриминируемых групп, так как партийный билет не предохранял от обвинений в «бюрократизме» и «буржуазности». Отсутствие необходимого рабоче-крестьянского или «революционного» бэкграунда характеризует «чистый» тип совслужащего.

Студенты были близки служащим по месту в символическом пространстве большевистской политики. Несмотря на лояльное отношение к власти вообще, открывшей возможности социального лифта, студенты рефлексировали по поводу своей низкой обеспеченности, и будучи «по службе» политизированными, были антагонистичны «бюрократам» и «аппаратчикам», которые могли обладать меньшей степенью революционной легитимности[6].

Военнослужащие, за ярким исключением политруководства (особенно в Москве), довольно редко нарушали «дисциплину» и вставали на сторону оппозиции: отдельные случаи известны по Смоленску, Самаре, Орлу, Ярославлю, Грозному. Это объясняется как армейскими традициями подчинения, так и преимущественно крестьянским, менее сознательным, составом военнослужащих. Смешанный тип иллюстрируется примером Вологды, где «главным очагом оппозиции являлись учебные ячейки, как гражданские так и военные, руководимые слушателями военной академии, приехавшими на каникулы»[7].

Степень оппозиционного радикализма ранжируется традиционно: от ультрарадикализма до умеренности. Но границы были подвижны, и со временем эти крайности пересекут границы будущей (действительно «троцкистской») оппозиции 1925–1927 (1936) гг.: «радикалы» решат строить новую партию, а «умеренные» станут ренегатами.

Ультрарадикалы либо были связаны, либо ассоциировались с «сапроновцами» (реже с «рабочей оппозицией» А.Г. Шляпникова). Т.В. Сапронов в 1920–1921 гг. возглавлял легальную фракцию «демократический централизм». Децисты критиковали «бюрократический централизм», единоначалие на предприятиях и «авторитаризм» партии в советах, но, подчиняясь дисциплине на X съезде, голосовали за запрет фракционной деятельности. В исследуемый период они не противопоставляли себя другим участникам оппозиции, но часто выражали ее взгляды наиболее

Оп. 11. Д. 284. Л. 133, 134–136; РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы… С. 113–115.

[6] См.: Резолюция студентов Коммунистического университета в Москве. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 207. Л. 77–77 об.

[7] Там же. Д. 284. Л. 88.

резко. Например, как сообщало Дальбюро ЦК, в Хабаровске «состав уездной конференции с Сапроновским настроением»[8]. Нередко именно данный тип использовался сторонниками ЦК в роли жупела.

Несмотря на то, что Е.А. Преображенский не противопоставлял своих взглядов взглядам Троцкого, тип оппозиционности, связанный с его именем, может быть назван чисто радикальным. Активная деятельность Преображенского в Москве нашла отражение в сатирическом журнале «Крокодил»: карикатура «Преображенский полк» изображала оппозиционеров, марширующих под резолюции.

Первые два типа родственны. Так, в ячейке Грозненского отдела Коммунального хозяйства дебатировалась резолюция с требованием «широкой рабочей демократии выдвигаемой Сапроновым и Преображенским»[9].

Умеренный радикализм иллюстрируется образом Л.Д. Троцкого. С одной стороны, именно с его октябрьских писем началась фаза открытого конфликта, а тезисы брошюры «Новый курс» вызывали ожесточенную критику его противников, с другой — сам Троцкий, по ряду причин, не принимал участия в дискуссиях, что, вне зависимости от истинных причин, могло трактоваться как допустимый стиль внутрипартийной борьбы. Как отметил один Грозненский оппозиционер, Троцкий «находчивый человек, не стал высказываться до конца, боясь раскола партии»[10].

Умеренные оппозиционеры представляли собой колеблющихся, конформистских или прагматически настроенных партийцев. Одни могли просто неверно оценить расстановки сил, подстраиваясь под мейнстрим при первой же возможности, другие, принципиальные сторонники оппозиции, капитулировали, подчиняясь давлению своих оппонентов[11]. К данному типу относятся два известных примера оппозиционности бюро губернских комитетов — Новгородского[12] и Симбирского[13]: в обоих случаях борьба не была продолжительной.

---

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 6.

[9] Там же. Д. 207. Л. 45–46.

[10] Там же. Л. 46.

[11] «…часть товарищей искренне отказалась от своих ложных мнений, а другая часть будучи разбита замкнулась в себя», — писал о ситуации в Харбине партфункционер (Там же. Л. 1–1 об.).

[12] Там же. Д. 284. Л. 88.

[13] См.: *Лютов Л.Н.* Партия правящей бюрократии в начале нэпа. Провинция. Ульяновск, *2004*.

Учитывая нехватку источников и case-study, осложняющую реконструкцию оппозиционных проявлений в большинстве городов, можно предложить следующие конфигурации типов.

Конфигурация, включавшая в себя все типы социально-профессионального родства, предположительно, была представлена только Москвой. Это была наиболее успешная конфигурация. В столице были сконцентрированы оппозиционеры всех типов. Под воздействием активной деятельности партработников, выступавших на собраниях ячеек всех других типов, совокупная итоговая поддержка оппозиции достигла 36–40 %, ее сторонники получили большинство в одном из районных комитетов партии.

Конфигурация оппозиции Симбирска также представлена всеми типами (данные об участии военных отсутствуют), но на первый, «активный», период и с поправкой на «бюрократический» статус партийных лидеров. Близок к ней случай Вятки, партсекретарь которой добился поддержки рабочих и служащих (данных об участии/неучастии студентов и военных нет). Если симбирская оппозиция была скорее умеренной, то вяткинская — на порядок радикальнее (ее секретарь защищал оппозицию на январской партконференции).

Челябинская парторганизация в целом своим (ультра)радикализмом превзошла все остальные организации по продолжительности противостояния. Устойчивый союз лидеров, рабочих и служащих пошатнулся лишь с началом активного давления со стороны Уралобкома и делегированием из ЦК А.В. Луначарского.

В Омске на одном из районных собраний смешанная ячейка военно-политической школы и водников (студенческо-рабочая) добилась принятия умеренно-радикальной оппозиционной резолюции, что было мало вероятно без хотя бы частичной поддержки других типов.

Следствием оппозиционного решения совещания ответственных работников Иркутска стало принятие в одном из районов оппозиционной резолюции (по докладу прокурора, умеренно-радикальных взглядов).

Во Владивостоке совещание членов бюро проголосовало против своего партначальства. Но оппозиционеры получили поддержку лишь 3 производственных и 11 ячеек служащих (за ЦК голосовали 13 и 15 соответственно). Дальбюро ЦК показалось характерным, «что вокруг лидера оппозиции т. Иванова группировались преимущественно молодые партийцы, значительное число хозяйственников и администраторов, особенно тех, на которых имеются дела в КК за те или иные проступки»[14]. Данная конфигурация ослаблена «бюрократическим» элементом.

---

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 6–7.

Петроград продемонстрировал уверенную поддержку оппозиции лишь со стороны студенчества, хотя и всех степеней радикализма. Отдельные случаи агитации за оппозицию со стороны студентов, возвращавшихся на рождественские каникулы, происходили в провинциальных городах.

В Перми, согласно проведенному case-study, оппозиция, изначально возглавлявшаяся руководителями агитпропа (не имевшими достаточного символического капитала), получила поддержку части партийно-советских руководителей и целой кустовой организации, но, по ряду причин потеряв ее, в решающий момент не смогла или не захотела опереться на рабочих и служащих. Следствием умеренности стала потеря значения низовой поддержки оппозиции[15].

Таким образом, даже выделенные частные и условные модели оппозиций позволяют сделать вывод о недопустимости смешения всех «оппозиционных» выступлений в ходе внутрипартийной дискуссии, во-первых, с организованной («фракционной») деятельностью, осуществляемой, как правило, партийными лидерами, и во-вторых, с целерациональной и/или принципиальной поддержкой тезисов лидеров оппозиции. Отсюда вытекает гипотеза о том, что Левая оппозиция вообще — это явление диалектического взаимовлияния двух классов оппозиционеров: действительных и мнимых. В политико-идеологическом аспекте, особенно на начальном этапе, это отношение центра и периферии, ведущих и ведомых. По мере пространственного углубления и политического развития внутрипартийной борьбы усложнялись информационные и организационные «сети» оппозиций. Например, помимо публикаций Троцкого и других, протекала информация о собраниях, прошедших в соседних городах, которая не могла не отливаться в те или иные формы особенной оппозиционности. Количественно превалировавшие мнимые оппозиционеры могли быть маскирующимися или приписываемыми, но они конструировали свои модели оппозиционности. Путавшиеся в подобных «сетях» реципиенты служили легкой добычей для сторонников большинства ЦК, успешно сыгравших на противопоставлении «фракционной угрозе» лозунга «единства партии».

---

[15] *Резник А.В.* Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 гг. М., *2010*.

Саврас Наталья
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
философский факультет
магистрант, 1 курс

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО»

Цель данной работы — продемонстрировать динамику конструирования «советского детства». В качестве репрезентативного материала в работе анализируются советские детские киносказки. Сказка генетически восходит к феномену «детства»: детства человека, детства человечества, к детскому мифологическому мировосприятию и мышлению[1]. Сказка заключает в своей структуре процесс перехода из детского состояния во взрослое, а феномен детства невозможно рассматривать вне процедур взросления.

Специфика советской цивилизации сегодня интерпретируется в контексте процессов модернизации. А. Вишневский в книге «Серп и рубль»[2] приводит данные, указывающие на то, что на территории бывшей Российской империи происходят изменения в сфере демографии и семейно-родственных отношений. В связи с индустриализацией, многопоколенная крестьянская семья распадается, заменяется городской нуклеарной семьей[3] — дети больше не живут с родителями, а создают свою малую семью. Таким образом, происходит эмансипация детей и пожилых людей, увеличивается доля личной ответственности, человек перестает быть «для семьи», скорее семья становится «для человека». Но ход советской модернизации отличался от хода западной. Если на Западе распад традиционной семьи происходил медленно, в течение веков, то в советской России этот процесс произошел мгновенно и завершился не обособлением малой семьи, а новым типом обобществления и устранения личного.

Демографические и культурные изменения, связанные с модернизацией всех сфер жизни, продуцируют и принципиально новую модель детства. Американская исследовательница М. Мид в своей работе «Культура

---

[1] *Пропп В.* Морфология сказки. Л., *1928*.

[2] *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в России // [Электронный ресурс] режим доступа: http://ist.p16q48.firstvds.ru/serprubl/

[3] *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в России. С. 137. Дата обращения: 20. 02 2010.

и мир детства»[4] выделяет две качественные модели детства в истории человечества.

Первая модель есть процесс постепенного врастания ребенка во взрослую культуру. Эта модель характеризует в основном первобытные и традиционные общества. В такой модели дети — это «взрослые маленького роста». Детство не обособлено, с малых лет ребенок выполняет посильную работу, отсутствуют институты социализации. Ребенок не привязан к родителям. Так как нет «провала» между детской и взрослой жизнью, нет и проблемы выбора своего пути у ребенка.

Вторая модель распространена в модернизированных обществах (Мид описывает ее на примере современной ей Америки). Она характеризуется автономностью детства по отношению к «взрослой жизни». Детство есть важный этап в жизни каждого человека, который отличается от «взрослого состояния» малой долей ответственности. Ребенок обречен на «игровые отношения» с миром до тех пор, пока не пройдет всех этапов социализации и не получит равные со взрослым права. Основное право, которое получает ребенок по достижении старшего возраста, — это право на выбор, именно с ним ему сложнее всего справиться. По достижении «взрослого» возраста ребенок оказывается выброшенным в мир и лишенным опоры в лице родителей.

При обычном ходе модернизации детство, как утверждает Мид, обособляется от мира взрослых — на замену первой модели приходит вторая. Но так как модернизация в Советском Союзе проходила иначе, чем на Западе, то и детство получило другой статус. Многие исследователи отмечают «инфантилизацию» тех или иных сфер жизни советского общества. Причиной этого послужили исторические обстоятельства: война, революция, которые привели к тому, что «арену исторической жизни заполнили “голые люди”»[5]. Это люди, потерявшие жизненный опыт прошлых поколений и четкие ценностные ориентиры. Культурный антрополог Н. Козлова[6] указывает на объективную причину инфантилизации: после войн и в связи с демографическими изменениями существенно возросла доля молодежи — социальной группы, чьей спецификой является отсутствие социального и исторического опыта, пластичность восприятия. Следовательно, как утверждает Козлова, произошло упрощение со-

---

[4] *Мид М.* Культура и мир детства. М., *1988*.

[5] *Круглова Т.* Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, *2005*. С. 90.

[6] *Козлова Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., *1996*.

циальных структур. А упрощение есть регресс, возвращение к детскому инфантильному состоянию.

Модернизация общества в форме коллективизации и создание «общин» (колхозы, коммунальные квартиры) приводит не к обособлению личности, а к ее растворению среди других, как это было в традиционной общине, но на новом уровне — уровне «большой» некровной семьи, где отношения регулируются административными предписаниями. Человек отрывается от кровной семьи, становится символическим «сиротой», а впоследствии получает «усыновление» и становится членом «большой семьи». «Наступает своего рода регрессия: жизнь отступает на один шаг, что выражается в росте инфантилизации, страна “впадает в детство”»[7]. Человек-ребенок — характерный антропологический тип тоталитарных культур. Он как бы не до конца человек: «Людям потому и следует быть незавершенными, неготовыми, чтобы их можно было лепить, ваять, перековывать, используя их детскую пластичность»[8]. Ему еще только следует стать человеком.

Такого «недочеловека», приемного сына «большой семьи», мы находим, например, в киносказке Александра Птушко «Золотой ключик». Эта сказка дает футуристически ориентированную модель советского детства: когда все Карабасы получат по носу, тогда мы и сможем попасть в «прекрасное далёко». Образ трикстера (Буратино) перекликается с образом сироты. Буратино является олицетворением доисторического для советского государства этапа. Он еще несознательное существо и не является членом какого-либо общества, но при этом, в силу своей неиспорченности буржуазной моралью, своей естественности, он обладает положительной стихийностью и нуждается в опеке. Несмотря на то, что Буратино так и остался «квазифольклорным героем-дурачком, не имеющим психологического или серьезного идеологического измерения»[9], ему в светлом советском будущем обязательно предстоит стать «умненьким и благоразумненьким» и пойти в настоящую советскую школу, где азбук хватает на всех и бесплатно. Буратино вместе с другими куклами принимается в «большую советскую семью», «усыновляется». Папа Карло, который грезит о «далекой стране», так же вступает в «большую семью» как и его «маленький взрослый» сын. В «детях»-куклах нет ничего плохого, они

---

[7] *Круглова Т.* Советская художественность... С. 90.

[8] Там же. С. 125.

[9] *Прохоров А.* Три Буратино: Эволюция советского киногероя // Веселые человечки: культурные герои советского детства // Новое Литературное Обозрение. *2008*. С. 158.

являются жертвами буржуазных порядков, а значит, имеют право на счастье в лучшем из миров — коммунистическом будущем.

Это «сиротское» детство в 50-е — 60-е гг. сменилось другой моделью — «аутентичным детством». В годы хрущевской оттепели на первый план выходит новый герой: он выращен на социалистических идеалах, он более самостоятелен и способен сам при необходимостьи совершить выбор в пользу коммунистических ценностей. В советском сказочном кинематографе появляется новый герой — это пионер, «маленький коммунист» (=«маленький взрослый»), способный собственноручно расправиться со сказочным (да и не только сказочным) «вредителем».

«Аутентичное советское детство» наиболее ярко выражено в следующих киносказках: «Старик Хоттабыч» (1956, Л. Лагин), «Новые похождения Кота в сапогах» (1957, А. Роу), «Королевство кривых зеркал» (1964, А. Роу), «Сказка о потерянном времени» (1964, А. Птушко).

Главные герои-пионеры не знают другой жизни, кроме советской, — они рождены в обществе социализма. Их друзья-помощники — трикстеры, и они, как и Буратино Птушко, соотносимы с доисторическим, досознательным этапом. Но именно эти трикстеры, выступая в качестве «зеркал», способствуют становлению сознательности главных героев. Дети из «аутентичного советского детства» не нуждаются в подсказках взрослых, так как всю советскую систему ценностей впитали с малых лет. В процессе сказочной инициации (перехода-взросления) они приобретают «сознательность» и становятся равными взрослым, «врастают» в их мир. Эта модель аналогична первой модели детства М. Мид.

В конце 60-х — начале 70-х — в годы, именуемые эпохой «застоя», модель советского детства претерпевает некоторые качественные изменения. Эти изменения связаны и с социально-экономической ситуацией, и с политикой, и с техническим прогрессом. Так, Марина Балина пишет о пришествии телевидения в каждый дом. «Относительная экономическая стабильность 1970-х гг. обогатила почти каждый дом страны телевизором, так что массовый телезритель чувствовал себя одновременно и человеком приватным»[10]. Юный зритель теперь гораздо меньше посещает кинотеатры, появилось большое количество продукции для телевизионного просмотра: многочисленные музыкальные киносказки, мультфильмы — часто многосерийные (от 2-х до нескольких серий).

Конец 60-х — начало 70-х гг. ознаменовались усталостью массового человека от власти. Эта усталость, общее относительное благополучие, наличие отдельных, а не коммунальных квартир, приватность детского

[10] *Балина М.* 1970-е: из опыта буратинологии // Неприкосновенный запас. *2007*. № 3.

мира в итоге привели к смене модели детства и взросления: «Часть интеллигенции, пишет К. Келли, стала видеть в детстве метафору “нежелательного состояния пассивности и приспосабливаемости”. Интерпретируемое таким образом, детство “превратилось в аллегорию подчиненного состояния взрослых советских граждан, постоянно покровительствуемых и обманываемых их воспитателями”»[11]. Это изменение можно проследить по телепродукции для детей — серийным мультфильмам (о Малыше и Карлсоне, о Винни Пухе, о Чебурашке и т.д.), двухсерийным телемюзиклам («Буратино», «Про Красную Шапочку» и т.д.).

На примере перечисленных выше мультфильмов мы можем наблюдать картину «безвыходного детства». Никакой инициации не происходит. Дети ищут способ «раскрасить» реальность, а наставники не справляются со своими функциями. Они, скорее всего, испытывают удовлетворение от подчиненного положения ребенка. Происходит «отдаление сына от отца», разрыв связи поколений. Теперь больше нет модели детства, в которой дети — это «маленькие взрослые». На ее место заступает модель «автономного детства», при которой детский мир отделен от взрослого, изолирован, а ребенок стремится навсегда остаться в мире детства («маленький взрослый» Карлсон, маргинал Крокодил Гена). Инициация становится не нужной: «…автономная версия детства условиями выхода из этого состояния интересовалась мало»[12]. Выход из детского состояния становился травмой, ожидался со страхом. Отсюда — песни-плачи о расставании с детством («Голубой вагон», «Веселые качели», «Прекрасное далёко»).

Киносказка Л. Нечаева «Приключения Буратино» (1972 г.) демонстрирует нам всё ту же модель «автономного детства», в которой дети развлекаются, не слушаются взрослых, обманывают их, а за их проделки не следует никакого наказания. Наставники этим детям не нужны, да они и не способны направить детей на путь истинный. Финал фильма указывает всё на ту же идею о замкнутости детского пространства, замкнутости сказки на себе. «Чудеса» локализуются «там», в сказке. Ребятам не предлагается последовать за Буратино, а Буратино не стремится в советский мир. Советская действительность сама по себе больше не несет ценностной доминанты: коробки, на которых написаны советские лозунги, пусты.

Вот она — модель «автономного детства», вторая модель по М. Мид. Однако она не совсем похожа на западное «автономное детство». Западная

---

[11] *Прохоров А.* Три Буратино: Эволюция советского киногероя... С. 172.

[12] *Ушакин С.* «Мы в город изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков // Веселые человечки: культурные герои советского детства. М., *2008*. С. 15.

модель предполагает преодоление замкнутости путем травматичного, но всё-таки выхода из детского состояния. В эпоху советского «застоя» выходить из детства никто не хочет, да и не может.

Однако в этой ситуации постепенного гниения советский киноэкран дает еще одну парадоксальную версию детства. На экране появляется новый герой-ребенок. Он, как и «игрушечные» герои автономного детства, аутсайдер, маргинал, не-член общества, но он первый, кто бросает этому обществу решительный вызов. Речь идет о «Рыжем, честном, влюбленном» лисенке Людвиге — герое киносказки Л. Нечаева. В этом фильме выворачивается наизнанку и рушится сказочный канон. Герой больше не подчиняется никакой системе, все его действия определяет исключительно его воля. Это и не «маленький взрослый», и не ребенок, запертый в своем детстве. Это динамично развивающийся герой: в начале сказки он наивен и не уверен в своих идеях, но в течение повествования он на собственном опыте убеждается в истинности своих убеждений. Он совершает переход из детского состояния во взрослое. Этот переход болезнен, но он совершается. Герой не остается в том или этом мире. Он вместе с девочкой «оттуда» намерен построить собственное настоящее, в котором «Да здравствует правда во веки веков, а плуты достойны одних тумаков!». Честный Людвиг противостоит плуту Буратино из фильма 70-х: эта парадигма тоже разрушена.

Таким образом, на материале киносказок нам удалось построить четыре модели советского детства:

Первая модель — «ребенок-сирота», который должен быть усыновлен «отцом» и принят в «большую семью». Детский мир в такой модели — мир досоветский, «доисторический», а взрослый мир — мир советских ценностей.

Вторая модель — модель «аутентичного детства». Она олицетворяет собой расцвет советской системы. Ребенок в такой системе счастлив, что является членом «большой семьи», он растет, развивается и постепенно врастает во взрослый мир. Этот ребенок не ущербен (не сирота, не трикстер, не маргинал), советский мир добр к нему, а он, в свою очередь, имеет силы и потенциал, чтобы разрушать «несоветские» миры.

Третья модель — модель «автономного детства». В этой модели между миром взрослых и миром детей непроницаемая стена. Дети не хотят быть взрослыми. Детский мир замкнут и герметичен.

Четвертая модель — это модель выхода из «автономного детства». Она дает нового героя-ребенка — героя, который развивается и совершает переход во взрослый мир. Переход этот труден, но ребенок уже способен взять на себя ответственность за свои поступки. Он больше не играет. Это последняя модель детства, которую дает советская культура.

Сухарев Анатолий
Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук
4 курс

«ПРОФЕССИЯ» ДЕПУТАТА ГОРОДСКОГО СОВЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.: СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Большинство исследований, посвященных проблеме общества и власти в советскую эпоху, содержат в себе анализ мероприятий, проводимых сверху и отношения к ним населения. При этом многие немаловажные, на наш взгляд, аспекты остались в них без внимания. В центре данного исследования — депутаты городского Совета. На наш взгляд, изучение их положения в социуме, условий их жизни поможет лучше понять существовавшие тогда проблемы общества и власти.

Новизна исследования состоит в том, что ранее изучение подобных тем носило в основном поверхностный характер. В советское время акцент делался на непосредственной деятельности местных органов власти, и хотя весьма подробно и обстоятельно освещались многие вопросы, но недостаточное внимание уделялось организации работы и социальному положению депутатов. Народный характер власти постоянно подчеркивался, и при этом исследования зачастую останавливались на констатации присутствия в местных органах власти рабочих и крестьян, подсчете их количества. При этом не принималось во внимание немаловажное обстоятельство: многие лица, записанные в соответствующих анкетах как «рабочие» или «крестьяне», на самом деле отмечали не нынешнее социальное положение, а свое происхождение. Часто такие «рабочие» могли уже несколько лет работать в советских, профессиональных и других структурах (например, исполкоме, совете профсоюза и т. д.), иногда занимать руководящие должности. Соответственно, эти люди уже не могли считаться представителями пролетариата, а значит, в той же мере, что и раньше, быть выразителями его воли. В постсоветской же историографии применение новых подходов пока нашло себя прежде всего для исследования дореволюционных органов власти. Для нашего исследования эти работы малоприменимы, поскольку несут в себе другую специфику.

Основными источниками, использованными для данной работы, являются разнообразные архивные документы, позволяющие узнать положение

и образ жизни депутатов, — анкеты, списки членов и кандидатов Совета, их статьи в местной прессе. Косвенную информацию об условиях их работы и жизнедеятельности можно получить из протоколов пленума, президиума и заседаний секций Совета (рабочих групп, разделенных по сфере деятельности). Они же дают возможность узнать о мировоззрении, образованности и характере мысли депутатов, исходя из их выступлений.

Депутаты являлись изменчивым социальным слоем, так как Совет ежегодно переизбирался и на второй срок оставалось лишь около 40 % состава. Частое обновление состава должно было укрепить связь Совета с широкими народными массами. В то же время это был единственный городской орган власти, который формировался на основе прямого избирательного права. Это позволяет говорить о городских Советах как выразителях народной воли, но с рядом оговорок — партия большевиков, имея значительные возможности для контроля за ходом выборов (составление выборных списков, практически сложившаяся монополия на пропаганду и агитацию), руководя ими через исполкомы, в конечном итоге создавала орган власти, удобный для себя. Также существовала группа лиц, лишенных избирательных прав, согласно Конституции РСФСР 1918 г., но их количество было невелико. Например, в Тюмени в 1924 г. их было 529 человек, или 1,8 % от общей численности избирателей[1].

Выборы в Совет проводились на собраниях профсоюзов, воинских частей и остального населения, поделенного на «городские районы», без имущественного, полового и других цензов для граждан, достигших 18-летия. Характерной чертой советской политической системы было то, что каждая из этих избирательных групп выставляла списки кандидатов из своего состава. Таким образом, каждый депутат представлял «своих» выборщиков, перед которыми был обязан отчитываться и которые могли отозвать его.

Имеющиеся архивные документы позволяют довольно подробно охарактеризовать, представителями каких социальных слоев были депутаты Горсовета. Значительную часть депутатов Тюменского Совета (около 25 %) представляла молодежь в возрасте от 18 до 25 лет. Депутатов старше 40 лет в 1921 г. было избрано 8 %, в последующие годы — около 13 %, а случаи избрания лиц в возрасте старше 60 лет были единичны. Всего на возрастную группу от 18 до 40 лет, которая в общей массе населения города составляла лишь 34 %, приходилось от 80 до 92 % депутатов[2]. Средний возраст депутатов в 1922 г. составил 30 лет, а в 1923 г. — 32,5 года. Значительная роль молодежи в деятельности городского Совета объ-

---

[1] Государственный Архив Тюменской Области (ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

[2] ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 335. Л. 213.

ясняется большей политической и деловой активностью этой категории населения в условиях достаточно свободного доступа ко власти.

В 1920-е гг. более 90 % населения Тюмени составляли русские[3]. Количество депутатов-«великороссов» в целом отражало это положение, и колебалось в пределах 89–95 %[4]. Среди представителей других национальностей, в разное время представленных в Совете, — поляки, евреи, латыши, украинцы, татары, немцы, вотяки (удмурты).

Социальный состав (фактически — происхождение) представлен в таблице[5]:

Год\социальная группа	рабочие	служащие	красноармейцы	крестьяне	прочие
1921	45 %	41 %	13 %	-	-
1922	61 %	26 %	5 %	2 %	6 %
1923	63 %	31 %	1 %	1 %	4 %
1924	64 %	33 %	1 %	-	1 %

Проведенный нами анализ позволяет составить представление о том, насколько эти цифры соответствовали действительности. Точно установить, кем работали все депутаты, довольно сложно, так как об этом сохранилось недостаточно свидетельств. Род их деятельности был нами установлен по материалам, содержащимся в списке депутатов 1923 г. (для примера) и указывающим на место работы. Согласно этим подсчетам, фабрично-заводские рабочие (к ним отнесены работники электростанции, судоверфей, спичечной фабрики «Пламя», заводов «Механик» (чугунолитейный) и «Угольник») составляли 18 % депутатов, рабочие сферы легкой промышленности (кожевники, печник-кустарь) — 5 %, сферы транспорта (речного, гужевого и железнодорожного) — 16 %, а также 1 работник мельницы. Таким образом, доля граждан, которых можно отнести к пролетариям, составляет 40 %. Как видно, разница с официальными данными 23 %. Служащих и интеллигенции было 15 %, военных 1 %; у 8 % род деятельности неизвестен. На долю же советских, партийных, профсоюзных и судебных работников приходится 36%, при том, что они вовсе не отмечены в графе «социальное положение».

Как уже говорилось, некоторые рабочие ко времени избрания в Совет уже занимали какой-либо руководящий пост в партийных и иных структурах. Это не означает, что они автоматически становились представителя-

[3] ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

[4] ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.

[5] ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 181; Д. 335. Л. 6; Д. 335. Л. 213; Ф. 5. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

ми другого социального слоя, не способного проводить политику в интересах трудящихся. Однако данное обстоятельство не могло не влиять на них. Мы установили, что и большинство депутатов, получивших в ходе деятельности Совета руководящие должности в его структуре (председатель, его заместитель, руководители секций), уже не были чистыми пролетариями, а работали в сфере управления. Например, в 1923 г. только двое из 14 не занимали никакой должности в советском, партийном или профсоюзном органе (кооператор и сотрудник милиции)[6].

По партийному составу большинство депутатов относились к большевикам: в 1921 г. их было избрано 62 %, в 1924 — уже 72 %. Очевидно, что большевистское руководство было заинтересовано в широком представительстве членов своей партии в органах власти, особенно в городах. Об этом свидетельствуют, в частности, директивы Уральского бюро ЦК РКП(б) в тюменский горком, которые требовали «обеспечить, чтобы [в составе Совета] не менее 2/3 было партийных» на ближайших перевыборах[7].

Заметным явлением той поры была значительная доля депутатов с «низшим» образованием, соответствующим 2-классному сельскому или церковно-приходскому училищу. В 1921–1923 г. они составляли около 60 %, а в 1924 г. — 87 %. В то же время доля депутатов с высшим или средним образованием понизилась с 30 % до 10 %. Это изменение можно объяснить соответствующим увеличением численности неквалифицированных рабочих в Совете. Однако и многие служащие были малообразованны.

Одним из важных элементов повседневности являются условия проживания. К сожалению большинство домов, в которых проживали депутаты того времени, до сегодняшнего дня не сохранились; тем не менее, общее впечатление составить можно. Основными типами жилья, выделенными нами являются: 1) обычная деревянная изба (по типу крестьянской), 2) каменный (купеческий) дом, 3) крупные постройки общественного назначения, используемые под жилье советской властью. Использование двух последних типов обуславливалось обострением «квартирного» вопроса и «антибуржуазной» социальной политикой, когда дома, ранее принадлежавшие «эксплуататорам», заселялись трудящимися. Среди установленных нами мест проживания депутатов большинство (56,5 %) составляют деревянные избы. В домах, ранее принадлежавших купцам, жило 26,3 %, в том числе в коммунах — 4,2 %. В других зданиях — 17,1 %, в том числе по одному человеку (1,3 %) — в церкви и в бараке, и 2 — на мельнице. Таким образом, около 43 % депутатов проживало в общежитиях, что было зача-

---

[6] ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 335. Л. 213.

[7] ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 57 об.

стую лучше частного дома. Согласно нашим подсчетам, 16 % жили на малоблагоприятных окраинах города — в районах Большое и Малое Городища, «Копыловские сараи», «Крестьянские места» и Затюменка.

По официальным данным, посещаемость заседаний Совета в 1924 г. составляла 40–60 %. Как можно примерно установить, в предшествующие годы она была примерно такой же, и даже ниже. Особенно это касалось заседаний отдельных секций, на которые делился Совет. В 1920–1921 гг. некоторые из них довольно долго не могли организовать собрания, так как приходило только 2-3 человека, многие постоянно находились в отъезде в связи с другой работой.

Принцип народной власти при диктатуре пролетариата предполагал бесплатное исполнение депутатами своих обязанностей[8]. Они работали в горсовете в свободное от основной должности время, на собрания приходили вечером. Депутаты должны были работать в течение дня на заводе или в учреждении, и уже после этого заниматься политической деятельностью. При этом большинство их являлось членами партии и какого-либо профсоюза, которые также требовали присутствия на собраниях. Чаще всего именно из-за таких собраний депутаты не посещали Совет, о чем свидетельствуют их «объяснительные» записки в мандатную комиссию.

Часть депутатов явно не имела уважительных причин для непосещения, но тем не менее систематически избегала работы в Совете. Некоторые вовсе не считали нужным уведомлять руководство о причинах пропуска заседаний, другие считали такие мероприятия, как празднование 5-летия национализации водного транспорта, более важными. Упорство, с которым депутаты уклонялись от обязанностей, заставляет думать, что они вовсе не хотели быть избранными в Совет или же не представляли, какую ответственность предполагает этот вид деятельности. Что касается их более добросовестных коллег, то среди них выделялась группа активных депутатов, участвовавших в обсуждении поднятых вопросов, действительно пытавшихся решить стоящие перед властью проблемы. Большинство же членов Совета вело себя пассивно. Примечательно, что губисполком возлагал ответственность за организацию деятельности секции на ее руководителя. Так, секция охраны труда и здравоохранения, заметно отличавшаяся от остальных большей активностью, добилась успеха, по мнению вышестоящих органов власти, «благодаря энергичности руководителя тов. Шулятьева»[9]. Протоколы собраний позволяют в принципе согласиться с этим утверждением, так как ее руководитель не

---

[8] См., например: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М., *1969*. С. 204.

[9] ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 472. Л. 30.

оставлял подчиненных без дела, но проблема других была не только в руководстве.

Отношение населения к местной власти нельзя назвать доверительным. Это отражает и участие его в выборах, явка на которые была на уровне 40–50 %, и другие факты. Отчасти это было вызвано недостаточной эффективностью Совета в решении проблем города. Он далеко не всегда имел необходимые рычаги для решения их проблем. Граждане, похоже, понимали, где находится реальная власть, и шли в органы исполнительной власти — губисполком и его отделы. Об этом, в частности, писал в 1921 г. один из его работников, А. Вадиковский, в газете «Трудовой набат»: «куда идет у нас каждый рабочий, каждый гражданин, если ему что-нибудь нужно от Советской власти, от государственного учреждения? Куда хотите, только не в свой Горсовет. Он идет в Губсобес, в Губздрав, во всякий другой губотдел, часто попадает не по адресу, в результате чего путается, сердится и ругает советские порядки»[10].

Мы далеко не полностью проанализировали социальное положение и повседневность депутатов, но и этого материала достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Большевики пытались сформировать выгодный им состав горсовета, что должно было облегчить задачи управления. В нем должны были преобладать коммунисты, рабочие и молодежь, что и было осуществлено. На наш взгляд, такая политика связана с восприятием большевиками Совета как структуры, обеспечивающей политическое представительство трудящихся и демонстрирующей народовластие, в то время как важнейшие решения в жизни на местах принимались губернскими, а затем (после 1923 г.) областными и окружными исполкомами или даже партийными комитетами. Согласно представлениям В.И. Ленина, каждый гражданин должен был пройти школу государственного управления. Но никто не собирался давать слишком много власти этому неумелому гражданину.

Депутаты Совета представляли собой довольно разнообразную массу, что говорит о своеобразном «демократизме» этого органа власти. Это явление объясняется уже упомянутыми особенностями советской политической системы. Каждый из депутатов был представителем определенного социального слоя, но эта характеристика не могла быть постоянной и в некоторых случаях изменялась. Одни уже чувствовали себя руководителями, формировали новый класс, впоследствии названный рядом исследователей номенклатурой. Другие воспринимали свое избрание депутатами Совета как лишнюю обязанность, не дающую никаких привилегий, а потому малопривлекательную. Большинство же относилось к этому виду деятельности довольно равнодушно, не считая ее значимой.

---

[10] Трудовой набат. *1921*. 25 авг.

Терехова Юлия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории искусств
слушатель, 1 курс

ОБРАЗЫ «СОВЕТСКОГО» В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЖИВОПИСИ ПО ДЕРЕВУ 1920-х — 1940-х гг.

Традиция живописного декорирования деревянных плоскостей в России имеет давнюю историю. Известно, что в XVII в. в Москве были расписаны красками Коломенский дворец и царский дворец в Кремле[1]. В крестьянской среде появление домовой росписи датируется серединой XIX в. и предопределяется появлением белых, светлых построек, не топившихся, как прежде, по-черному[2]. Одновременно в рассматриваемом нами регионе — на Русском Севере — получает широкое распространение роспись прялок, наследующая декоративные приемы резьбы[3]. На Севере сложился ряд центров прялочной росписи в районах рек Северной Двины, Мезени, Печоры, Уфтюги[4]. Круг изображений на прялках: геометрические фигуры, цветы, в том числе в вазонах, птицы, львы, люди и жанровые сценки. Сюжеты и приемы письма мало изменялись на протяжении существования того или иного центра росписи или живописной традиции, отклонения от привычной композиции встречаются крайне редко. Специалисты обнаруживают в росписях неистощимый семантический материал — солярные символы, образы рая, древа жизни и космоса, благопожелательную и охранную символику — и придают ему большое значение[5]. Однако в настоящей работе

---

[1] *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (издание третье) и Старинные земские соборы. СПб., *1887*. С. 61, 62, 72.

[2] *Мильчик М.И.* Расписные дома Русского Севера: Поважье // Тальцы. Иркутск. *2004*. №3(22). С. 5.

[3] Крестьянская живопись Поважья. Из собраний музеев Архангельской области. Каталог / Сост. Т.М. Кольцова. М., *2003*. С. 58–59; *Богуславская И.Я.* Русское народное искусство. Альбом. Л., *1968*. С. 14; Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства / Под ред. А.Ю. Журавлева. М., *2006*. С. 61; *Иванова Ю.Б.* Кистевые росписи по дереву Вологодской губернии: Автореф. дис. М., *1993*. С. 11.

[4] *Богуславская И.Я.* Русское народное искусство... С. 14.

[5] *Глебова А.А.* Свободно-кистевые росписи Вологодских земель // *Талицына Л.Ю.*

мы не будем углубляться в семантику традиционных изображений, которые в той или иной степени, особенно к XX в., утратили свое непосредственное прочитываемое значение как для мастера, так и для заказчика, и выполнялись преимущественно по установившейся традиции.

Во второй половине XIX в., преимущественно ближе к концу его, в искусстве набирала силу мода на изображение «городского», проявлявшаяся как в монументальной экстерьерной/интерьерной живописи, так и в росписи прялок (а также в иных видах крестьянского искусства, в том числе в одежде). Так, например, итальянское окно балкона-«выхода» так называемого «Алешкиного» дома в деревне Чурковская Вельского района Архангельской области (рис. 1, фото М.И. Мильчика) было дополнено живописным полуциркульным окном (мода на устройство подобных балконов и окон также пришла из городской архитектуры). Пара в городских костюмах изображена на прялке 1879 г. из собрания ШКМ[6] (рис. 2[7]).

После Революции и с установлением советской власти в домовой и прялочной росписи начинает появляться новая символика, новые сюжеты. Они довольно редки, однако им стоит уделить внимание, чтобы понять, насколько затронула «советизация» как народное искусство, так и мировоззрение крестьянства в целом.

В собрании коллекционера А. Германовича находится прялка, происходящая из Нюксенского района Вологодской области, датированная 5 декабря 1929 г. (рис. 3[8]). Она обладает всеми признаками, характерными для прялок данной местности: частые городки, бусины, круглые шестилепестковые розетки и сегменты розеток (рис. 4 — образец традиционной нюксенской прялки, фото из архива ЦТНК с. Нюксеница), однако вместо одной из лучевых розеток размещено изображение серпа и молота, органично вписавшееся в композиционную схему росписи.

Изображения серпа и молота также были найдены на двух других

Вологодские свободно-кистевые росписи. Часть I. Вологда, *2006*. С. 5; Северные прялки. Каталог выставки из собраний Загорского и Вологодского музеев / Сост. Круглова О.В., Пятницкая И.А., Воробьева Н.А. Вологда, *1969*; *Севан О.Г.* Росписи жилых домов Русского Севера. М., *2007*. С. 193; *Разина Т.М.* Русское народное творчество. М., *1970*. С. 41; *Иванова Ю.Б.* Кистевые росписи...С. 22; *Кондратьева В.Г.* Росписи костромских отходников // Крестьянская живопись Поважья... Каталог. С. 181).

[6] Вывезена из деревни Часовенской Верхопаденьгского сельского совета Шенкурского района Архангельской области. ШКМ КП-699 (Крестьянская живопись Поважья... Каталог. С. 98).

[7] фото: Там же. Альбом.

[8] фото: Народное искусство в усадьбе Гальских. М., *2009*. С. 34.

прялках из того же региона (рис. 5, фото из архива ЦТНК с. Нюксеница). Судя по композиции и живописному почерку, прялка на рис. 3 и прялка на рис. 5 слева выполнены одним мастером, прялка же на рис. 5 справа выполнена другим художником, что видно уже из иного начертания символов серпа и молота — форма их не близка оригиналу. Во всех трех случаях мастера варьируют изображение знака, включая его в уже известный строй рисунка, соотнося его величину и оформление со своими конкретными композиционными задачами, дополняя его изображением круга, звезды или колосьев (последняя трактовка перекликается с изображением герба РСФСР образца 1918 г., рис. 6).

Изображения серпа и молота также встречаются на ряде прялок, происходящих из Шенкурского района Архангельской области: на прялке из деревни Едьма Никольского сельского совета (ШКМ КП-896, рис. 7[9]), прялке из деревни Часовенская Верхопаденьгского сельского совета (АГМДЗиНИ Д-1166, рис. 8[10]), и прялке предположительно из куста деревень Нижней и Верхней Едьмы (собрание А. Германовича, рис. 9, 11[11]).

В данном случае изображение серпа и молота находится внутри розетки, обычно наполняемой варьирующимися орнаментальными изображениями (рис. 10, образец традиционной важской прялки[12]; рис. 12, многообразие вариантов цветочной розетки[13]). По характеру исполнения декоративных элементов, стилистике росписи, а также по начертанию цифр три эти прялки можно отнести одному мастеру[14].

Можно предположить, что данный мастер рассматривал изображение серпа и молота как один из вариантов оформления центральной розетки, применив увиденный им художественный образ (здесь важна оппозиция художественного и идеологического), получивший широкое распространение во время создания росписи. Для сравнения можно привести ряд прялок из Грязовецкого района Вологодской области с изображениями двуглавого орла (рис. 13[15]). В обоих случаях использование государственной символики больше тяготеет к художественному акту, нежели к поли-

---

[9] фото: Крестьянская живопись Поважья... Каталог. С. 170.

[10] фото: Крестьянская живопись Поважья... Каталог. С. 171.

[11] фото: Народное искусство в усадьбе Гальских... С. 34, 35.

[12] фото: Крестьянская живопись Поважья... Каталог. Альбом.

[13] фото: *Чиркова Е.Б.* Из опыта работы по обучению росписи по дереву учащихся детской художественной школы № 4 г. Шенкурска // Крестьянская живопись Поважья... Каталог. С. 339.

[14] Крестьянская живопись Поважья... Каталог. С. 170.

[15] фото: *Суров М.В.* Невостребованная древность. М., *2001*. С. 130.

тическому, демонстрируя гибкость вкуса, стремление к разнообразию и восприимчивость народного художника.

Более насыщенным и развернутым внедрением советских образов в народные мотивы является появление после революции новых персонажей в росписи.

Например, прялка 1927 г. мастера из семьи Третьяковых из собрания А. Германовича, происходящая из деревни Первая Жерлыгинская (Великий двор) Нижнетоемского района Архангельской области, имеет два изображения, содержащих признаки нового времени. На лицевой стороне под сценой выезда — надпись: «ВЕЗЕТ ЯМЩИК УЧИТЕЛЬНИЦУ В ШКОЛУ ГРАМОТ(Ы)» (рис. 14[16]). Сцена выезда, в ряде случаев снабженная подписью, имеющей свои корни в лубке, — типичная и многовариантная (ср. изображение на прялке: рис. 15, «ВЕЗЕТ ЯМЩИК ДЕВИЦУ НА ЗЛАТОГРИВЫХ ЛОШАДЯХ», 1900–1920-е, Нижняя Тойма[17]). В данном случае в сцену выезда, торжественного катания, изображающую реальные катания в деревнях, встраивается образ учительницы, одетой не в платок, как деревенские девушки, изображенные на других прялках, а в городскую шляпку и платье, держащей в руках книжку или тетрадь. Интересно отметить, что, хотя дело происходит зимой (выезд санный), но учительница не находится в кибитке, как, например, на рис. 15 и на множестве других прялок, где действующих лица два (мужчина и девушка), но девушка скрыта от глаз, а видна зрителю — возможно, это объясняется желанием мастера поделиться своим интересом к новой и непривычной фигуре учительницы в деревне.

На обороте данной прялки изображен всадник, держащий в одной руке саблю, в другой — пистолет. Подпись под сценой: «СОВЕТСКИЙ ВСАДНИК МОЖЕТ РАБОТАТЬ ОБОИМИ РУ(КАМИ)» (рис. 16[18]). Фигура всадника типична для прялок данной местности и не только, и также происходит от гравированных картинок (ср. рис. 17, конный портрет, изображающий Царя Алексея Михайловича[19]; рис. 18, «Всадник», фрагмент оборотной стороны лопастки прялки кон. XIX — нач. XX в., мастер из семьи Третьяковых, Нижняя Тойма[20]). Не исключено, что данная сцена имеет свой

---

[16] фото: Народное искусство в усадьбе Гальских... С. 45.

[17] фото: *Тарановская Н.В.* Росписи по дереву Нижней Тоймы. Мастера // Народное искусство. Исследования и материалы. Сост. И.Я. Богуславская. СПб., *1995*. С. 21.

[18] фото: Народное искусство в усадьбе Гальских... С. 51.

[19] фото: *Ровинский Д.А.* Материалы для русской иконографии. СПб., *1884*. Вып. III. С. 87.

[20] фото: Народное искусство в усадьбе Гальских... С. 53.

прямой прототип, пока нами не обнаруженный. Как и учительница, советский всадник — новый и редкий пример вписывания фигур новой реальности в сложившуюся знаковую систему. Данная прялка мастера из семьи Третьяковых, которым атрибутировано большое количество произведений, является обособленным примером включения в традиционные схемы «советских» образов. Однако не исключено, что дальнейшие исследования смогут выявить и другие подобные экземпляры.

Отражение других советских реалий в домовой росписи было обнаружено старшим научным сотрудником КОКМ В.А. Любимовым: «интересны голбечная дверь из деревни Курьяново[21] (примитивно-плакатная живопись, то ли агитирующая за вступление в колхоз, то ли наоборот) (надпись «НА ВСЮ ЖИЗНЬ!», рис. 19, фото из личного архива В.А. Любимова. — *Прим. Ю.Т.*), а также «портрет» некоего Агафона (председателя артели?) из Орлова Починка[22] (рис. 20, фото из личного архива В.А. Любимова. — *Прим. Ю.Т.*)»[23].

Примечательно, что портрет иного персонажа, дореволюционного времени, был обнаружен в 2008 г. в одной из деревень Подосиновского района Кировской области: на боковой стенке шкафа нарисован мужчина, сопровожденный надписью «ХРЕНОВЪ» (рис. 21, фото из архива автора). Возможно, это лубочный герой, на что указывает его фамилия.

Подобные заимствования и параллели могут быть не только художественными. В деревне Гришино Стрельнинского Великоустюгского района Вологодской области, в доме М.В. Жилиной, сотрудником ВГИАХМЗ Т.Н. Чебыкиной был обнаружен расписной шкаф (рис. 22, фото из архива Т.Н. Чебыкиной). При его рассмотрении обнаруживается, что дверцы шкафа являются алтарными вратами: на это указывает их форма, в особенности полукруглое завершение сложного профиля, а также имеющиеся по бокам от дверец две каннелированные пилястры с массивными фризами. Скорее всего, алтарные врата попали в дом из ближайшей к деревне Покровской Чучерской церкви (каменная, 1812 г. постройки[24]) после революции и были расписаны. Подобные случаи не были редкостью в послереволюционные годы. Так, в деревне Пермас Никольского района Вологодской области автором были обнаружены резные деревянные колонны, поддерживающие крышу крыльца одного из домов.

---

[21] Лузский район Кировской области.

[22] Великоустюгский район Вологодской области.

[23] *Любимов В.А.* Антропоморфные сюжеты. Рукопись.

[24] Церковно-исторический атлас Вологодской области / Автор-сост. Н.М. Македонская. Вологда, *2007*. С. 29.

Крайне интересно проследить изменения, происходившие с подписями мастеров после Революции. Старшим научным сотрудником КОКМ В.А. Любимовым была зафиксирована следующая надпись, сделанная на передней грядке в доме в деревне Гляден Лузского района Кировской области: «За работу 4 р. Красил гражданин Петр Семенов Старцев деревни Залиховки и Ванка Сарай 1926 г. Апреля 15 нового стиля». Роспись обладает рядом послереволюционных реалий: новая орфография; художник называет себя «гражданин» (ранее использовалось наименование «мастер») и уточняет, что дата приведена по «новому стилю» (это крайне важно — «юридическая» функция подобной подписи теряется, если не быть точным в дате).

В этом же доме были обнаружены еще две надписи: «Печка неаптека но делает облегчение для человека» (на брусе голбечной заборки), «Товарищ здес незаседанье посидел и досвиданья а нет лись на полати» (на матице). Если текст о печке можно признать вполне народным, то пассаж о выборе места пребывания — нет. Надпись сделана, как указывалось выше, в 1926 г., и слова «товарищ» и «заседание» еще новы, недавно вошли в язык крестьянина, и он еще (уже?) шутит ими, встраивает в ряд иронического текста, пытается описать новыми словами привычную жизнь.

Мы постарались описать известные нам на данный момент образы «советского», присутствующие в традиционной крестьянской живописи по дереву. Относительная редкость подобных изображений, встроенность их в привычную композиционную и смысловую сетку, оперирование идеологическими символами как художественными, а также юмор позволяют увидеть конструирование «советского» силами мастеров-живописцев. Символы и реалии «советского» входили в уже известные схемы, превращались в узоры, занимательные картинки, шутки, становились «модными».

Подобный анализ конструирования нового режима в народной живописи может дополнить исследования коллег-социологов и историков.

Список сокращений

ШКМ — Шенкурский краеведческий музей (г. Шенкурск Архангельской области).

ЦТНК — Центр Традиционной Народной Культуры.

АГМДЗиНИ — Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (г. Архангельск).

КОКМ — Кировский областной краеведческий музей (г. Киров).

Терещенков Леонид
Петрозаводский государственный университет
исторический факультет
аспирант, 3 курс

КАРЕЛИЯ КАК ВООБРАЖАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО ФИНЛЯНДСКОЙ И РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РАБОТЕ КАРЕЛЬСКОГО ИСТПАРТА 1932–1937 гг.

В ходе революционных событий 1917–1922 гг. было заложено несколько конкурирующих географических проектов для региона между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем. В царское время эта территория была разделена между двумя губерниями: Архангельской и Олонецкой. Уже сложившийся к 1917 г. бюрократический аппарат и сила обыденных представлений работали на такое разделение. С другой стороны подобная организация пространства ассоциировалась в революционную эпоху с ниспровергаемым царским режимом, поэтому ее легитимность ставилось под сомнение.

В свою очередь, Финское национальное движение XIX в. сформировало представление об ирредентной территории финского народа — Восточной Карелии. Финское национальное движение, запертое в границах Великого княжества Финляндского административной и таможенной границей, не могло проводить сколько-нибудь заметную экспансию на территорию своей ирреденты[1]. Ситуация меняется на рубеже XIX–XX вв., когда в ряде уездов Архангельской губернии начинает складываться национальная карельская торговая буржуазия. Именно она становится первым проводником ирредентистских идей в карельской среде[2]. Свою лепту в укрепление географических позиций финского ирредентизма внесли и красные финны, участники Гражданской войны января–мая 1918 г. в Финляндии. После поражения в Гражданской войне именно они встали у истоков национального самоопределения карел при создании Карельской Трудовой Коммуны (КТК) в 1920 г.

---

[1] *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России 1905–1917 гг. СПб., *2006*.

[2] Кулацко-буржуазное «движение» Северной Карелии в 1917–18 гг. // НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 151. Л. 2–12.

Кроме того, важным фактором явилось строительство в годы Первой мировой войны Мурманской железной дороги. Новая транспортная артерия серьезно изменила характер коммуникации и направление потока людских миграций в регионе. Окрепли связи с Петроградом как важнейшим экономическим и политическим центром, а Архангельск стал утрачивать свое доминирующее положение, так как водный транспорт превратился в короткий временной промежуток во вторичный по отношению к железнодорожному. Наличие Мурманской железной дороги во многом определило и географию интервенции на севере России: направление с севера на юг — из Мурманска через Петрозаводск к Петрограду.

Опосредованно Мурманская железная дорога определила и вектор воспоминаний участников историко-партийной работы в АКССР. Во время написания воспоминаний они находились в той же системе координат, что и во время событий революции и Гражданской войны. Новые реалии в экономической жизни, и прежде всего изменение в состоянии транспортной сферы, повлияли на географию памяти участников историко-партийной работы. Надо отметить, что в течение всех 1920-х гг. Мурманская железная дорога оказывала существенное влияние на гуманитарную сферу региона посредством таких учреждений как Колонизационный комбинат при Мурманской железной дороге[3]. Сотрудники комбината предложили свой проект воображаемой географии посредством журнала «Карело-Мурманский край». Обоснованность подобного географического проекта они доказывали, пропагандируя различные экономические инициативы, опирающиеся на транспортные возможности железной дороги[4].

В этой обстановке противостояния нескольких географических проектов делается первая попытка развернуть историко-партийную работу в Карелии. Однако первые подобные инициативы в 1923–1924 гг.[5] остаются невостребованными, по-видимому, в силу нарастающего политического влияния красных финнов и актуализации Финляндской революции в Карельской автономии в ущерб революции Октябрьской. В 20-е гг. XX в., на волне активного панфинского нациестроительства на территории

---

[3] *Киселева О.А.* Деятельность транспортно-промышленного колонизационного комбината Мурманской железной дороги в 1923–1929 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, *1999*. С. 143–151.

[4] *И.Н.* Влияние комбината Мурманской ж.д. на состав населения некоторых районов Карелии // Карело-Мурманский край. *1927*. № 5–6. С. 31–32; В колонизационной комиссии ЭКОСО РСФСР // Карело-Мурманский край. *1928*. № 9. С. 32.

[5] *Гершанович Д.* О задачах Истпарта // НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 209. Л. 23–23 об.

Карелии, безусловно, доминировала «финно-карельская» точка зрения[6]. О подобном политическом повороте мы можем судить, прежде всего, по такому корпусу источников, как материалы конференции «Красногвардейцев, красных партизан и подпольщиков», состоявшейся в 1930 г. к десятилетию создания КТК. Материалы ее были изданы отдельным сборником к другой знаменательной дате в истории Карельской автономии — десятилетию отражения Карельской авантюры 1922 г. финских правых кругов в 1932 г.[7] Финское влияние отчетливо ощущалось и в историко-революционной секции созданного в 1930 г. Карельского научно-исследовательского комплексного института — КарНИИ. Деятельность Каристпарта ответственные работники карельской автономии старались поставить в параллель с деятельностью Комиссии по истории Финляндской революции. Провести в жизнь данную установку должен был, прежде всего, И.А. Ярвисало, первый секретарь объединенного Карельского обкома, назначенный также председателем Каристпарта.

Для того чтобы раскрыть вопрос о финляндской линии в историко-партийной работе, необходимо определить «слепые пятна» дискурса и рассмотреть такие проблемы как: хронологические рамки финляндской революции, ее географические рамки, взаимоотношения с национальным движением и, возможно, самое главное — взаимосвязь Финляндской революции с русской революцией.

Надо признать, что географический дискурс о Финляндии заимствован красными финнами, так же как и белыми, у финского национального движения XIX в. Естественные границы Финляндии, по мнению участников историко-партийной работы, заканчиваются там, где не проживают финны. Последнее обстоятельство, однако, не дает основания обвинить красных финнов вообще и участников историко-партийной работы в частности в буржуазном национализме, как это сделали организаторы процесса о заговоре финского Генштаба в 1930-е гг. Речь в данном случае идет именно о представлениях, принимаемых по умолчанию без должной идеологической проработки. В данном вопросе финляндская социал-демократия может быть названа наследницей финского национального движения с тем же основанием, что и правые партии. Это можно просле-

[6] *Кауппала Пекка.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // Ab imperio. *2002*. № 2. С. 309–338; *Афанасьева А.И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. *1994*. С. 41–49.

[7] В боях за советскую Карелию. Л., *1932*.

дить, прежде всего, по их отношению к карельскому вопросу. Карелия уже в XIX в. становится ирредентной территорией Финляндии. Это обстоятельство повлияло на председателя Карсовнаркома Э. Гюллинга и основателя ФКП Ю. Сирола при выборе территории для будущей Карельской Трудовой Коммуны и обозначении ее границ.

Однако образование КТК в составе Советской России породило ряд проблем во взаимоотношениях финляндской революции с Октябрьской революцией и Советской государственностью. С одной стороны, коммунистическая партия Финляндии являлась частью мирового коммунистического движения и Коминтерна. Делегаты от Финляндии были в числе наиболее активных участников 1 Конгресса Коминтерна в 1919 г., и представляли они именно независимое государство[8]. Тогда возникает вопрос: в каком качестве работают финские коммунисты в карельском правительстве и какова должна быть их партийная принадлежность? Какие перспективы открываются для КПФ и РКП(б) ввиду культивирования финляндской революции в рамках Карельской автономии? Каковы будут взаимоотношения Красной Финляндии с Советской Россией в случае успешного экспорта революции из Советской Карелии в Финляндию?

Помимо названного, непроясненной оставалась номенклатура родственных финнам народов. Если карелы являлись «финнами по умолчанию», а из вепсов в силу их малочисленности решили «не делать проблемы», то отношение к саамам и статус Кольского полуострова уже требовали надлежащего политического рассмотрения. Необходимо было укрепить связи и с восточно-финскими народами, прежде всего с коми. Однако главную проблему, безусловно, представляло ингерманландское население Ленинградской области. Географическая близость к такому важному промышленному и политическому центру как Петроград/ Ленинград лишала финских коммунистов возможности распространить свое административное влияние на проживающих здесь финнов посредством карельской автономии. В тоже время с ингерманландцами необходимо было поддерживать тесную связь, имея в виду перспективу будущей революции в Финляндии.

Из сказанного видно, что события 1917–1918 гг. в Финляндии и даже Гражданская война января-мая 1918 г. не воспринимались красными финнами как точки завершения революции. Завершился только ее первый,

[8] Коминтерн и Финляндия, 1919–1943 / Ред. Н.С. Лебедева, К. Рентола, Т. Саарела. М., *2003*.

«розовый» социал-демократический этап. Этап, который сыграл роль «1905 г.» для Финляндии[9].

Перечисленные проблемы серьезным образом сказывались на характере историко-партийной работы в Автономной советской Карелии и на ее тематических предпочтениях. Любопытным представляется рассмотреть усилия Лаури Летонмяки организовать совместную работу Каристпарта и Комиссии по изучению Финляндской революции как пример взаимоотношений русской и финской политических диаспор в Карелии первой половины 1930-х гг. Важно понять соотношение конфликта и сотрудничества: имело ли место культурное взаимопроникновение.

Таким образом, специфика историко-партийной работы в Карелии была во многом связана с тем, что регион в 1920-е — начале 1930-х гг. превратился в поле борьбы нескольких проектов «воображаемой географии»[10]. Территория советской Карелии мыслилась различными участниками революционного процесса либо как часть РСФСР, либо как Карельская автономия, либо как часть Великой красной Финляндии и необходимый плацдарм для осуществления этого стратегического замысла[11]. Подобные политические установки предопределяли и отношение к недавнему прошлому в конце 1920-х — начале 1930-х гг. При освещении событий 1917–1922 гг. на Севере внимание акцентировалось либо на событиях в Финляндии и борьбе с белофиннами на территории Карелии, либо преимущественно на событиях в Петрозаводске и, отчасти, в Поморье. Две названные тенденции хоть и существовали одновременно, но каждая из них в определенный период начинала доминировать.

Надо отметить, что 1932 г. — это не только 10-летний юбилей успешного отражения Карельской авантюры, это и год широко отмечаемого в Советском Союзе 15-летия Октября. Эта дата потребовала включения историко-партийной работы АКССР в общесоюзный праздничный контекст. Обозначенные задачи потребовали параллельно с историко-революционной секцией Карельского научно-исследовательского Института, организованной в 1930 г., создать в 1932 г. Карельскую историко-партийную комиссию при Областном Комитете Партии. Если КарНИИ,

---

[9] *Девитт А.А.* От классовых боев в Финляндии до полной ликвидации иностранной военной интервенции и Карельской авантюры 1918–1922 гг. // НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–16.

[10] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., *2001*.

[11] *Барон Ник.* Региональное конструирование Карельской автономии // Ab imperio. *2002*. № 2. С. 279–309.

задуманный Эдвардом Гюллингом и созданный силами его единомышленников — красных финнов при Карсовнаркоме, призван был быть проводником финского влияния при исследовании вопросов, связанных с революционными событиями и гражданской войной на Севере России, то Каристпарт, умышленно или в силу административной случайности, становится проводником общесоюзного контекста празднования 15-летия Октября. Именно на долю ответственного секретаря Каристпарта В.И. Машезерского, при номинальном контроле первого секретаря Обкома и председателя Каристпарта Густава Ровио, выпадает задача отразить события Русской революции в истории Карельской автономии.

Третьяк Константин
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
исторический факультет
аспирант

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВЫБОРАХ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Установление советской власти на просторах распавшейся Российской империи, несмотря на свои региональные особенности, вносило в жизнь общества некоторые новые элементы. Аполитичному до революции сельскому населению поневоле приходилось включаться в общественно-политическую жизнь. И исследователю в процессе изучения советского прошлого всегда приходится учитывать то, как относилось население к проводимой политике и каким было его участие в ее проведении.

В связи с этим изучение опыта первых избирательных кампаний, проводившихся в 1920-х гг., представляет особый интерес. Как ни парадоксально, но именно в советский период сформировались современная избирательная система и традиция участия широкой общественности в формировании органов управления.

Данная проблема, несмотря на то, что в советский период к ней обращались исследователи В.М. Духопельников[1], А.В. Гонтар[2] и др., не получила должного освещения в исторической литературе. Более того, работы данного периода субъективны и имеют статистические погрешности.

Источниковую базу исследования составили опубликованные документы и материалы местных органов власти и управления[3], данные статистики[4], периодическая печать[5]. Основной материал взят из фондов

---

[1] *Духопельников В.М.* Деятельность Советов Харьковщины в восстановительный период (1921–1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, *1979*.

[2] *Гонтар А.В.* Городские Советы Украины: История становления и развития: (20–30-е гг.). Киев; Одесса, *1990*.

[3] Харьковский губернский комитет КП(б)У. Отчет о работе от 6 до 7 губконференции КП(б)У. Харьков, *1923*.

[4] Статистика Украины. Харьков, *1922*. № 16. Сер. 1: Демография. Т. 1, вып. 5: Население Харьковской губернии по данным переписи 1920 года: Численность населения. Возрастной состав. Грамотность. Национальный состав; Справочник по Харьковской губернии. Округа, районы, сельсоветы. Харьков: Губисполком, *1923*.

[5] Харьковский пролетарий: Орган Харьковского губкома КП(б)У губисполкома, губсовпрофа и Горсовета. 1923 г.

Харьковского областного архива[6]. Процесс установления советского аппарата на Харьковщине проходил нелегко. Крестьянство, привыкшее к иным формам самоуправления, оказывало вооруженное сопротивление советизации села (в 1921 г. в губернии насчитывалось 57 вооруженных отрядов, как политического, так и уголовного характера[7]), в частности, недовольство вызывала продовольственная политика.

Согласно данным переписи 1920 г., в сельской местности по губернии проживало более двух миллионов человек (80,9 % населения)[8]. Анализ документов свидетельствует о том, что данные о количестве избирателей Харьковской губернии на начало 1920-х гг. неполные. К примеру, по данным 12 волостей, избирателей насчитывалось всего 24,6 %[9]. В 1922 г. в Изюмском уезде избиратели составляли лишь 38,5 %[10].

Ряд исследователей такое положение объясняют лишением избирательного права. Однако наши подсчеты показывают, что данная категория лиц на протяжении первой половины 1920-х гг. не превышала и 5 % избирателей. Например, в кампанию 1923 г. в сельской местности избирательных прав лишено было 2,6 % населения[11].

24 января 1920 г. ЦК КП(б)У после победы над Добровольческой армией направил в губернии циркулярное письмо, в котором отмечалось: «До проведения выборов необходимо всколыхнуть деревню, заинтересовать ее происходящими событиями»[12]. В волости направлялись агитаторы, проводившие митинги, распространявшие газеты и листовки[13].

В феврале по уездам прошли беспартийные крестьянские конференции, в которых, по нашим подсчетам, приняло участие около 3,5 тыс. человек. И хотя конференции организовывались большевиками и в их агитационных целях, они показали, что крестьянство не доверяло новой власти. Многие большевистские резолюции не нашли поддержки участников, а некоторые делегаты, указывая на термин «беспартийная», протестовали против участия в ней коммунистов[14].

---

[6] Государственный архив Харьковской области (ГАХО).

[7] *Попов Н.* История бандитизма в Харьковской губернии // Партийный работник. 1922. № 3–4. С. 112–114.

[8] Статистика Украины... С. 1–11.

[9] ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 425. Л. 21 об.

[10] Там же. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 153. Л. 27 об.

[11] Там же. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 127. Л. 52, 55; Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 553. Л. 14; Р-90. Оп. 1. Д. 521. Л. 173; Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 1398 а. Л. 12; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1203. Л. 2.

[12] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

[13] Там же. Д. 5. Л. 22; Д. 153. Л. 27 об.

[14] Там же. Л. 4–10.

Весной 1920 г. прошли первые выборы депутатов в отдельные местные советы, а также делегатов на уездные съезды в большинстве волостей. Выборы показали, что в целом избирателей мало интересовали новые органы власти. Например, в 4-х волостях Сумского уезда с населением 54 253 чел. в выборах приняло участие немногим более 14 %[15]. В Валковском уезде, в Новоселовской волости на собрание прибыло всего 250 человек, а в Знаменской волости — 210[16]. Примерно такое положение характерно и для остальных волостей.

В такой ситуации большевистское руководство приняло решение сохранить в большинстве волостей революционные органы власти — ревкомы, и вместе с тем активизировать свою работу среди населения.

Весной 1921 г. состоялись очередные выборы в местные органы власти. Мы не располагаем полными статистическими данными относительно участия населения в избирательных кампаниях 1921–1922 гг. Часто сохранившиеся материалы о выборах весьма противоречивы. Вместе с тем сведения о проведении кампаний в отдельных волостях и некоторых уездах дают нам возможность рассчитать приблизительное количество участвовавших.

Используя математические методы исторического исследования, мы сопоставили имеющиеся архивные данные о количестве выборщиков с количеством совершеннолетнего населения отдельных уездов или волостей и, получив, таким образом, среднее число учтенных выборщиков по губернии, умножили его на средний процент активности. В итоге, по нашим подсчетам, в выборах в кампаниях 1921 г. (весенней и осенней) участвовало не более 25 % совершеннолетнего сельского населения губернии. Так, в Харьковском уезде явилось на выборы около 24 %, в Чугуевском — 24,5 %[17].

Учитывая, что в 1921 г. учет избирателей был слабым и в ряде мест выборы не проводились из-за действий многочисленных вооруженных повстанческих отрядов, то процент участия населения в выборах по губернии снижается до 17 %.

В частности, в Изюмском уезде в 1921 г. выборы в пяти волостях были приостановлены из-за деятельности повстанцев. В шести волостях Купянского уезда выборы вообще не проводились. Из-за наличия вооруженных отрядов в некоторых волостях Богодуховского, Змиевского и др. уездов также продолжали действовать ревкомы[18].

---

[15] Там же. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 66. Л. 82.

[16] Там же. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 105. Л. 52; Д. 128. Л. 16.

[17] Посчитано по: Статистика Украины... С. 1–11; ГАХО. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 553. Л. 14; Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 128; Д. 307. Л. 66.

[18] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 575. Л. 31, 34.

Следующая кампания, проводившаяся осенью 1922 г., была подготовлена уже лучше. В ее рамках проходили многочисленные сельские собрания, митинги, съезды КНС и беспартийные конференции, которые охватили своей работой значительную часть населения. Для разъяснительной и пропагандистской работы на места, кроме партийных и советских работников, отправлялись рабочие промышленных предприятий и красноармейцы[19]. Велась активная работа по привлечению к выборам женской части электората, для этого женотдел губкома КП(б)У организовал 6 уездных и 55 волостных беспартийных женских конференций, охвативших, по нашим подсчетам, более 2,5 тыс. женщин.

В.М. Духопельников указывает, что активность электората по губернии в 1922 г. составила 32 %[20]. У нас нет оснований не доверять этому, но следует учитывать, что здесь имеется в виду средний процент зарегистрированных избирателей, принявших участие в кампании. Фактически же количество людей, участвовавших в выборах, было значительно меньшим, из-за плохого учета избирателей. Так, в Валковском уезде при выборах Замостского сельсовета избирателями числилось 28 % населения, Минковского сельсовета — 41,8 %, Бомарского — 25,9 %[21]. По нашему мнению, реально участвовало в выборах 23-25 % населения. В частности, в Змиевском уезде голосовало 23,3 %, в Валковском — около 25 %[22].

Кампания 1923 г. представляет особый интерес, поскольку именно с нее берет начало систематический учет избирателей, внедряется отчетность избиркомов перед вышестоящими инстанциями.

Сама предвыборная кампания началась на месяц раньше, что позволило развернуть широкую агитацию, которая проводилась усиленно и на страницах прессы. Губернская избирательная комиссия сообщала уездным избиркомам, что кампания должна поднять авторитет советов и положить начало их отчетности перед избирателями[23].

ВУЦИК рекомендовал провести проверку советов, с привлечением широких слоев электората. Избиратели получили возможность присутствовать на открытых заседаниях проверочной комиссии, подавать устные и письменные заявления относительно деятельности местных властей[24]. В сентябре-октябре проводился смотр сельсоветов[25].

---

[19] ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 863. Л. 25, 42.

[20] *Духопельников В. М.* Деятельность Советов... С. 54.

[21] ГАХО. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 522. Л. 15–39, 86–117, 246–322.

[22] Там же. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 521. Л. 173; Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 522. Л. 2–442.

[23] Там же. Ф. Р-845. Оп. 2, Д. 114, Л. 1.

[24] Там же. Л. 94.

[25] Там же. Д. 366. Л. 237.

С октября 1923 г. в Харьковской губернии (впервые на Украине) исполкомы, согласно решению губисполкома, начинают отчитываться перед избирателями о проделанной работе[26]. С целью повышения активности, 16 ноября губисполком издал постановление, согласно которому избиратели в день выборов освобождались от работы[27].

Данные мероприятия способствовали некоторому подъему общественного интереса к кампании и, соответственно, повысили уровень явки избирателей на выборы. В результате кампании членами сельсоветов было избрано 19 475 чел.[28].

По документам активность выборщиков в сельской местности составила 29,5 %[29]. Менее всего в выборах участвовало население в Ахтырском округе (около 19 %)[30]. Купянский округ, напротив, показал относительно высокий процент активности электората — 48,9 %[31].

Однако, по данным статистики, в 1923 г. в 5 округах сельского населения насчитывалось 2 345 252[32]. Если предположить, что около 53 % составляли совершеннолетние, то выходит 1 266 436 чел. При условии, что 3,5% лишались избирательного права, получается 1 222 111 избиратель. Но архивные данные говорят о 983 217 избирателях (1 015 388 совершеннолетних минус 32 171 лишенных)[33]. Следовательно, можно предположить, что даже в 1923 г. (не говоря о более ранних кампаниях) неучтенными оставалось около 20 % электората и по сельсоветам проголосовало не 29,5 %, а около 24,5 %.

Таким образом, после окончания гражданской войны большевики стремились создать новые органы власти на местах, в которых командные высоты оставались бы в руках партии. При этом наиболее массовой формой привлечения крестьянства к общественно-политической жизни должны были стать частые избирательные кампании в местные органы власти. Однако уставшие от долгих лет войны, анархии и частой смены властей жители Харьковской губернии не принимали активного участия в выборах.

---

[26] Харьковский пролетарий. 1923. 30 октября.

[27] Сборник обязательных постановлений Харьковского губисполкома. Харьков, 1924. Ст. 171.

[28] ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 1398 а. Л. 12.

[29] Подсчитано по: ГАХО. Ф-203. Оп. 1. Д. 1398 а. Л. 12; Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 224. Л. 125; Д. 103, Л. 12, 15, 19, 26; Д. 114, Л. 270, 273, 353–365.

[30] Там же. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 224. Л. 125.

[31] Там же. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 1398 а. Л. 12.

[32] Справочник по Харьковской губернии... С. 8–15.

[33] ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 1398 а. Л. 24, 30–33, 12.

Сельское население, привыкшее к общинному самоуправлению, видело в советах, прежде всего, фискальные органы, а отсутствие отчетности, бюрократизация, административные методы работы советов не повышали их авторитета.

Навязывание избиркомами кандидатов от КНС, голосование за которых проводилось открыто и, как правило, одновременно за весь список, равно как и произвол в деле лишения избирательных прав, вызывали негативное отношение населения к выборам.

Низкая активность электората являлась и следствием технических просчетов организаторов: слабая осведомленность населения о времени и месте выборов, низкий уровень учета избирателей. Собрания проводились часто зимой и, из-за отсутствия помещений, на улице. Громоздкость порядка дня выборов приводила к тому, что собрание часто проводилось до поздней ночи и многие избиратели уходили, не дожидаясь голосования.

Среди причин низкой политической активности можно назвать и те, которые сложились в ходе исторического развития данного региона. А именно, низкий уровень образования населения (в 1920 г. 32,4 % населения было неграмотным[34]). Сказывалось и отсутствие устоявшихся демократических традиций. По обычаю, унаследованному от сельских сходов, на выборах присутствовал лишь глава семейства, а патриархальное общество отрицательно относилось к самому факту участия женщины в общественной жизни, поэтому большинство женщин не реализовывало своего избирательного права.

Тем не менее, увеличение на протяжении 1920–1923 гг. участия населения в избирательных кампаниях с 17 % в 1921 г. до 24,5 % в 1923, а также значительное повышение числа членов местных советов может свидетельствовать о том, что посредством избирательных кампаний правящей партии, хоть и частично, но удавалось справиться с поставленным заданием — вовлечением широких слоев крестьянства в общественно политическую жизнь.

---

[34] Статистика Украины... С. 11.

У Цзя-цин
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
кафедра истории и теории культуры
аспирант

БАРДОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В «СОВЕТСКОМ» КОНТЕКСТЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНО КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Сначала небольшое отступление... В сознании рядовых людей понимание «советского» разнообразно не только с точки зрения «изнутри» (т. е. самих российских граждан), но и «извне»: например, в китаеязычном мире существовал (и до сих пор в какой-то степени еще существует) противодействующий «советскому» взгляд в менталитете тех, кого воспитывали под лозунгом «Fan Gong Kang E» (Антикоммунизм и Антироссия[1]), и «Антироссия» была главной идеологемой 1950-х — 1960-х гг. в Китайской Республике на Тайване. По сравнению с поколением, воспитанным на примере романа «Как закалялась сталь» Н.А. Островского в Материковом Китае, для поколения, воспитанного под лозунгом «Антироссия», все, что касается «советского», ассоциируется в большинстве случаев с негативной стороной. Хотя Советский Союз уже не существовал, «советское» уже закончилось, но в менталитете людей, воспитанных на неприятии Советской России, «советское» никак не могли «снять». Например, в обиходе вместо «E Luo Si» (Россия) они говорят «Su Lian» (Советский Союз), или путано используют их как синонимы.

Следовательно, в таком контексте исследования по русской культуре в Материковом Китае оказываются более традиционными и плодотворными, если в основном они идут по «советскому» пути. Однако как в российской, так и в китайской научной сфере произведения с «несоветским», или неофициальным, ярлыком до сих пор еще мало изучены. Характерным примером может служить предмет данной работы. К бардам и их творчеству обращались лишь с конца 1980-х гг., в первую очередь, к Б. Окуджаве и В. Высоцкому. Хотя все изменения во взаимовосприятии культур происходят медленно и мало масштабно, но взгляд на «советское», «советское русское» и «русское» постепенно будет меняться и «извне».

[1] Здесь под Россией имеется в виду, скорее всего, Советская Россия.

Рассмотрение одного и того же культурного явления с разных позиций всегда дает разные интерпретации и оценки. Это особенно часто случается, когда рассматривается культурное явление советского времени. В «советском» контексте, то есть с позиций советской власти и господствующей коммунистической идеологии, то, что не следует официальной линии, считается инакомыслием. Однако среди «инакомыслящих» не все находятся в оппозиции к власти и вступают против нее.

Оглядываясь на прошлое, несмотря на то, что советская власть господствовала на протяжении длительного времени, на большом монотонном фоне мы можем наблюдать культурный плюрализм, развивающийся под влиянием не только новой политики, но и других культур и собственного национального менталитета. Следовательно, параллельно с «советским человеком» в культуре повседневности формируются альтернативные типы человека, поддерживающие не столько позицию, противоположную «советскому», сколько отталкивание от нее и полемику с ней. Так, во второй половине прошлого века, особенно после смерти Сталина, наряду с единственным официальным голосом государства слышатся и другие, разные голоса различных типов людей, которых Б. Фирсов называет «разномыслящими»[2]. Такие сообщества, как стиляги, джазмены, «шестидесятники» и др., а также «поколение П» (по В. Пелевину), скорее всего, просто «идут своим путем», делают и говорят по-своему, а не в соответствии с официальной идеологией, особенно в области повседневности. Советская культура начинает «дробиться» на отдельные и противоречивые субкультуры.

Недаром в период «оттепели» возникали маленькие собрания близких друзей или единомышленников: все собирались в каком-нибудь «своем», не публичном месте. Здесь царили необычные разговоры, а самую важную роль играла песня. Ее слова и мелодию складывал лишь один человек, одновременно выступавший в качестве исполнителя своей песни. Таким образом формировалось бардовское движение, являющееся неотъемлемой частью культуры повседневности периода «оттепели».

Во время возникновения бардовского движения у него не было устойчивого названия, тем более что это культурное явление не было объявлено «сверху», а спонтанно складывалось среди народа. Не только власти, но и каждый его участник по-своему дают ему определение и оценку. Как «сверху», так и «снизу» все смотрят на него с разных точек зрения; следовательно, получается, что каждый термин имеет ряд синонимов, включая как положительные, так и негативные смыслы и оценки.

---

[2] См.: *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: история, теория и практика. СПб, *2008*.

С позиции власти: кто такие «барды»? Это те любители музыки, которые «непрофессионально» занимаются творчеством и исполнением песни. Дело в том, что во время Советского Союза было необходимо, чтобы у каждого гражданина была какая-нибудь постоянная работа. В противном случае он мог быть обвинен в тунеядстве по статье 209 уголовного кодекса. По словам Н. Лебиной, «нежелание трудиться в той форме, которую предлагали и принимали власти, расценивалось как некий вид антисоветской деятельности»[3]. В качестве примера можно привести случай И.А. Бродского. Такие художественные деятели, как писатели, поэты, драматурги, певцы, актеры, композиторы и прочие, должны были состоять в одном из соответствующих творческих союзов, не только для того, чтобы они имели возможность публиковать свои произведения или выступать с их исполнением, но и для того, чтобы власти легче было контролировать содержание того или иного произведения. При этом официальная власть требовала, чтобы песню создавал профессиональный композитор, а слова песен писал профессиональный поэт. Безусловно, профессионалы обладают подходящим уровнем творческого таланта, но здесь «профессиональность» понималась, скорее всего, в том смысле, соотносится ли содержание с официальной идеологией. Применительно к бардовскому движению в то время также употреблялись разные названия в периодической печати: такие как «менестрель», «ашуг» и «самодеятельный автор непесенных стихов среди молодежи»[4].

Соответственно появились разнообразные названия творчества бардов среди критиков. Сначала в связи с распространением авторской песни в таких узких кругах, как студенческий и туристский[5], она называлась студенческой или туристской. Широко использовался и термин «самодеятельная песня» — в противоположность «профессиональной». Помимо того, появлялись и «песня странствий», обозначающая творчество А. Городницкого, Ю. Кима, А. Якушевой и Ю. Визбора[6], и «гитарная

---

[3] *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., *2006*. С. 352–353.

[4] См.: *Гербер А.* «Начинающие менестрели» // Юность. *1964*. № 8. С. 102; *Андреев Ю.* Что поют? // Октябрь. *1965*. № 1. С. 182; *Сохор А.Н.* Путь советской песни. М., *1968*. С. 104.

[5] В то время порой студенческий круг был равен туристскому: ведь студенты параллельно и занимались туристскими походами и альпинизмом.

[6] См.: *Переверзев Л.* Песни странствий // Советская эстрада и цирк. *1965*. № 7. С. 15–17.

песня»[7]. В разное время Ю.А. Андреев тоже называл это явление по-разному. Например, в статье «Проблемы молодежной песни», опубликованной в «Октябре» в 1967 г., Ю.А. Андреев называл молодежную песню «современным народно-поэтическим песенным творчеством»[8]. Позже в своей работе «Наша авторская...» (1991) Андреев использует, кроме выражения «авторская песня», и «самодеятельная песня»: ведь «подавляющее большинство наших авторов и исполнителей все-таки не являются профессионалами от искусства. Это — во-первых, а во-вторых, аббревиатура КСП настолько прочно вошла в историю и теорию нашего движения, что большие усилия и длительное время нужны, чтобы вымыть ее из памяти»[9].

Хотя порой выражения «движение КСП (Клуб самодеятельной песни)» и «бардовское движение» используются как синонимы, на наш взгляд, первое все-таки имеет официальный оттенок. Поскольку действие КСП, в основном, велось под руководством официальной власти и вместе с ним был создан Союзный совет КСП, и при поддержке власти проводились такие мероприятия, как концерты, фестивали, конкурсы, слеты и другие, для которых учреждались оргкомитеты, в которых участвовало жюри, выбирающее лауреатов[10].

Однако если рассмотреть бардовское движение с точки зрения самых бардов, ситуация будет другой. Прежде всего, слово «бард» входило в обиход в связи с названием передачи «Барды и менестрели» на радиостанции «Юность». Слово «менестрели» использовал М. Анчаров. В соответствии с этим бард дал искусству «музыки со словом» такое название, как «менестрельная песня»[11]. Б. Окуджава назвал себя «поющим поэтом» именно потому, что акцентировал внимание на первичности слова по отношению к непритязательному аккомпанементу в данном виде искусства, и предпочитал называть свое творчество «стихами под гитару», а В. Высоцкий и Н. Матвеева предпочитали для себя — «авторскую песню»[12]. А. Якушева в своей статье, опубликованной в 1966 г., тоже счи-

---

[7] См.: *Сохор А.Н.* Путь советской песни... С. 104; *Христиансен Л.* Петь хотят все! // Советская музыка. *1971*. № 10. С. 41–49.

[8] *Андреев Ю.* Проблемы молодежной песни // Октябрь. *1967*. № 1. С. 217.

[9] *Андреев Ю.А.* Наша авторская...: История, теория и современное состояние самодеятельной песни. М., *1991*. С. 57–58.

[10] См., напр.: Всесоюзный совет КСП и Всесоюзный центр авторской песни: Методическое пособие. М., *1989*. С. 7.

[11] *Анчаров М.* Звук шагов: Сб. М., *1992*. С. 9.

[12] См.: *Высоцкий В.С.* Четыре четверти пути. М., *1988*. С. 131; Беседы с Новеллой Матвеевой / Интервью вел М. Аскин // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. IV. М., *2000*. С. 428.

тала, что более правильно называть самодеятельную песню «авторской песней», включая в нее туристскую и студенческую песню[13]. Несмотря на то, что существует много вариантов, в нынешнее время наиболее употребительным названием является «бард». Как пишет И.А. Соколова: «Термином “бард” до сих пор продолжают пользоваться, обозначая им тех, кто исполняет собственные песни, аккомпанируя себе на гитаре»[14].

В «советском» контексте бардовское движение не считалось частью официальной культуры, ведь барды не принадлежали ни к какому творческому союзу, не были зачтены в официальную иерархию профессий, поскольку своим творчеством занимается любитель лишь вне рабочего времени, несмотря на то, что большинство бардов профессионально занимались художественным творчеством (например, Б. Окуджава, М. Анчаров, Н. Матвеева, А. Галич, В. Высоцкий, Ю. Визбор, Б. Вахнюк, А. Якушева и др.).

Кроме них, в ряды бардов включают еще тех, специальность которых принадлежала к естественным и техническим наукам и которые «непрофессионально» занимались художественным творчеством. Наиболее яркими фигурами здесь являются А. Городницкий, Е. Клячкин, Ю. Кукин, В. Туриянский и др. Специальность не ограничивала их творческого размаха, а наоборот, приносила им больше творческого вдохновения и широты взгляда, а также не снижала художественный уровень. Некоторые барды технических профессий, такие как В. Берковский, С. Никитин и Г. Шангин-Березовский, писали песни и на стихи других поэтов, несмотря на то, что они сами не были профессиональными композиторами.

Барды, выступающие в качестве представителей разных профессий, увлекаются музыкой и имеют свои собственные взгляды на жизнь и окружающий мир. Творческое вдохновение бардов в основном исходит из повседневной жизни, поэтому тексты их песен отражают обыденную жизнь рядовых людей, передают их разнообразные чувства и эмоции. Другими словами, барды не воспевают реальность «красивыми словами», а поют о том, что действительно происходит рядом с ними. Бардовская песня не только играет роль сохранения «пейзажа» обыденной жизни и общей памяти «рядовых» людей, но и служит посредником для того, чтобы заново осознать себя. Благодаря разнице между советской официальной культурой и тесно связанной с менталитетом русской традиционной культурой у бардов возникла возможность размышлять, с чем идентифицироваться. А те, кто не идентифицирует себя с советской культурой, — всегда пыта-

---

[13] *Якушева А.* Песня большая и малая // Молодой коммунист. *1966*. № 1. С. 109.

[14] *Соколова И.А.* Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., *2002*. С. 48.

ются найти какой-то выход из такой сложной ситуации в суровых условиях. Поэтому эти люди пели свои песни перед своим кругом, собранным под эгидой общего мировоззрения, общих ценностей, самостоятельного сознания, а также стремления вернуться к своей традиционной культуре.

Таким образом, с одной стороны, в «советском» контексте бардовское движение считалось оппозицией к официальной советской культуре и идеологии, а с другой стороны, в повседневности бардовское движение как «культурный текст» сохраняло русскую традицию, культурную память и менталитет, а также выступало как способ общения между людьми посредством песенного творчества, чтобы думать и говорить «о своем».

Чернова Ольга
Белгородский государственный университет
исторический факультет
аспирант, 3 курс

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В 1920-е гг. НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
(на материалах Курской и Воронежской губерний)

В качестве представителей интересов наемных работников профессиональные союзы в годы новой экономической политики принимали участие в разрешении трудовых конфликтов, которые возникали между нанимателями рабочей силы и наемными работниками по поводу трудовых отношений. Трудовые конфликты имели место как в частных, так и в государственных предприятиях.

Законодательство периода нэпа выделяло несколько разновидностей трудовых споров. Во-первых, трудовые конфликты различались на возникающие: а) в случае нарушения прав сторон, участвующих в трудовых отношениях; б) в случае разногласий сторон при установлении условий трудовых отношений[1]. Во-вторых, трудовые конфликты подразделялись на индивидуальные, групповые и коллективные.

Законодательство предусматривало два способа разрешения трудовых конфликтов: судебный и примирительно-третейский (ст. 168 КЗоТ РСФСР 1922 г.[2]). Выбор того или иного способа разрешения конфликта был поставлен в зависимость от характера разногласий, возникших между сторонами, а не от количественного состава участников спора.

Кодекс законов о труде 1922 г., произведя революцию в правовом регулировании труда, закрепил его основы, сложившиеся в связи с переходом страны к нэпу. Дела по нарушению законов о труде, а также все споры, в том числе и по коллективному договору, должны были решаться либо в принудительном порядке — в особых сессиях Народных судов, либо в порядке примирительного разбирательства в Расценочно-конф-

---

[1] *Жаров С.* Примирительно-третейский порядок разрешения трудовых конфликтов. М., *1926*. С. 4.

[2] Как советские законы охраняют труд и права рабочих. М., *1926*. С. 166.

ликтных комиссиях (далее РКК), Примирительных камерах и Трудовых судах, организуемых на началах паритетного представительства сторон (в них направлялись конфликтные ситуации, не нашедшие своего разрешения в РКК[3]).

В эпоху НЭПа на территории Центрального Черноземья действовали разнообразные органы по разрешению коллективных трудовых споров, созданные на паритетных началах из равного числа представителей профсоюзов, администраций предприятий; в некоторые входили представители местных органов власти.

При разборе конфликтов на производстве не всегда споры решались в пользу рабочих, так как отделы труда, отстаивая интересы трудящихся, одновременно являлись государственными органами и исходили прежде всего из интересов государства и его экономических возможностей. Поэтому возникла необходимость более полного вовлечения профсоюзных организаций в работу по обследованию предприятий и разрешение конфликтов трудящихся.

Сложное экономическое положение требовало от профессиональных союзов самого непосредственного активного участия в налаживании производства. Важным средством для защиты интересов трудящихся на предприятиях в этот период становятся коллективные договоры, заключаемые между работодателями с одной стороны и РКК союза — с другой (предпринимателями и профсоюзами). Опыт коллективно-договорной работы в условиях нэпа получил законодательное закрепление и обобщение в Декрете СНК РСФСР от 22 августа 1922 г. «О коллективном договоре»[4]. Коллективные договоры способствовали сокращению неорганизованных выступлений и стимулировали разрешение вопросов путем компромисса через соответствующие инстанции примирительного и третейского разбирательства.

В начале 20-х гг. первичным органом, который разрешал вопросы и споры, связанные с договором, являлась местная РКК. По Положению, утвержденному Президиумом Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (далее ВЦСПС) «О РКК» от 3 ноября 1922 г.[5] (далее и 1926 г.[6]), РКК организовывались как в государственных, так и в

---

[3] Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 1003. Л. 276 об.

[4] СУ РСФСР. *1922*. № 54. Ст. 683.

[5] Положение о расценочно-конфликтных комиссиях. М., *1922*. С. 69.

[6] *Ерохин Н.В.* Справочник по делам расценочно-конфликтной комиссии. 2-е изд. М., *1926*. С. 87.

частных предприятиях — из равного числа представителей союза (завкома или месткома) и администрации предприятия. В функции РКК входило наблюдение за выполнением коллективного договора и участие в разрешении конфликтов, возникавших на предприятии между администрацией и трудящимися, а также разработка правил внутреннего распорядка[7].

В 1922 г. в «Известиях НКТ»[8] было выпущено соответствующее постановление СНК, в котором говорилось о том, что для разрешения конфликтов, возникающих по вопросам заключения, выполнения и изменения коллективных договоров, организовывались Примирительные камеры. Для подробного ознакомления со всеми обстоятельствами спорного вопроса Примирительные камеры могли в случае крайней необходимости вызывать представителей с мест и посещать места возникновения конфликта.

Задачи, стоявшие перед профсоюзами в области разрешения трудовых конфликтов на предприятиях, были сформулированы на XI Съезде РКП(б) в 1922 г.[9] Организационные формы, в которых проходила деятельность профсоюзов по разрешению трудовых конфликтов, была сведена к следующим основным категориям: 1) профсоюз вступал в непосредственные переговоры по поводу конфликта с администрацией; 2) профсоюз выступал в качестве стороны, представлявшей интересы трудящихся в органах примирительного разбирательства — в расценочно-конфликтных комиссиях, в примирительных камерах и в третейских судах; 3) профсоюзы выделяли своих представителей в состав судебных органов — трудовых сессий народных судов. Профессиональные союзы применяли (при трудовых конфликтах в частных предприятиях) и такие меры воздействия, как стачка и бойкот[10].

Выше названные органы, кроме РКК, не являлись постоянно действующими учреждениями, но организовывались для каждого отдельного случая. Примирительная камера и третейский суд организовывались при органах НКТ — уездной камере инспекции труда и губернских отделах труда по Положению о примирительных камерах и третейских судах[11]. Круг вопросов, которые примирительная камера и третейский суд принимали к рассмотрению и разрешению, был следующим: споры, возни-

---

[7] КЗоТ РСФСР 1922 года и современность. Т. XXXV. М., *1974*. С. 148.

[8] Известия НКТ. *1922*. 20 октября.

[9] *Догадов В.М.* Правовое положение профессиональных союзов СССР. Очерки профсоюзного права. М., *1928*. С. 65.

[10] Там же. С. 66.

[11] Известия НКТ. *1923*. № 4/28.

кавшие при заключении, выполнении, толковании и изменении коллективных договоров и тарифных соглашений. В случае неисполнения решения примирительной камеры и третейского суда наниматель мог быть привлечен к уголовной ответственности. Уголовные дела подлежали передаче в народный суд[12].

Анализ направляемых в профсоюзные органы жалоб сводился к таким вопросам как неправомерное увольнение, недовольство оплатой больничных листов, условия и режим труда, недовольство рабочим снабжением, оказание материальной помощи и выделение санаторно-курортных путевок.

По Курскому Губернскому совету профессиональных союзов (далее ГСПС) за период с 10 февраля 1922 г. по 10 февраля 1923 г. было зарегистрировано 255 конфликтов, из них было разобрано: в РКК на предприятиях — 68, в Губотделах союзов — 114, и Губернской конфликтной комиссии — 73. Распределение конфликтов по причине возникновения видно из Таблицы № 1[13].

Особенностью трудовых конфликтов в период НЭПа было наличие разных форм собственности на производстве, и хотя большая часть забастовок, как и большая часть промышленности, проходила в государственном секторе, встречались недовольства и на частных предприятиях. Успешными оказались действия профессиональных союзов по защите интересов рабочих частных предприятий. Так, воронежские профсоюзы наглядно продемонстрировали свою силу в июле 1923 г., когда забастовали рабочие-кожевники на частных предприятиях. В стачке участвовало около 400 человек, требовавших от предпринимателей выполнения решения союза кожевников о ставках и доплатах для рабочих категорий. ГСПС санкционировал стачку, забронировал для стачечников специальный денежный фонд. Он призвал также всех трудящихся бойкотировать частновладельческие магазины и мастерские, не принявшие требований союза, и обратился к ГСПС соседних губерний и в Москву с просьбой не допускать продажи товаров воронежским предпринимателям и не принимать от них заказов. В поддержку кожевников выступил союз совработников, и через неделю предприниматели сдались, приняв все условия союза кожевников[14].

[12] *Догадов В.М.* Очерки трудового права. Л., *1927*. С. 110.

[13] Отчет Курского губпрофсовета за время с 10.02.1922 г. по 15.02.1923 г. Курск, *1923*. С. 53.

[14] Воронежская Коммуна. *1923*. 13, 22 июля.

Таблица № 1.

	Увольнение		Зарплата		Разные		Всего	
	в пользу:							
	Рабочих	Админ.	Рабочих	Админ.	Рабочих	Админ.	Рабочих	Админ.
В РКК	22	16	6	8	12	4	40	28
В Губотделах	28	14	43	9	10	10	81	33
В Губернской конфликтной комиссии	27	12	15	12	5	2	47	26
Итого:	77	42	64	29	27	16	168	87

Общая деятельность Воронежской губернской конфликтной комиссии выразилась в следующем: разобрано за период с января по апрель 1923 г. 39 конфликтов, охватывающих 288 рабочих, 12 дел было прекращено без разбора, часть была передана в Примирительную Камеру и Третейский суд (6 дел) (см. табл. № 2, 3).

Таблица № 2. Сведения о разобранных в Конфликтной комиссии конфликтах с января по апрель 1923 г.[15]

Категории предприятий	Заявлено	Прекращ. без разбирательства	Разобрано комиссией	Вынесено приговоров Примирит. камерами и Трет. судами	Осталось неразобранными
Государственные	56	12	33	4	7
	1735	806	245	170	514
Частные	12	-	6	2	4
	94		43	38	13
Итого:	68	12	39	6	11
	1829	806	288	208	527

Примечание: Числитель обозначает число конфликтов, а знаменатель — число участников.

---

[15] Обзор деятельности Воронежского губернского отдела труда и губернского управления социального страхования за 1923 г. Воронеж, *1924*. С.88.

Таблица № 3. Сведения о конфликтах по уездам Воронежской губернии, рассмотренных в Примирительных камерах и Третейских судах с января по апрель 1923 г.[16]

Категории предприятий	Число конфликтов, рассм. в Прим. камере	Число конфликтов, рассм. в Трет. суде	Всего рассмотрено конфликтов	Ими затронуто предприятий	С числом рабочих	Обстоятельство возникновения конфликта			
						При заключении колдоговора	При изменении колдоговора	При нарушения колдоговора	Вне связи с колдоговорами
Государственные	5/215	3/6	8/221	7	221	-	1/186	5/33	1/1
Частные	3/27	5/40	8/67	5	67	1/5	-	3/30	1/5
Итого:	8/242	8/46	16/288	12	288	1/5	1/186	8/63	2/2

Примечание: Числитель обозначает число конфликтов, а знаменатель — число участников.

Так, с октября по декабрь 1923 г. на сахарном заводе «Профинтерн» Белгородского уезда Курской губернии зафиксировано четыре конфликта, три по зарплате и один по вопросу приема и увольнения. Три конфликта было улажено РКК, а один передан в высшие инстанции. Все четыре конфликта решены в пользу рабочих[17]. За январь-март 1924 г. в Белгородском уездном отделении союза «пищевиков» было 12 конфликтов, а по союзу «кожевников» — 17 конфликтов[18].

Работа Примирительной камеры и Третейского суда по разбору конфликтов в профсоюзе рабочих пищевкусовой промышленности Курской губернии видна из Таблицы № 4.

[16] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5471 . Оп. 4. Д. 175. Л. 124.

[17] ГАБО. Ф. Р-711. Оп. 1. Д. 33. Л. 126.

[18] Там же. Д. 34. Л. 54.

Таблица № 4. Количество дел, рассмотренных Примирительной камерой и Третейским судом по союзу пищевиков с 1 июня 1922 по 1 января 1923 г.[19]

	Количество конфликтов по причинам		В чью пользу разрешен конфликт	
	Зарплата	Прочие причины	За рабочих	Против
В Примирительной камере	2/516	-	2/516	-
В Третейском суде	2/100	3/56	4/142	1/14

Примечание: Числитель обозначает число конфликтов, а знаменатель — число охваченных конфликтами трудящихся.

В середине 20-х гг. рабочие выдвигали на первый план экономические требования. Детальное представление о характере требований и обращений дает перечень проблем, с которым обращались рабочие Воронежской губернии в 1925/26 гг. к государственным инспекторам труда (см. табл. № 5)[20].

Таблица № 5. Поводы обращений рабочих Воронежской губернии к государственным инспекторам труда в 1925/26 гг.

Поводы обращений	Количество обращений
Заработная плата	399
Неправильные увольнения	87
Проблемы, связанные с распределением рабочего времени и отдыха	66
Вопросы социального страхования	47
Отпуска	29
Обеспечение спецодеждой	16
Прочие поводы	87
Всего:	731

Как видно из приведенной таблицы, одной из самых острых проблем для рабочих была проблема заработной платы. Именно здесь, как правило, был сосредоточен узел противоречий между рабочими и администрацией предприятия.

---

[19] Отчет о работе Курского ГСПС за 1923. Курск, *1924*. С. 84.

[20] Таблица составлена по: Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 51. Оп. 1. Д. 211. Л. 137.

Систематизация характера дел по социально-трудовым конфликтам, переданным в народные суды[21], позволяет представить их в виде следующей таблицы (см. таблицу № 6)[22].

Таблица № 6. Характер дел по социально-трудовым конфликтам, переданным в народные суды Воронежской губернии

Характер дела по социально-трудовому конфликту	Количество дел
Рабочее время и отдых	42
Социальное страхование	17
Заработная плата	10
Регистрация несчастных случаев	6
Прием на работу и увольнение	4
Труд подростков и малолетних	2
Антисанитария	1
Прочие требования	36
Всего:	118

Работа инспекции труда Валуйского уездного отделения союза «пищевиков» (Воронежской губернии) за ноябрь 1927 — февраль 1928 гг. выявила 24 конфликта, а число рабочих, охваченных конфликтами — 292 человека. Из общего числа конфликтов 18 было разрешено в пользу рабочих, а 6 передано в Третейский суд[23]. Следует отметить, что работа инспекции и Третейского суда проходила в разборе конфликтов искового характера: неправильный расчет зарплаты, сверхурочные работы, спецодежда и увольнение.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что трудовые конфликты хотя и были довольно частыми, но, как правило, решались цивилизованным путем. Решающую роль в направлении их по этому пути играли профсоюзы и государственная инспекция труда. В рассматриваемый период прекрасно уживались два принципа западной практики конфликтного разбирательства: и союзы, и государственные органы одинаково интенсивно занимались регулированием конфликтов, возникавших между рабочими и нанимателями.

Таким образом, законодательство периода нэпа и практика его применения позволяли в наибольшей степени учитывать интересы конфликтующих сторон при разрешении коллективных трудовых споров. Этому способствовало и развитие промышленности, и выход страны из экономической разрухи. К сожалению, стройная система разрешения трудовых конфликтов на основе партнерских отношений просуществовала крайне недолго.

---

[21] Действующее законодательство о труде. Вып. II. М., *1923*. С. 198.

[22] Таблица составлена по: ГАВО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 216. Л. 139–143.

[23] ГАБО. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 47. Л. 198.

Шалыгина Дарья
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
исторический факультет
3 курс

ОБРАЗ ВРАГА В КАРИКАТУРАХ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ «ПЕРЕЦЬ» И «КРОКОДИЛ» В 1941–1945 гг.

Сатира всегда становилась способом пропаганды, но в советской пропаганде в период Второй мировой войны она стала особенным жанром: она качественно отличала советскую пропаганду от любой другой в данный период. Сатира была характерна и для киносборников, и для листовок, и для газет, но особенно она внедрялась в наглядной пропаганде: плакатах и различных иллюстрациях. Карикатура стала одним из основных способов изображения врага. В этом контексте следует обратиться к наиболее ярким примерам использования сатиры в пропаганде — к юмористическим журналам.

Наиболее популярными сатирическими журналами (не только в период Великой Отечественной войны) были «Крокодил» и его украинский аналог «Перець». Эти издания распространялись и в тылу, и на фронте, и среди партизанских отрядов. В целом сатирические журналы, наряду с плакатами и «окнами ТАСС», сыграли большую роль в формировании образа врага в данный период.

Журнальная карикатура — это особый вид советского юмора, с одной стороны, очень популярный среди населения, а с другой — жестко контролируемый властью и следующий заданной сверху политике. Однако, изучая данную проблематику, следует учитывать, что такая сатира влияла на формирование определенных стереотипов, взглядов, образов у населения. В период войны об этом свидетельствуют хотя бы многочисленные факты подражания партизанской, подпольной наглядной пропаганды карикатурам наиболее популярных журналов и плакатов, издаваемых в тылу, а также собственные рисунки, отсылаемые населением, которое никогда в лицо не видело Гитлера и «его свору», в редакции сатирических журналов.

Проблематика и феномен образа врага в наглядной пропаганде Второй мировой войны в настоящее время продолжает изучаться[1]. Тем не менее,

---

[1] *Клаус Вашик.* Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате // Родина. *2002*. № 10. С. 14–17; *Шалыгина Д.Л., Куликов В.О.* Образ врага и героя

несмотря на актуальность данной проблемы, образ врага в журналах «Перець» и «Крокодил» не стал объектом специального исследования. Исключение может составить статья Т. Филипповой[2], в которой она сравнивает образ немца в журнале «Новый Сатирикон» в период Первой мировой войны и образ немца в «Крокодиле» в период Великой Отечественной.

Данное исследование основано на применении метода контент-анализа по отношению к карикатуре в периодическом издании как к массовому источнику. Для проведения контент-анализа карикатур была создана база данных, в которую вошло 169 карикатур из 16 номеров журнала «Перець» и 18 номеров «Крокодила». Выборка составлялась с учетом приблизительного совпадения номеров в дате выпуска для наиболее эффективного сравнения. Каждая карикатура была проанализирована по нескольким категориям: год (с целью проследить динамику), автор, герой карикатуры, предмет высмеивания и т. д.

Количество наглядных образов врага в этих двух журналах оказалось неодинаковым. Поскольку подсчет абсолютного числа не является показательным в данном случае, учитывая разное количество журналов, было определено среднее количество изображений внешнего (или внутреннего, если это немецкий предатель) врага. Итак, в среднем в журнале «Перець» образ врага встречается в период войны 5,81 раз в каждом номере, а в «Крокодиле» — 4,81 раз (заметим, что количество страниц в двух журналах было одинаковое — 8, реже 16). Если взять отдельно 1945 г., когда потребность высмеивать врага постепенно теряет свою остроту, то мы увидим, что в «Крокодиле» этот показатель падает до 2,7 образов в каждом номере, а «Перець» демонстрирует читателям в среднем 5,25 изображений врага в каждом номере. Такая статистика ярко отображает приоритетные направления в политике обоих журналов. «Перець» целиком ориентировался на проблематику военных действий, оккупации и внешней политики, «Крокодил» не только в 1945 г., но и ранее обращался к внутренним проблемам. Следующая причина — количество образов советских героев, которые появлялись в большом количестве на страницах обоих журналов. Хотя героизму воинов, тыловых работников, партизан уделялось много внимания, в украинском журнале изображения врагов превалировали, в то время как в «Крокодиле» их количество было приблизительном равным или даже меньшим, чем количество героических образов.

в советских и немецких пропагандистских плакатах периода ВМВ // Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы международной конференции. Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск; Ставрополь; М., *2009*. С. 125–130.

[2] *Филиппова Т.* Аспиды и готтентоты // Родина. *2002*. № 10. С. 31–37.

Одним из основных результатов исследования стало выявление наиболее часто встречаемых в качестве врага персонажей. И в том, и в другом журнале наиболее «популярной» фигурой стал, конечно же, Гитлер: 34 % всех карикатур в «Перце» и 30 % в «Крокодиле». Именно относительно образа Гитлера художники-карикатуристы чаще всего использовали такой интересный пропагандистский метод, как историческая ретроспектива. Этот метод широко использовался при создании пропагандистских плакатов, но он также имел место и в сатирической периодике. Историческая ретроспектива предусматривает связь между образом прошлого и будущего, нахождение этих образов в пространстве одной карикатуры, одного плаката и т.д. В данном случае наблюдаем наиболее частое сравнение Гитлера с Наполеоном[3]. Такое сравнение появляется уже в первых номерах обоих журналов. Впрочем, это неудивительно, принимая во внимание то, что нападение Германии на СССР постоянно сравнивается с походом Наполеона, в том числе и в исследуемых сатирических журналах.

Следующий по частоте употребления образ — министр просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс. В «Перце» образ Геббельса встречается на каждой пятой карикатуре. В «Крокодиле» процент образов «главного лгуна Рейха» относительно общего количества карикатур с образом врага немного меньше — 15 %. Благодаря своим физическим данным Геббельс стал чуть ли не самым любимым героем советских карикатур в период военного времени. Основное качество, которое высмеивалось советскими художниками, — лживость министра пропаганды. В журнале «Перець» рядом с Геббельсом нередко изображали уток, дорисовывали канцелярское перо или ручки, в качестве атрибутов добавляли микрофоны, громкоговорители и т. д. Наиболее интересным качеством карикатурного Геббельса стал его хвост. Сначала в «Крокодиле» печатается карикатура Б. Ефимова на Геббельса, где последний изображается в образе Микки-Мауса с хвостиком в виде свастики[4]. Эта карикатура 1941 г. стала настолько популярной, что ее позднее печатали на плакатах держав-союзников[5]. Как пишет Б. Ефимов, он еще до войны узнал, что в тесном кругу гитлеровской верхушки Геббельс имел прозвище Микки-Маус, за свое сходство с известным мультипликационным персонажем[6].

---

[3] Перець. Видання газети «Комуніст». 5 липень 1941 р. С. 11; Крокодил. М.: Издание газеты «Правда». № 45. *1943*. С. 1 и др..

[4] *Родс Э.* Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М., *2008*. С. 218.

[5] Там же. С. 227.

[6] Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой / Авторы-составители Лев Белоусов, Александр Ватлин. М., *2007*. С.14.

На страницах «Перца» с 1943 г. Геббельс уже необязательно появляется лишь на тех карикатурах, которые высмеивают его собственную лживость, но и просто как обязательный спутник Гитлера. Маленький, ничтожный, занимающий в пространстве карикатуры минимум места, но такой яркий и колоритный, что обязательно привлечет к себе внимание. Вообще, советская пропагандистская традиция, которая сложилась уже в первый год войны, сделала Геббельса самым главным после Гитлера объектом для высмеивания не только в сатирических журналах, но и в любой наглядной пропаганде. Геббельса рисовали даже там, где он не имел никакого отношения к сюжету карикатуры. Такая ситуация наблюдается во всех общесоветских изданиях, которые печатали на своих страницах хоть какие-нибудь карикатуры. Его фигура может быть совсем незаметной, как, например, на карикатуре художника Иванова в газете «В бой за Родину»[7], а может быть центральным персонажем страницы. Редактор газеты «Красная звезда», по свидетельствам Б. Ефимова, который на протяжении войны работал в этом издании, принимая очередной номер, всегда спрашивал: «А Геббельс с хвостиком есть?»[8].

Следующий образ, который полюбился советским карикатуристам, — Муссолини. Толстый массивный, глуповатый, с огромным подбородком, он появляется на 11 % всех карикатур в «Перце». Одна из особенных традиций «Перца» — изображать и описывать дуче без штанов (то есть «потерявши штаны»), намекая на его личную трусость и на трусость итальянской армии.

В «Крокодиле» Муссолини становится сравнительно нечастым гостем уже с 1943 г. Его образ особенно не отличается от образа в украинском сатирическом журнале — дуче такой же тучный, огромный и тупой. Очень часто Муссолини появляется на карикатурах рядом с Гитлером. В таких случаях ничтожность дуче становится еще более выразительной. Муссолини на карикатурах постоянно страдает от Гитлера, выступает в роли его подручного, которому из-за связи с Германией постоянно не везет. Ни на одной карикатуре в обоих журналах среди черт, которые навязывают образу Бенито Муссолини, не фигурируют жестокость, кровожадность, подлость — все те качества, которые характерны для образов немецких нацистов. Для образа Муссолини и в «Крокодиле», и в «Перце» характерна гиперболизированная ничтожность.

Встречаются на страницах обоих журналов сатиры и юмора и такие колоритные в исполнении советских художников особы, как Гиммлер и

---

[7] В бой за родину. *1942.* 1 декабря. С. 2.

[8] Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой / Авторы-сост. Лев Белоусов, Александр Ватлин. М., *2007*. С. 14.

Геринг. Конечно, оба очень проигрывают в «популярности» Гитлеру и Геббельсу. Их фигуры встречаются в среднем в каждом третьем номере «Перца» и каждом четвертом номере «Крокодила». Геринг по традиции советской пропаганды изображается непомерно толстым, с множеством наград на груди. Гиммлера легко узнать по наличию окровавленного топора и очков. Такие штампы были общесоветскими, поэтому искать какие-либо отличия в этих образах на страницах «Крокодила» и «Перца» не стоит.

Кроме вышеуказанных героев, на страницы этих журналов попадали и «портреты» Антонеску, Хорти, Лаваля, Петена, Салаши, Маннергейма и других врагов СССР. Эти герои были второстепенными и не имели каких-то особенных отличий, за исключением Петена, которого рисовали подчеркнуто старым и дряхлым, и Лаваля, похожего на колобок с черными усами.

Карикатуры «Крокодила» в большей степени перекликались с советскими пропагандистскими плакатами, которые в основном издавались в Москве. Этому есть объективное объяснение: карикатуры для плакатов и «окон ТАСС» рисовали те же самые художники, которые работали в «Крокодиле» и других всесоюзных журналах и газетах. Наиболее яркий пример — Борис Ефимов, карикатуры которого печатались не только в «Крокодиле», но и в газете «Красная звезда», журнале «Огонек», на многочисленных плакатах и даже выходили отдельным сборником в период войны.

Отдельный образ, который проигрывал по частоте отображения только образу Гитлера, — это совокупный образ фашиста, или немецкого солдата. В «Перце» частота его изображения составляет 23 % всех карикатур, в «Крокодиле» — 18 %. Обратим внимание на то, что немецкое военное командование и оккупационная администрация определялись как отдельные образы. Немецкий солдат чаще всего изображается худым, несчастным, тупым фашистским созданием, над которым издевается его командование и лично Гитлер. К тому же ему постоянно достается от советских войск. Качества, которыми наделяют фашистского солдата советские художники, — это прежде всего ничтожность, на втором месте — слабость, реже встречаются тупость, уродливость (речь идет о внешних данных), жестокость. В одном из номеров «Крокодила» карикатура, на которой были изображены двое немецких солдат, была подписана следующим образом: «— Почему ты дрожишь, Шульц? — Понимаешь, почему-то земля дрожит от русской артиллерии, вот и я дрожу с ней за компанию»[9].

[9] Крокодил. Издание газеты «Правда». № 42. *1942*. С. 4.

Значительной особенностью «Перца» в сравнении с «Крокодилом» были антинационалистические сюжеты. Их наличие объясняется аудиторией, на которую был рассчитан «Перець»: речь идет, конечно, об украинской аудитории, которая и нуждалась, по-мнению советской власти, в такой пропаганде. Таким образом, к ряду образов врага в карикатурах «Перца» добавлялся еще один: «немецко-украинский буржуазный националист», главной чертой которого была продажность, холуйство, моральная убогость. У украинских националистов на страницах «Перца» были свои характерные признаки, по которым их легко было узнать читателю. Во-первых, это квази-казацкая внешность: вислые усы или стрижка «под горшок». Во-вторых, это казацкая шапка-колпак. В-третьих — трезубец и свастики, стилизованные под орнамент вышиванки.

Рассмотрев основных героев, с помощью которых художники создавали сатирический образ врага, следует обратить внимание на то, какие черты в целом чаще всего высмеивались советскими карикатуристами, когда они обращались к образу внешнего врага.

Итак, 47 % всех карикатур в журнале «Перець» высмеивают ничтожность врага. В «крокодильских» карикатурах этот «недостаток» становится объектом высмеивания в 40 % случаев. 15 % карикатур в журнале «Крокодил» посвящены такому качеству, как слабость. В карикатурах «Перца» слабость высмеивается в 16 % всех карикатур. Отличие слабости от ничтожности было выделено автором для удобства проведения исследования следующим образом: слабость характерна для образа врага тогда, когда он сравнивается с героическими фигурами с советской стороны, которые успешно противостоят ему и заставляют отступать. Ничтожность — качество, которое определяет саму природу врага.

Реже высмеивается лживость (когда речь идет о Геббельсе и нацистской пропаганде), продажность (относительно немецких сателлитов, полицаев, бургомистров и т. д.), жестокость и кровожадность.

Когда Гитлер писал «Майн кампф», он отмечал, что «изображать врага в смешном виде неправильно, так как солдат не может представить себе реального противника и терпит разочарование в дальнейшем»[10]. Но больше чем через десятилетие после написания этого утверждения советская пропаганда возразила ему. Ведь жестокость, кровожадность, хоть и часто встречались они на пропагандистских плакатах, не стали главной чертой образа врага в сатирической журналистике. То, что такие черты как ничтожность, продажность, лживость, слабость встречаются чаще,

[10] *Гитлер А.* Моя борьба. М., *1992* [Електронний документ. Режим доступу: http://militera.lib.ru/memo/german/hitler/06.html]. Доступ — 30.10.2007 г.

конечно не означает, что советская пропаганда в периодике не уделяла внимания жестокости и антигуманности нацистского режима. Но главная цель такого издевательства над врагом в карикатуре — доказать, что наши воины и герои намного сильнее, чем ничтожный противник.

Таким образом, в ходе проведенного контент-анализа журналов «Перець» и «Крокодил» было выявлено, что образ врага стал центральным в украиноязычном сатирическом журнале, в то время как в «Крокодиле» чаще встречались героические, патриотические сюжеты и критика сограждан, чего вообще почти не было в «Перце».

В обоих журналах среди образов врага преобладает Гитлер, которого оба журнала освещают как ничтожную фигуру, пытаясь всячески подчеркнуть это художественными методами.

Вообще ничтожность стала той основной чертой, которой был наделен совокупный образ врага в сатирических журналах. В советской пропаганде было несколько направлений формирования образа врага: через вызов желания мести жестокому, нечеловеческому солдату, через аллегорические сравнения, с целью вызвать отвращение, и через высмеивание самой сути врага и сравнение его с сильным советским воином. Именно последний способ и был превалирующим в сатирических журналах «Крокодил» и «Перець».

Шевелев Егор
Южно-Российский гуманитарный институт
факультет психологии
аспирант, 1 курс

О ЧЕМ МОЛЧАЛ СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН: КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ В ПОИСКОВОМ ДВИЖЕНИИ

С позиций качественной социологии, устной истории и социальной антропологии рассматриваются механизмы и дискурсивный порядок конструирования памяти о Великой Отечественной войне в современном поисковом движении (на примере поискового сообщества Ростовской области).

Великая Отечественная война — знаковое событие советской эпохи. Память о войне на протяжении длительного времени выступала важнейшей опорной точкой конструирования советской идентичности и сейчас сохраняет свою социальную значимость, порождая различные политические эффекты, находясь на пересечении интересов различных социальных групп. Тема памяти о Великой Отечественной в последние десять лет активно осваивалась представителями социальных наук, сама же ВОВ занимала исключительное место в реконструкции советского и постсоветского меморативных ландшафтов[1].

До настоящего времени в фокусе внимания исследователей оказывались, по преимуществу, либо официальные дискурсы, рассматриваемые сквозь призму усилий власти по установлению контроля над памятью[2], либо же репрессированный, отвергнутый официальной риторикой, альтернативный образ прошлого — будь то память военнопленных, блокадников или отпечатки военной повседневности[3]. Меморативный канон и «исключенные» версии военного прошлого при этом позиционировались

---

[1] Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.

[2] *Schmidt M.* Russian Television's Coverage of Victory Day // Kultura. *2005*. № 3; *Дубин Б.* Память. Война. Память о войне // Отечественные записки. *2008*. № 4 (43).

[3] Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. М., *2005*; *Кукулин И.* Регулирование боли. Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной/Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов // Неприкосновенный запас. *2005*. № 2–3 (40–41).*Онкен Э.* От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Неприкосновенный запас. *2005*. № 2–3 (40–41).

как несовместимые, существующие в различных социальных, идеологических и идентификационных средах.

Однако осмысление эффектов функционирования памяти о войне с позиции устной истории, на уровне конкретных групп, требует более тонкой, дифференцированной аналитической системы координат, отказа от бинарных оппозиций, новой исследовательской оптики и аксеологии. Именно в таком методологическом ключе мы исследуем процесс конструирования памяти о Великой Отечественной войне в рамках поискового движения.

Возникшее в СССР в первое послевоенное десятилетие в местах наиболее кровопролитных сражений, получившее официальный статус во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг., пережившее распад Союза и насчитывающее сегодня порядка 15 тысяч участников поисковое движение ориентировано на предметно-символическую деятельность по реконструкции военного прошлого и установлению имен конкретных участников боевых действий. В работе поисковиков сочетаются военная археология, историческая реконструкция и погребальные ритуалы особого рода. Военный поиск, рассматриваемый со стороны производства памяти, оказывается гибридной меморативной практикой, совмещающей в себе советские и постсоветкие способы обращения с прошлым, официальные дискурсы о войне и субкультурные коды, канонические меморативные клише и локальные памятные содержания, полевую романтику, маргинальные действия, идеологические схемы и изобретенные в сообществе коммеморативные ритуалы.

Применяя для описания поисковой деятельности аналитическую сетку координат, сформированную в работах М. Хальбвакса, М. Вельцера, Т. Адорно[4], мы пришли к описанию военного поиска как сложной коммеморативной практики, ориентированной на конструирование собственных мест памяти, служащих, прежде всего, для генерации воспоминаний, функционирующих внутри сообщества, но отчасти также и для трансляции этих содержаний за его пределы. При этом сама память о войне рассматривается нами как коллективная, институционализированная, политизированная и конструирующаяся в дискурсе.

Содержание памяти о войне в поисковом сообществе имеет сложный и противоречивый характер. Здесь тесно переплетаются советский и постсоветский героический дискурс; репрессированные и маргинализированные в свое время представления о потерях в войсках и среди мирного населения, ошибках командования; субкультурные коды, легитимирующие право членов поискового сообщества выступать в качестве

---

[4] *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., *2007*; Память о войне 60 лет спустя...

носителей заимствованных воспоминаний и участвовать в процессе конструирования/трансляции специфической памяти о прошлом.

В качестве базовых коммеморативных практик внутри поискового сообщества выступают формы обращения с останками, начиная с их обнаружения и эксгумации и заканчивая процедурой захоронения. Парадоксальным образом здесь сплетается официозный пафос, дискурс подвига, отмеченный легко опознаваемыми знаками (такими как, например, обелиск на братской могиле или «триединство» солдатской каски, автомата и цветов), и военная травма, проявляющаяся, прежде всего, на предметном уровне и уже потом (иногда значительно позже) артикулируемая внутри сообщества. Порядок обращения с останками четко фиксирован и воспроизводит устойчивые стратегии, лежащие на пересечении внешних этических норм, технических соображений целесообразности и внутригрупповых правил и конвенций, в значительной мере не артикулированных и передающихся непосредственно в рамках практики. Сами стратегии уникальным образом сочетают в себе разнонаправленные культурные тенденции. Так, практика захоронения ярко иллюстрирует собой тезис о гибридном характере коммеморации в поиске с точки зрения советского и постсоветского способа обращения с прошлым. Театрализация обряда захоронения, организация его прежде всего как зрелища позволяет говорить о трансляции содержаний памяти вовне. При этом в ритуале активное участие принимают ветераны, как непосредственные носители опыта, представители власти, устанавливающие над этим опытом символический контроль, а также многочисленные школьники и студенты, которые, с одной стороны, выступают адресатами транслируемой памяти, а с другой — включаются в символическую игру, связанную с идеями реставрации пионерской и комсомольской организаций. В то же время все громче в дискурсе деятельности по обнаружению и захоронению останков воинов звучат религиозные мотивы, обязательной частью ритуала перезахоронения в настоящее время являются православные похоронные обряды.

Военное, и даже более широко — советское прошлое реконструируется в поисковой практике также на предметно-символическом уровне. Во-первых, речь идет об археологическом плане, когда те или иные обнаруженные в местах боев предметы становятся центрами кристаллизации коллективных воспоминаний, представлений о прошлом. Такие предметы выступают своеобразными свидетелями, чье присутствие в прошлом делает их носителями воспоминаний, точками фиксации и местами памяти в настоящем. Этот ресурс максимально используется в музейной работе, которая нередко проводится на базе отдельных поисковых отрядов. Упорядочивание опредмеченного прошлого в музейных экспозициях в поисковом

сообществе служит организации опыта внутри группы, а также выступает в качестве практики ретрансляции содержаний сконструированной памяти вовне. Во-вторых, сама повседневность поискового сообщества, его быт, на предметном уровне адресует к советскому прошлому. Частички советского в обыденности поисковика становятся предметом гордости, объектом пристального, одобряющего внимания товарищей. Выступая в качестве универсальных кодов, те или иные предметы, символически нагруженные «советским» содержанием, становятся связующим звеном, своеобразным мостом в прошлое, позволяющим членам сообщества идентифицировать себя внутри большого культурного пласта, получая, таким образом, широкий доступ к самым различным содержаниям памяти.

Особые практики коммеморации в рамках поискового движения порождают особые стратегии переработки прошлого. Стратегии эти не сводимы к тем, что используются историками или археологами, поскольку базируются на живом опыте конструирования участниками памяти как актуального дискурса о прошлом, проживаемого и используемого для построения идентичности в настоящем. Не сводимы они также и к прямой трансляции памяти в процессе социального взаимодействия, как опосредованного идеологическими клише, так и нет: поисковое сообщество обладает особыми способами конструирования памяти, предметность которых делает максимально яркими и достоверными те содержания, которые получаются в итоге.

Из всего вышесказанного видно, что изучение поисковой деятельности как меморативной практики позволяет проследить, каким образом память о войне рождается, функционирует и видоизменяется в реальных условиях полифонии идеологий, способов и схем построения прошлого, действующих на уровне конкретного сообщества; увидеть процесс ре/конструирования коллективной памяти на микроуровне во множестве конкретных и зачастую разнонаправленных актов коммеморации; сфокусироваться на тех социальных эффектах, которые производятся гибридными версиями памяти о прошлом на локальном уровне, и выяснить, каким образом эти эффекты могут транслироваться вовне, подвергаясь рецепции в более широких социальных контекстах.

В настоящее время мы продолжаем исследования в данном направлении и в дальнейшем планируем сконцентрироваться на детальном анализе выявленных внутри поискового сообщества меморативных практик, проблематизировав при этом статус вещи и тела как особых носителей памяти, а также сфокусироваться на изучении социально-политических эффектов трансляции в широкие контексты локально сконструированной картины военного прошлого.

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ,
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ,
НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

материалы научной конференции
студентов и аспирантов

15–16 апреля 2010 года, Санкт-Петербург

Корректор — Е.А. Пережогина

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 07.04.10
Формат 60x88 1/16. Тираж 130 экз.